ИСКУССТВО КИНО

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ. Лицензия Серия ТВ №10986 от 10.01.2007

воскресенье
9.30

телеканал
Домашний

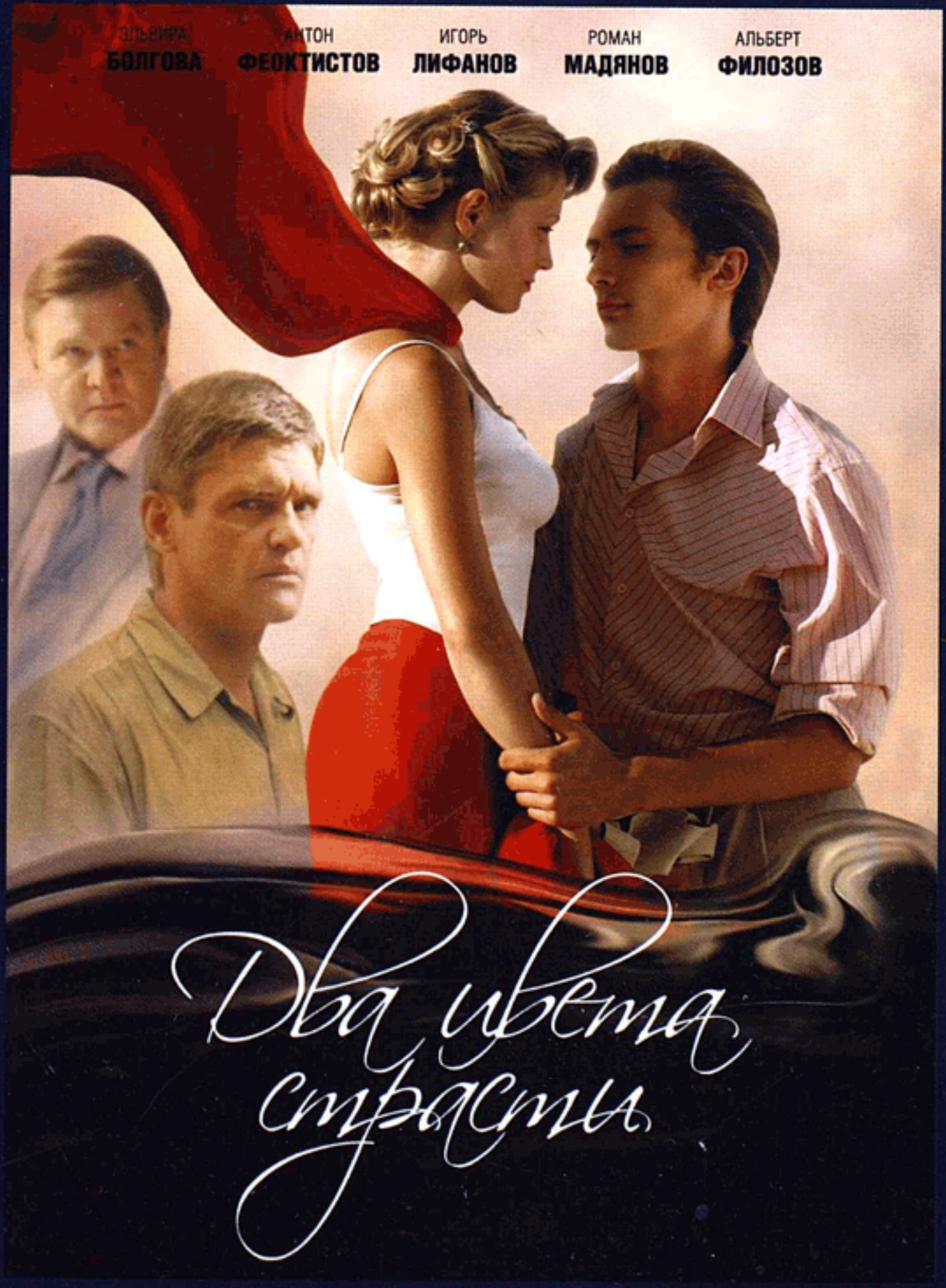
Павел Любимцев
ГОРОДСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Распахните глаза – вас ждёт путешествие! Столицы мира и крохотные городки, галереи и музеи, рестораны и ярмарки... Знаменитые памятники, интреснейшие факты, любопытные детали. Живите увлечённо!

ГРУППА КОМПАНИЙ GP

GP

представляет



Смотрите на DVD

ПЕРВАЯ ВИДЕОКОМПАНИЯ

ГРУППА КОМПАНИЙ GP

в производстве:

„Непрощенные”
Автор сценария и режиссер
Клим Шипенко
В ролях: *Татьяна Васильева, Александр Демидов, Евгений Пронин, Константин Демидов, Константин Соловьев, Михаил Бабичев, Ксения Буравская, Олег Долин, Ольга Ломоносова, Владимир Симонов, Борис Хвошнянский, Анатолий Лобоцкий*

„Если нам суждено”
По мотивам романа Л. Лукиной „Если нам судьба”
Автор сценария
Эверт Паязат
Режиссер *Александр Аравин*
В ролях: *Александр Домогаров, Елена Руфанова, Сергей Маховиков, Елена Великанова, Алексей Панин, Альберт Филозов, Михаил Владимиров, Татьяна Лютаева*

„Дата собственной смерти”
Экранизация романа Анны и Сергея Литвиновых
Автор сценария и режиссер
Денис Червяков
В ролях: *Сергей Шакуров, Анатолий Белый, Александра Флоринская, Екатерина Вуличенко, Анатолий Петров, Ольга Ломоносова*

❑**ПРОЕКТЫ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА СЕГОДНЯ МНОГО ГОВОРЯТ ПРО СЛУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ, ПРО БУДУЩИЙ КОМФОРТ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ, НО НИКОГДА — ПРО ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА** *ДАНИИЛ ДОНДУРЕЙ* ❑**«ЯВЛЕНИЕ»: ЗНАКИ И НЕИЗВЕДАННЫЕ ЗОНЫ ИНСТРУМЕНТЫ ШЬЯМАЛАНА — ТИШИНА, МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ... ОН ДЕМОНСТРАТИВНО ИДЕТ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ, ПРИУЧАЯ НАС К ВОСТОЧНОЙ МЕДИТАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ** *НИНА ЦЫРКУН* ❑**«СВ. АННА»-2008: ФЕСТИВАЛИ НЕ КОРМЯТ... МОЛОДЫЕ РАЗУМНЫ И РАССУДИТЕЛЬНЫ. ВЫСОКО ЦЕНЯТ ПРЕСТИЖ. ТРЕЗВО ПОНИМАЮТ, ЧТО ТАРКОВСКИХ — ЕДИНИЦЫ. И ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К ОБЩЕМУ ПОТОКУ** *КИРИЛЛ РАЗЛОГОВ* ❑**ВООБРАЖАЕМОЕ КИНО: ВКУС ПРОМЕЖУТКА НОЧНОЙ ГИПЕРМАРКЕТ — ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ПАУЗЫ, КОТОРОЕ НЕОЖИДАННО ОТКРЫВАЕТСЯ В ЭПИЦЕНТРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО УГАРА...** *ОЛЕГ ЗИНЦОВ* ❑**МЕНЕДЖМЕНТ-КУЛЬТУРА, СОКРАЩЕННО «МУРА» «МУРА» ЛОВКО МАНИПУЛИРУЕТ ПОНЯТИЕМ «УСПЕХ», СВОДЯ ЕГО К КАТЕГОРИЯМ ПРЕСТИЖНОСТИ. У НАШЕГО КИНО НЕ ОКАЗАЛОСЬ НА НЕЕ ИММУНИТЕТА** *ДМИТРИЙ КОММ* ❑**КОЛЛЕГИ СКЛАДЫВАЛОСЬ ТВЕРДОЕ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО В УНЫЛЕНЬКИЙ МАССОВЫЙ МАРАЗМ НАШЕЙ ЖИЗНИ ОН ЗАБРЕЛ СЛУЧАЙНО, ИЗ СОВЕРШЕННО ИНЫХ, НОВЫХ, БУДУЩИХ ВРЕМЕН, ВОЛШЕБНО СОПРЯЖЕННЫХ С ПРАЗДНИЧНЫМ, ПРЕКРАСНЫМ ПРОШЛЫМ...** *СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ О СОЛОМОНЕ ШУСТЕРЕ*

СОДЕРЖАНИЕ «ИК» №6/08

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ

5

Д.ДОНДУРЕЙ — Л.РАДЗИХОВСКИЙ — А.РОДНЯНСКИЙ

Инновации. Телевизор. Идеология

«Круглый стол» «ИК»

РЕПЕРТУАР

21

НИНА ЦЫРКУН

Хэппенинг

«Явление», режиссер М.Найт Шьямалан

25

ЛИДИЯ КУЗЬМИНА

Нетипичные обстоятельства

«Залечь на дно в Брюгге», режиссер Мартин Макдонах

28

ДАВИД ГАРТ

Арбузная жвачка и слезный магендовид

«Прогулки по воде», режиссер Эйтан Фукс

«Секреты», режиссер Ави Нешер

32

ДМИТРИЙ ДЕСЯТЕРИК

Вне контроля

«Контроль», режиссер Антон Корбейн

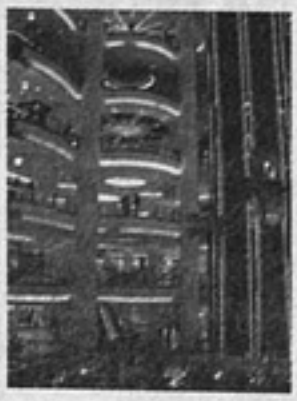
35

ЛАРИСА МАЛЮКОВА — КИРИЛЛ РАЗЛОГОВ

Тише едешь — дальше будешь

«Св. Анна»-2008

КОММЕНТАРИИ



43

ОЛЕГ ЗИНЦОВ

Гипермаркет ночью

45

СЕМЕН ЭКШТУТ

«А какую кавалерию лучше… красную или голубую?»

РАЗБОРЫ

53

АНЖЕЛИКА АРТЮХ — ДМИТРИЙ КОММ

Пожар уже начался

О менеджмент-культуре

64

НАТАЛЬЯ КРИВУЛЯ

3D — и смотри

Полнометражная анимация: от Диснея до новых времен

ОПЫТ

77

ТОМ ХЭНКС:

«Не надо во всем винить Чарлза Уилсона!»

Беседу ведет Жюльетт Мишо

ПУБЛИКАЦИИ

81

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Соломон

Воспоминания о Соломоне Шустере

95

СЕМЕН ШКОЛЬНИКОВ

Тяжкий путь кинохроникера

Военные мемуары. Борис Маневич: «Катерники севера атакуют». Иван Панов: «Над рейхстагом знамя»

ЧТЕНИЕ

107

ОЛЬГА ШЕВЧЕНКО

Пойма

Сценарий

148

ОВАКИМ ДИШДИШЯН

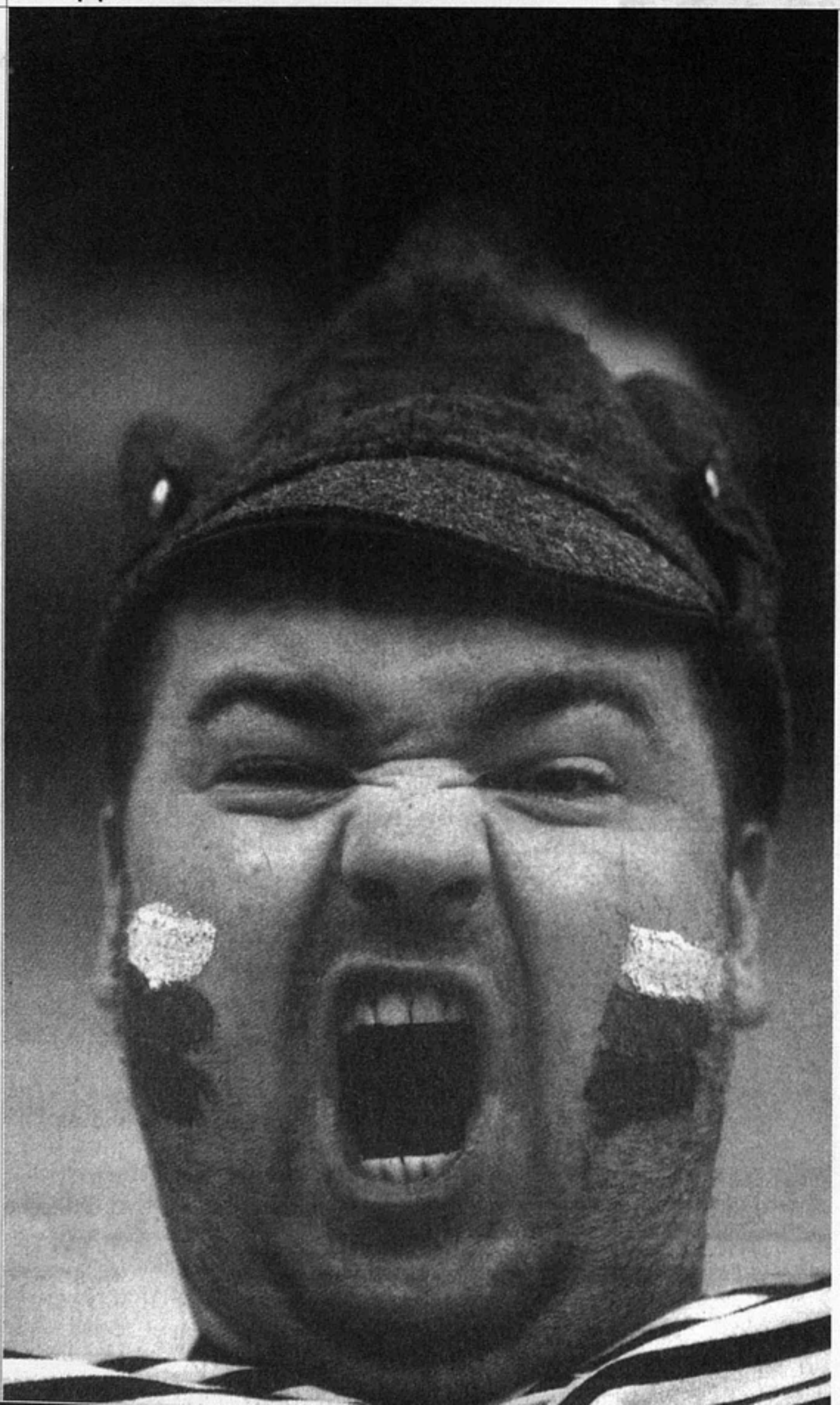
Вниз по Евфрату на плотах

Окончание

SUMMARY

175

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ



Д.ДОНДУРЕЙ — Л.РАДЗИХОВСКИЙ — А.РОДНЯНСКИЙ

Инновации. Телевизор. Идеология

Даниил Дондурей. У меня нет объяснения, почему среди миллионов слов, сказанных в последние месяцы про инновации, нет таких, которые бы связывали этот проект всеобъемлющего переустройства российского общества с чем-то большим, чем разного рода технологии. Создается впечатление, что все последние годы мы делали сосиски обычным образом, а вот теперь осуществим настоящую революцию: купим новые машины, предложим суперсовременные добавки, найдем океан денег и... быстро опередим Европу. Одновременно с этим попытаемся почистить нашу правоохранительную систему, перестроим образование, поддержим малый бизнес, поменяем — в нескольких городах — одиозных мэров. Осуществим еще двадцать-тридцать дополнительных экономических движений — и вот мы в информационном обществе. До свидания, нефтянка! Но как можно добиться подобного без смены идеологии, самой картины мира, укоренившейся в головах миллионов наших соотечественников. Без раскрытия ныне наглухо законопаченных дверей в сознании, без смены текстов и героев в телевизоре. Без целого ряда других вещей, которые имеют самое прямое отношение к циркулируемым в нашем социуме смыслам. Очевидно же, что без всего этого ничего с инновациями не получится.

Недавно я спросил у Ярослава Кузьминова, ректора Высшей школы экономики, одного из идеологов идущей реформы образования: «Как получилось, что вам удалось внедрить в головы высшего начальства ощущение опасности — нужно, не откладывая, что-то делать с качеством образования, с действующими тут структурами? В культуре, в мировоззрении, в морали ничего подобного не получилось. Лидеры нашей страны и слов-то этих не произносят ни в каком контексте. Даже в декларативном, символическом. Вроде бы говорят про служение человеку, про будущий комфорт в повседневной жизни, но никогда — про идеологическое состояние общества. Тем более — про печальную интеллектуальную или креативную атмосферу в стране. Они же прекрасно понимают: все то, что стоит, к примеру, за самым сегодня употребляемым понятием «коррупция», — это ведь не только непрозрачность экономики, нарушение законов, но и очень плохая мораль. Отвратительная и, к сожалению, неотвратимая сегодня. Все лидеры — выпускники советских суперидеологических школ и прекрасно знают, какое все это имеет значение. Может быть, они довольны таким положением вещей?» Ректор Кузьминов — мне в ответ: «Вы, те, кто работает в культуре, просто не научились в цифрах показывать колоссальный ущерб, наносимый национальной экономике культурными барьерами».

Два года назад на Московском кинофестивале был проведен «круглый стол», посвященный видеопиратству, который вел Дмитрий Анатольевич

Медведев, тогда еще в статусе первого вице-премьера правительства. В нашем журнале мы печатали стенограмму. В той дискуссии участвовали несколько министров, важные прокуроры, начальники таможни, милиционеры, телевизионные боссы. Обсуждали разные схемы усиления борьбы с этим злом. Мне предоставили слово в конце, и я высказал гипотезу, согласно которой суть драмы в том, что самые разные группы нашего населения вообще никогда, ни в какой ситуации и ни в каком месте не воспринимают покупку пиратского DVD как нечто нехорошее, тем более — безнравственное. Это так нормально, так естественно для наших граждан — покупать хорошее кино подешевле. Не важно, ворованное оно или нет. И, попытался я поиронизировать, мы все — здесь присутствующие — делаем то же самое. Так что ментально и чисто психологически наша страна еще не готова противостоять пиратству. Будущий президент согласился, сказав, что отсюда и растут корни всеобщего правового нигилизма. Пока этот нигилизм вполне комфортно живет в российском массовом сознании.

Повторяю, у меня нет объяснения такой табуированности мировоззренческих проблем. Эти темы практически никогда серьезно не рассматриваются. Идеологические обстоятельства еще как-то возникали — в связи с борьбой с «лихими 90-ми», но вопросы оценки состояния массовых представлений, в сущности, — никогда. Однажды одна смелая бабушка спросила президента Путина на его ежегодной телевизионной «встрече с народом», отчего так много насилия в телевизоре и почему он это мерзкое дело не запретит. На что Путин ответил: но вы же сами этого хотите. Все рейтинги голосуют именно за то, что телеканалы как раз и показывают. А совсем недавно уже президент Медведев, выступая в редакции «Аргументов и фактов», прямо сказал, что наше телевидение — одно из лучших в мире и очень интересное.

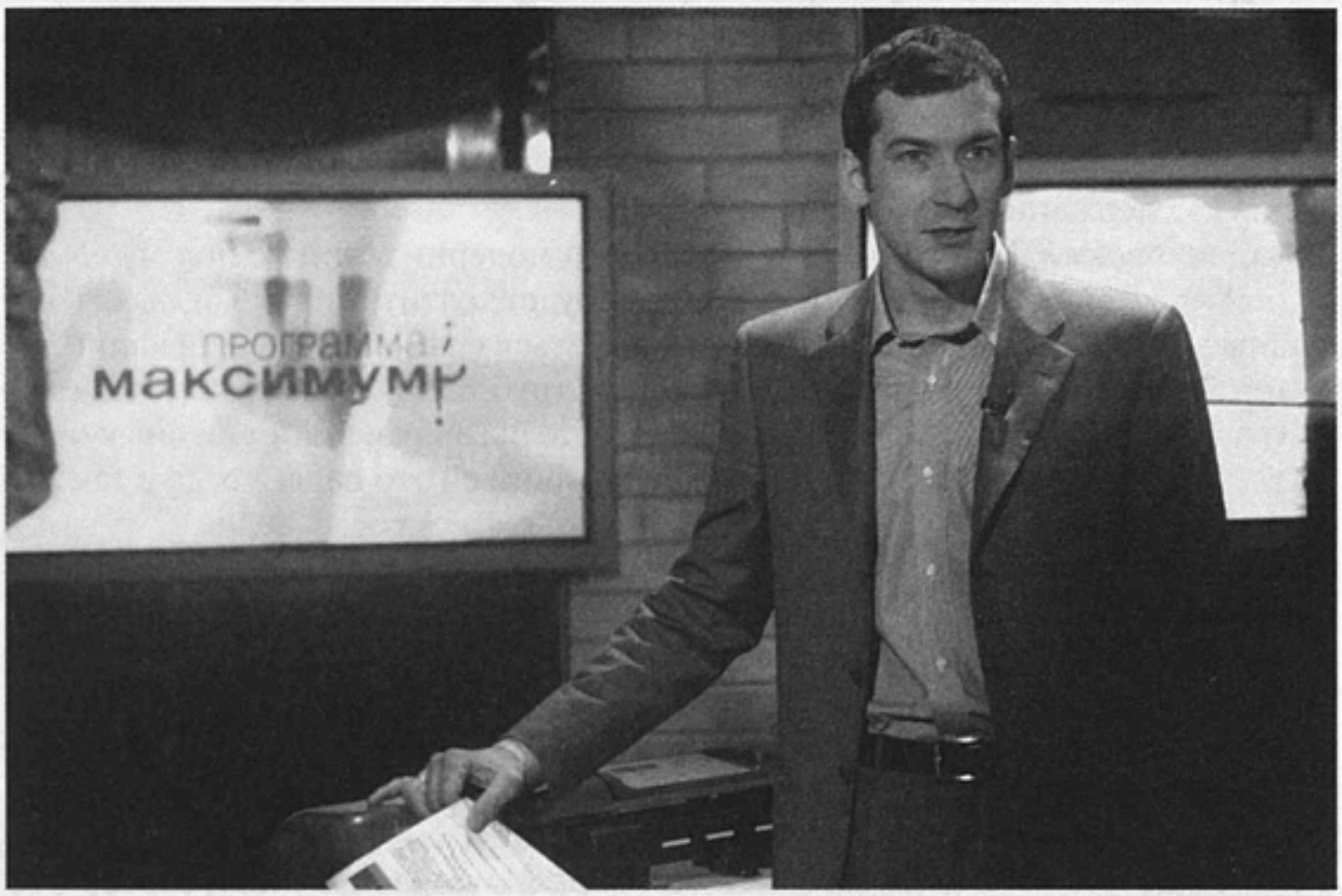
Леонид Радзиховский. Мне кажется, тут обозначено сразу несколько сюжетов. Во-первых, по-моему, это не делается именно потому, что, как вы сами сказали, это всё разумные люди. Разумный человек не будет сам под собой яму рыть. Правильно? Вот в «Братьях Карамазовых» представлены вечные беседы: есть Бог, нет Бога. И так пятьсот страниц. Заколебали уже друг друга и всех читателей. Но одна реплика замечательная. Старик Карамазов говорит: «Кто же эту религию выдумал? Убить надо подлеца. Никакого Бога нет». А Иван спрашивает: «А зачем же это делать? Зачем убить подлеца, который выдумал Бога?» А старик Карамазов говорит: «Как зачем? Чтоб свет истины воссиял». Иван: «Так ведь, если «свет истины воссияет», вас же первого сначала ограбят, а потом упразднят». Вот вам ответ на все вопросы. Какой же дурак хочет, чтобы воссиял свет истины, когда его первого сперва оберут, а потом упразднят? Значит, это старая русская идея. Как Петр европеизацию понимал? Затащить пушки, всякие железяки, но абсолютно ничего не менять с точки зрения политического государственного устройства. Хапануть их железо, а потом, как он очень точно и сочно сказал: повернуться к Европе задом. Вот, собственно, и вся идеология. Она за триста лет ни на копейку не изменилась.

Александр Роднянский. Можно так и назвать наш разговор: «К Европе — задом».

Л.Радзиховский. Мы всегда от нее отстаем, потом возникает идея — действовать рывком, толчком: догнать и перегнать, ничего не меняя с точки зрения политического, социального, культурного и прочего устройства. Потому что если поменять, то надо создать те институты, которые там, «в Европах», развиваются естественным путем и дают им технические преимущества. Если поменять институты, то наше начальство опять же понимает, что его упразднят. Или, как минимум, его власть резко ограничится. Поэтому основная идея модернизации, которая тут, действительно, столетиями не меняется, — это сорвать технические плоды, но ни в коем случае не прикасаться к социально-культурным корням, которые нам абсолютно не нужны.

А если говорить более конкретно про последние восемь лет, то я считаю, что когда некоторые сравнивают Путина со Сталиным, — это конечно, не-

справедливо, потому что он никого не убил. В нем нет этой паранойи и тому подобных вещей. Но в одном отношении он, конечно, на Сталина очень похож. Прекрасно, может быть, даже лучше, чем все те, кто был между ними, умеет манипулировать общественным сознанием. Есть несколько рычажков, несколько «психо-эрогенных зон», которые надо возбудить, и несколько способов это сделать. Умение достаточно тонко льстить народу, рассказывать, что он самый лучший и самый такой-сякой, самый пятый и самый десятый. А все причины наших бед во врагах, соответственно внешних и внутренних. Они —



«Программа максимум»
Фото М.Зильбера

эти макромеханизмы — очень грубые в принципе, но, с точки зрения исполнения, очень тонкие. Надо уметь так это сказать, чтобы люди почувствовали, поверили. Как, собственно, это делается в любом спектакле. Путин в этом плане великолепный режиссер, блистательный актер. Ну кто не говорил всех этих же слов? Все говорили, может, только Горбачев не говорил да Ельцин в первой половине правления (во второй и он пытался говорить). За это их отдельно ненавидят. А так говорили все. Но после Сталина никому не верили (ну, еще Андропову немножко), а Путину верят.

И, конечно, главное средство трансляции этой безусловной парадигмы — телевидение, которое, собственно, на это и работает. Пятиминутки ненависти, причем это уже не минутки, а пятичасовки какие-то. Уже вроде и перекормили этим делом. Достало, люди смотреть это не могут, а на следующий день опять надо, следующая порция наркотика необходима, иначе — ломка. А с другой стороны, на это работает и все остальное. Вот вы возьмите эти стрелялки, пугалки и прочее. Вроде бы уж это-то зачем властям нужно? Я считаю, что нужно, потому что заполняет вакуум в башках. И, во-вторых, как ни странно, примиряет с окружающей действительностью.

Д.Дондурей. Дает объяснительную схему.

Л.Радзиховский. В общем, да. В сериалах вам показывают, конечно, что все богатые люди — воры, убийцы, бандиты, негодяи. Казалось бы, это должно было настраивать против существующего строя. Ну как же иначе? А это не настраивает «против», а примиряет! Все называется вслух, своими словами, называют сами начальники, и это как-то разряжает атмосферу. Вот такой иезуитский способ.

Д.Дондурей. Так напряжение противостояния уменьшается. Как «Литературная газета» в свое время: аргументы оппозиции уходили в свисток. Теперь они — всюду.

Л.Радзиховский. Кто-то правильно сказал: у нас власть выступает и от имени власти, и от имени оппозиции. Выступает Путин и говорит, что кругом коррупция, воровство, беззаконие. Это должен был бы говорить человек, который заканчивает свою речь призывом: долой существующий режим. Но это говорит Путин — и выбивает табурет из-под ног у любой оппозиции, они повисают в словесной петле, а власть ее затянула. Какая ж оппозиция? Все уже сказано, оппозиции добавить нечего — они и не нужны.

Д.Дондурей. Такова новая техника пропаганды.

Л.Радзиховский. Поэтому все разговоры о модернизации сводятся к одному — это техническая, технологическая проблема...

Д.Дондурей. В подтверждение этому — Агентство по печати и массовым коммуникациям передано из попечения Минкульта в Минсвязь — ближе к технарям, спутникам, железкам, телефону, ближе к большим бюджетам. Лишь бы не к содержанию.

Л.Радзиховский. Конечно, ни черта из этой модернизации не получится по одной простейшей причине. Какой дурак будет тратить силы, когда есть халявные деньги? Какой идиот будет вкладываться в эти высокие или какие хотите технологии, когда деньги и так из двух труб текут? Я где-то прочел стихотворение: «Если женщина красива и в постели горяча, станет ли она учиться на хирурга-главврача?» Ну не станет. На фига ей это надо, когда и так все в порядке.

Д.Дондурей. Александр, не кажется тебе, что все это мутанты, а процессы при всех нынешних пропагандистских ловкостях, при всех успехах какие-то обреченные?

А.Роднянский. Я, если честно, не вижу ничего нового. Во-первых, я не вижу общество монолитным, а как всегда вижу его раскалывающимся. Мы видим все те же разные части или два разных сегмента: либералы, как их раньше называли «западники», и славянофилы, назови их сегодня «консерваторы». Так вот для либералов важно все, о чем ты говорил, о морали, культуре и т.д. Это и есть функция экономики, святая вера в то, что правильная экономическая система, правильная организация всего на свете, безусловно, приведет в конечном счете и к изменениям в нравственности.

Д.Дондурей. Через институты?

А.Роднянский. Конечно. Тут любимый пример из Вебера, который говорил о протестантской этике. Она, как правило, представляется доказательством того, что, если мы разумно и внятно отстроим экономику и производство, у нас народятся новые классы и новые типы людей, то есть создастся новая историческая общность, но только не советский народ, а, так сказать, средний класс, буржуазия. И она, безусловно, окажется носителем новой нравственности, в рамках которой коррупция — это нехорошо, а честный заработок — очень хорошо.

Д.Дондурей. Появится прозрачная бухгалтерия...

А.Роднянский. Да. А при ней личная выгода и материальная перспектива, понимаемая в западных координатах, безусловно, приведут к тому, что необходимо будет встраиваться в международный контекст и оказаться частью новой глобальной технологической вселенной. В ее рамках нужно будет разделять в том числе и систему культурных стандартов поведения, правильного взгляда на мир.

Эту позицию легко критиковать, потому что она выглядит чрезвычайно уязвимой. Хотя я знаю многих, убежденных в ее единственной верности. Именно с ней связывают «лихие 90-е». Такая логика развития предполагает существование ответственной элиты, для которой культура не является ничем другим, кроме как системой координат, правилами, в рамках которых возможно осуществление ее сценариев, стратегии, будущего технологий. В рамках этой логики Агентство Сеславинского, безусловно, может находиться в ведомстве, отвечающем за связь и коммуникации. Потому что всем совершенно

понятно, что телекоммуникация сегодня представляет собой нечто принципиально новое — это совершенно другая технологическая вселенная, в пространстве которой разницы между телефоном, компьютерами и телевидением вообще не будет. Важно отрабатывать некую концепцию. Я не обсуждаю, что правильно или не правильно, но логика мне абсолютно ясна.

Мне кажется, что культура и мораль в сознании консерваторов являются нерушимым и сакральным началом, фактически гарантом сохранения и выживания национальной культуры. Я не вижу никакой разницы в том, как

«Чрезвычайное происшествие»
Фото М.Зильбера

обустроена система. Так же было при Иване Грозном, всегда бояре были плохими, коррумпированными и продажными. Я недавно столкнулся с тем, как разумно обсуждалась история республиканского периода в Древнем Риме. Фиксировалось присутствие государственной воли, преимущество единоличного решения в противовес многообразию разных точек зрения. Такой подход по сути является гарантом, защитой от катастрофических или негативных изменений, которые приносит с собой модернизация.

Д.Дондурей. Это тип защиты?

А.Роднянский. Это — искушение, являющееся ответом на вызовы глобализации, необходимости конкурировать, существовать в совершенно других стандартах.

Д.Дондурей. Вопрос на засыпку. Зачем разрешать показывать интервью с маньяком Пичушкиным на НТВ — тридцать пять минут после восьми часов вечера в субботу в передаче «Чистосердечное признание», где он детально рассказывал про удовольствия, которые получал, когда сбрасывал с шестнадцатого этажа своих жертв или когда заманивал в лес девушек и забивал их молотком. Как соотносится защита от глобализма, сохранение российской идентичности или авторитарной власти с тем, чтобы все мы потеряли культурный запрет: показывать это нельзя никогда, ни при каких обстоятельствах. Стоило из программы Мамонтова о педофилах, показанной на канале «Россия», взять шесть секунд итальянскому телевидению, — там поувольняли всех. Нельзя показывать, как маленькие мальчики стоят, сняв штанишки, а какой-то мужик проверяет их пенисы. Впрямую снятое. Почему отключены все табу на эти сюжеты? Почему у нас семьдесят передач в неделю демонстрируют криминал? Нельзя много раз повторять передачу о том, как девятиклассники насилуют учительницу. Зачем это так безнаказанно делается?

А.Роднянский. Здесь вообще секрета нет. Все это доказательство того, к чему приводит выпущенная на волю свобода. Ведь никто на самом деле не заставляет телевизионные каналы, поверь мне, показывать интервью с маньяком. Как это ни печально, но в этом есть доля правды. Есть многое, что нельзя показывать. Но то, что табуируется, естественно, пользуется особым зрительским интересом.

Д.Дондурей. Культура как раз и занимается тем, что одно — разрешает, а другое — запрещает.

А.Роднянский. Понятно. Но с этим если и борются носители консервативного сознания, то именно таким образом, чтобы окончательно не побороть. Все боятся появления специального общественного комитета, читай, — «полиции нравов», которая в лице...

Д.Дондурей. Ильи Сергеевича Глазунова, Проханова или генерала Варенникова начнет рубить шашкой.

А.Роднянский. Да, да, они будут эффективно и быстро устранять из эфира многое — в том числе и то, что никак не похоже на интервью с маньяком. А вот он, маньяк, то ли попадет под зачистку, то ли не попадет. Зато с чем-то политическим, не вредным, не аморальным, а просто свободным, живым, оригинальным, могут обойтись жестко. Внятных критериев нет. То, о чем ты говоришь, является функцией ответственности. И Берлускони, когда это касается не только телевизора, принимает решение тоже чрезвычайно авторитарное. Но никто не будет его подозревать в нарушении демократических норм. Потому что в его решении проявляется реальная ответственность перед обществом. Здесь всегда речь идет о наличии общественного договора. Носителем и контрольным органом по его соблюдению не может быть полиция нравов или общественный совет. Несмотря на то что договор называется «общественным». Это никому делегировать нельзя.

Д.Дондурей. Общественного совета у нас, видимо, не будет никогда. Или если будет, то, как и Общественная палата, — частью исполнительной власти.

Л.Радзиховский. Я бы на этот вопрос ответил гораздо проще. Я хорошо помню 80-е годы. Цензура — одна из многих причин, вследствие которых погибла советская власть. Она была тотальная. За несчастную «Эммануэль» сроки давали. И вот запрещенные секс и насилие на экране стали «естественными врагами» советской власти. И это для разрушения советской власти сыграло гораздо большую роль, как мне кажется, чем политическая цензура.

Вот вы говорили о славянофилах и западниках, но на самом деле групп тут гораздо больше и самая главная в России — это правящая бюрократия, которая не имеет ни славянофильских, не западнических интересов. У них есть какие-то уклоны в ту, в другую сторону, но, в общем, цель у них одна, как у любой бюрократии с пещерных времен. Это — власть, которая конвертируется в деньги. И деньги, которые конвертируются во власть. Нормальное, общечеловеческое дело.

Д.Дондурей. Кстати, в России «власть» и «собственность» срослись и в некоторых академических изданиях пишутся через дефис.

Л.Радзиховский. Самое глупое, что можно сделать, — это ограничивать людей. Надо давать им волю. Кто-то сказал: не завязывайте рот свинье, пока она жрет, дайте ей нахрумкаться вволю. Грубо, цинично, но по сути, с точки зрения властей, очень разумно. Люди хотят этих зрелищ, пусть хавают.

Д.Дондурей. Большое презрение, Леонид, элиты к народу звучит в этом тезисе.

Л.Радзиховский. Ну да, или, наоборот, — разумное понимание того, что они (народ) такие же, как мы (элита). Все люди хотят очень простых вещей. И не фига их ограничивать, а если вы их ограничиваете, то накапливаете в них энергию, которая может пойти совсем в другом направлении. Важно одно, чтобы они не то чтобы не лезли в политику, а чтобы они лезли в нее по заранее проложенным рельсам. Они хотят разряжаться на всяких там жутких манья-

ках — и пусть разряжаются. Потом болтуны в Думе могут изливаться по этому поводу сколько угодно. Пусть создаются разного рода общественные советы. Машина крутится сама, здесь полная воля.

Д.Дондурей. А опасность засориться? Недавно на заседании Никитского клуба Сергея Капицы выступал один технический академик и рассказывал, что у нас уже не хватает людей, способных обслуживать ультрасовременные станки, скажем, для сборки самолетов. Поэтому российские компании привозят иностранных инженеров по вахтовому методу.

Л.Радзиховский. Рабочих даже привозят.

Д.Дондурей. И рабочих. Отставание только накапливается. Во-вторых — это еще опаснее, — нет людей, способных оценить такое отставание. Сам аналитический процесс отстает от необходимых темпов развития.

Л.Радзиховский. Да, у нас грубая страна, и ею надо руководить грубыми методами. А чем они грубее, тем удобнее чувствуют себя начальники, которые к этим методам привыкли, а других не знают. А что касается отставания, то — не страшно. Денег у нас много. Купим — завезем. Тех же самых инженеров.

Знаете, здесь есть один очень интересный феномен. Я иногда имею удовольствие общаться с очень большими начальниками. Они говорят всегда одно и то же: «Какая у нас кошмарная, отвратительная экспортная элита. Она вся гребет бабки, увозит их в Швейцарию, покупает там особняки. На страну им наплевать. Кругозор у них на два года вперед, трын-трава не растет». Но самое интересное, что они говорят-то про себя. Все знают, что со слезой и пафосом в голосе — это они про себя. Они вывозят, они покупают, их родственники, их дети. Это особенность — между прочим, действительно качественная — нынешней российской элиты. Еще раз повторю, той самой, которая сама себя громко, смачно, вкусно обличает во всех пороках. Коррупция? Да, они охотно себя секут: у нас страшная, жуткая коррупция, только без имен, конечно.

Д.Дондурей. Такой мазохистский комплекс.

Л.Радзиховский. Способ снять напряжение и сказать людям: а чего вы ломитесь в открытую дверь, мы сами об этом давно говорим. Что вы орете? Вышел на улицу и кричит, как дурак.

Д.Дондурей. Это тоже способ воздействия — из хитростей новой пропаганды.

Л.Радзиховский. Да, такой прием пропаганды. И тут же подсовываются козлы отпущения. Вот те самые пятиминутки ненависти. Лазерный луч ненависти всегда направляется только на заранее обозначенных врагов, которые могут быстро меняться: грузины, украинцы, американцы — кто угодно. Таким образом, у общества не остается энергии для того, чтобы чем-то всерьез возмутиться. Все ведь разрешено, обо всем говорится.

Д.Дондурей. Но нет и возможности сорганизоваться.

Л.Радзиховский. Это мотор, который никогда не разогреется, потому что все уходит сразу в пар. Вам разрешено это говорить только при одном условии: без имен, без конкретных подробностей, без «что делать?». Имена вызывают ненависть — вот вам имена Буша-Саакашвили-Ющенко-Березовского. А про начальство — пожалуйста, песня без имен.

Д.Дондурей. Меня тоже много раз удивляло, как Владимир Соловьев вдруг начинает буквально громить Кремль в своих передачах. Как-то у него Александр Привалов спокойно так сказал, что у нас ФСБ «крышует» рейдерство. Вы, Леонид, участвовали в этой программе...

Л.Радзиховский. Меня это тоже поразило.

А.Роднянский. Где это было?

Д.Дондурей. На НТВ, «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым».

Л.Радзиховский. Не вырезали ни слова.

Д.Дондурей. Я потом думал: вот это и есть новая пропаганда. Никто никого не арестовал у выхода. Произносить можно абсолютно всё.

Л.Радзиховский. Только, ради бога, не называйте фамилий.

Д.Дондурей. Видимо, сегодня нет другой страны, где бы после отработки некоей политической барщины телевидение и его топ-менеджеры были бы так свободны. То есть не имели никаких общественных ограничений, профессиональных, моральных, сюжетных, стилевых... Дал «Судите сами», «К барьеру», «Постскриптум», «Однако», и — всё. Отработал. После этого делай все, что хочешь, включая рассказы про педофилов. Никого не волнует, как ты зарабатываешь деньги...

А.Роднянский. В отношении того, что это новая форма пропаганды, такая изощренная. Я, честно говоря, не преувеличивал бы ее новизну. Понимаю, что очень эффективно сегодня выходит — влияние на массы огромное. Но мне кажется, что поскольку подавляющее большинство существующей элиты принадлежит к тому поколению, из которого вышел я и сидящие здесь, то мы сегодня наступаем на мины, заложенные еще в советские времена. Я помню бесконечное чувство глубокого стыда за неэффективность, косность и маразм заскорузлой и одряхлевшей системы. Даже если у тебя не было расхождений, что называется, по существу и ты был согласен, что Советский Союз — лидер и т.д. и т.п. Часто «расхождения» были чисто стилистические. Так вот, сейчас эти стилистические расхождения убрали, а главное-то осталось: самосознание, национальная гордость и уверенность в нашем влиянии на мировые процессы. Для поддержания этого духа необходимы, естественно, убийственно яркие, эффектные и эффективные методы: сюжеты, формы их подачи и т.п. Они и проявляются в пропагандистских да и других передачах. Но это не формальный процесс, не формальная — эстетическая — установка, а смысловая, содержательная.

Д.Дондурей. Это не технология?

А.Роднянский. Нет. Это, безусловно, содержание. И что меня всегда поражало: создатели этого содержания, технологи и авторы «пятиминуток ненависти», будучи людьми циничными и вполне прагматичными, тем не менее, безусловно, являются приверженцами определенной системы ценностей, которые они и проводят в жизнь. Тут ножниц нет между личными убеждениями и требованиями времени.

Д.Дондурей. То есть все они, создатели «Чрезвычайных происшествий» и «Больших стирок» — дети советской власти?

А.Роднянский. Конечно. Только они сегодня имеют возможность реализовать давнишние идеи не на старом сленге, не в бессмыслице причитаний и ритуальных текстов, а на живом сегодняшнем языке.

Л.Радзиховский. Это вы как раз имеете в виду «пятиминутки ненависти»?

А.Роднянский. Да.

Л.Радзиховский. Они реализуются не так, как некогда Валентин Зорин и компания.

А.Роднянский. Нет, это живые серьезные люди, которые искренне защищают и проводят то, что им поручили и что они полюбили. Больше того, они не любят тебя, если ты не соглашаешься с ними.

Д.Дондурей. Может, они просто хорошие актеры, работающие по системе Станиславского: идентификация, персонажи...

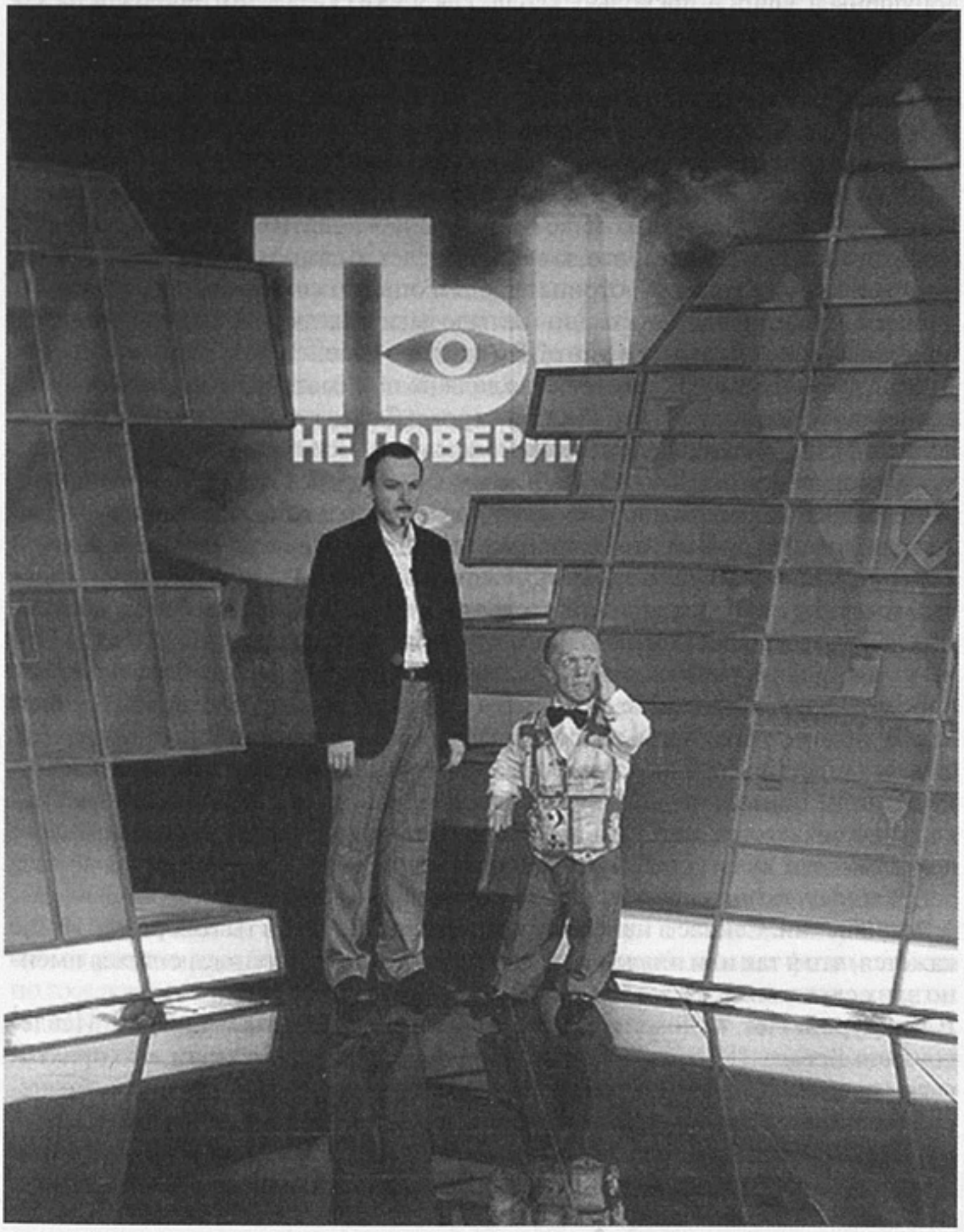
А.Роднянский. Конечно, и это есть, но все равно их главная платформа — ножниц нет. Между тем, что думаю, и тем, что говорю. Вот у Эйзенштейна ведь тоже не было ножниц — в первые годы советской власти. Он же искренне делал «Генеральную линию».

Д.Дондурей. То была мировоззренческая «великая утопия». И тогда, естественно, не было ножниц.

А.Роднянский. Вот у Михаила Афанасьевича Булгакова пьеса «Батум» не получилась. Не вышла. А вот сегодня у авторов получается. Это первое. Второе — в отношении телевидения.

Д.Дондурей. Да, вернемся к формуле «отработал заказ — теперь делай что хочешь»...

А.Роднянский. Это все-таки преувеличение. На телевидении нет особых барских делянок, а есть участки, не принадлежащие барину, которыми все пользуются по-разному. И мы тут не свободнее других. Хотя менеджмент в разных странах мира существует в самых разнообразных системах координат, все, кто работает на телеканалах, вынуждены работать под жесточайшим контролем. Скажем, менеджеры частных компаний — под контролем всего того, что называется «интересом акционеров». Столетиями отлаживались механизмы, нет, не давления, а управления и контроля за малейшими нюансами деятельности управляющих. В этом смысле важно подчеркнуть, что коммерческие компании предельно законопослушны — в значительно большей степени, чем любые другие. А значит — консервативны в соблюдении всяческого рода норм. Конечно, на Западе действуют принципиально иные установки, радикально не совпадающие с нашими. У нас же главная проблема состоит в том, что все телевизионные каналы, независимо от форм собственности, от поставленных перед ними задач, безусловно, являются чисто коммерческими. По своим устремлениям, по направленности. За исключением канала «Культура» в России сегодня некоммерческих телевизионных каналов нет.



«Ты не поверишь!»

При этом, что удивительно, часть каналов не зависит от экономических показателей. У них на табло, если использовать спортивную метафору, нет цифр, отражающих финансовый «счет»: сколько какая программа заработала, какую прибыль принесла, увеличила ли акционерную стоимость. Важны только цифры, фиксирующие зрительское доверие, интерес — рейтинги, поскольку они эффективнее по своей политической и общественной значимости. О чем такая ситуация говорит? О том, что, не будучи экономически мотивированными, эти компании мотивированы аудиторно. Так что — повторюсь — все каналы являются коммерческими, развлекательными, все борются за внимание аудитории. А бороться за это внимание предпочитают прежде всего в тех зонах, которые доказали свою способность приносить самый легкий и быстрый результат. Да, это трэш: маньяки, бандиты, грязное белье и прочее, я условно обозначаю этот контент как «трэш». Это, конечно, таблоид, «желтуха», поверхностный взгляд на действительность.

Д.Дондурей. Сенсации, слухи, частная жизнь...

А.Роднянский. Все, что вы условно называете «стрелялки». Боевые жанры, насилие, смех и множество тех форматов, которые в нормальных ситуациях, если бы канал по-настоящему являлся общественным, безусловно, не были бы допущены в эфир. А поскольку канал, как я уже сказал, мотивирован на завоевание позиций, демонстрацию своей мощи, а значит, на увеличение доли аудитории, то он будет бороться за нее и как бы представлять результаты тем, кто зарабатывает деньги. Объясняя, что таким образом завоевывается площадка для полноты и эффективности того самого главного высказывания, ради которого эти телевизионные каналы и существуют.

Л.Радзиховский. Рейтинг этого канала равняется рейтингу партии «Единая Россия», президента или кого хотите. В общем, рейтинг канала — это еще и рейтинг власти. Канал — это, конечно, средство самой мягкой пропаганды, которая, как уже доказано отрицательным опытом советской власти, в миллион раз эффективнее. Это значит, не надо давить на людей, им надо потакать. Причем во всем. Вы хотите этого? Вы это получите!

Д.Дондурей. Но все-таки начальство должно понимать (об этом недавно рассказывали владельцы «Лукойла» Аликперов и Федун), что пик продаж российской нефти пройден, экспорт энергоносителей расти не будет. Значит, надо как-то привлекать зарубежный капитал, надо заинтересовать его. Увеличивать разведанные запасы, экспортировать новые технологии, включаться в мировое разделение труда. А это напрямую связано не только с игрой в поддавки с народом: вот вы хотите это жрать — жрите. Власть должна понимать, что если в Америке на благотворительность тратят двадцать процентов заработанных денег, а в России меньше одного, то с этим необходимо что-то делать. Потому что наша мораль негативно сказывается на нашей способности конкурировать с другими странами. От нее, от морали, зависит во многом, сумеем ли мы читать компьютерные программы современных станков, будет ли наш самолет успешно соревноваться с франко-германским. Идеологи понимают, неужели не понимают, что где-то обязательно будет сбой. Здесь столько накапливается отставаний, что никакими железяками, технологиями и даже деньгами этот культурный проигрыш не возместить. Он реализуется во всех социальных, экономических, технологических сферах.

А.Роднянский. Сейчас я напряженно думаю о том, о чем ты говоришь. И мне кажется, что я так или иначе всегда участвую в дискуссиях, касающихся именно этих сюжетов.

Д.Дондурей. Нет, подожди, есть очень конкретные характеристики. Исследования Левада-Центра, которые проводились в мае, показали, что практически по всем фундаментальным позициям — отношению к крупному бизнесу, к государственному участию в экономике, к советским идеалам, к Ленину, Сталину — ничего за двадцать лет не изменилось. Если изменилось, то совсем незначительно. С 1989 года в головах населения законсервированы

макрокартины мира. Крупный бизнес должен принадлежать государству, оно должно контролировать цены и т.п.

Л.Радзиховский. Странно, я думал, что в отношении имперской риторики сейчас настроения более жесткие, чем в 80-е.

А.Роднянский. А я хочу спросить: были изменения по сравнению с 80-ми? В одну сторону и в другую...

Д.Дондурей. Были, были колебания. Но не сильные. Все старые представления вернулись. Например, сегодня не хотят пускать в Россию иностранцев.

А.Роднянский. Не хотят. Я тебе больше скажу, в бизнес большие компании не пускают и за пределами России. Российскому бизнесу очень тяжело пробиться за границами своего ареала обитания.

Д.Дондурей. Вернемся к нашей теме: инновации, телевизор, идеология. Люди власти должны понимать, что выигрышна, конкурентоспособна именно прозрачная бухгалтерия. И зрители, переставшие ненавидеть предпринимателя. Но если в сериалах основными заказчиками насилия являются бизнесмены, то завтра ты можешь разыгрывать с ними любые схемы — отнимать крупный бизнес, передавать его государству, делать все что угодно. Сейчас более радикально выскажусь. Понятно, что в России живут люди с раздвоенным, расчетверенным, раздесятиренным сознанием. По опросам, 88 процентов считают, что живут с ощущением удачной жизни, а при этом 78 процентов не обращаются в суды, потому что не верят в их справедливость. Ну разве это соединимые вещи? Нужно ли презирать государство за то, что многие здесь научились потрясающе пользоваться его возможностями. В этом принцип и код российской ментальности. Но власть-то должна понимать, что если она — то есть государство — действительно хочет (не для красного словца) международной интеграции, экономического развития, освобождения от нефтегазовой зависимости и т.п., нужно что-то делать с сознанием людей.

Л.Радзиховский. Мне кажется, что здесь просто несколько разных тем. Например, та, о которой сейчас постоянно говорит Медведев: правовой нигилизм, необходимость честных судов. Вроде бы в стране нет ни одного человека, который бы говорил, что не нужны суды честные. Причем это могут быть и патриоты, и космополиты, и ненавидящие Америку, и обожающие ее. Но по телевидению вам с утра до вечера показывают одно и то же: все менты — бандиты, кроме каких-то чудиков из сериала «Менты». Сидят большие начальники, к ним заходят циники и чудовища, решают вопросы, трут, перетирают, убивают. Идет целенаправленная пропаганда правового нигилизма, которая, казалось бы, прямо противоречит: а) установкам партии и правительства и б) прямым интересам всех граждан.

Д.Дондурей. Не забывайте, что мы на втором месте в мире по зарегистрированным преступлениям на душу населения. Нечто невообразимое.

А.Роднянский. Правда, если не считать Африку и Китай с Индией. Я думаю, что там эту статистику просто не публикуют.

Л.Радзиховский. Вроде бы идет интенсивная и успешная пропаганда правового нигилизма и, одновременно, совсем другие целевые установки. Я думаю, что противоречие здесь невеликое. Конечно, вскоре будет госзаказ — сериалы, фильмы, проповедующие образы честных судей, хороших прокуроров. Это будет обязательно. Большие деньги уже выделили и выделят еще. Но при этом я уверен, что по-прежнему большинство востребованных фильмов — не по госзаказу — будут продолжать проповедовать все тот же правовой нигилизм. И, кстати, американские фильмы почему-то довольно убедительно показывают честных ментов и как-то не хамски, действительно художественно это делают. У нас таких фильмов, думаю, не будет.

Д.Дондурей. А вот Клинт Иствуд в своем новом фильме, показанном недавно на Каннском фестивале, рассказывает про 1929 год. И на старой вроде бы истории обучает своих соотечественников, убеждая их, что несмотря на то, что

в городе преступный начальник полиции и чудовищный мэр, в обществе есть ресурсы: благородные граждане, герои, которые способны победить зло.

Л.Радзиховский. Телевизионная и кинопропаганда правового нигилизма имеет, на мой взгляд, две причины. Первая — это все-таки реализм. Ведь сколько сладкую водичку ни лей про то, про се, никто не поверит. Опять же, власть не хочет тотально и нагло врать, как при Советском Союзе, когда вам действительно показывали идеальных колхозников. Ну не было этого нигде. Это — первое.

Второе — люди хотят смотреть такое, вот им это и показывают. Потому что известно, что положительный герой всегда воспринимается хуже, чем отрицательный. И третье: власть — я думаю, это один из важных моментов — не хочет, конечно, по сути никакого преодоления правового нигилизма. Она этого хочет, может быть, на среднем уровне, но нельзя же быть немножко беременной. Если суды честные в отношении чиновников до уровня вице-губернаторов, то где гарантия, что они будут нечестными в отношении губернаторов? А ему, губернатору, надо, чтобы они были нечестными. А если они сдуру станут честными — как ты их, сволочей, остановишь! Страшно подумать, до чего дойдут эти честные суды. Поэтому нам нужны подобрее Щедрины и такие Гоголи, чтобы нас не трогали. Нам нужна честная правовая система, но где-то до щиколоток. Ну, в крайнем случае, до икры, но, не дай бог, доберется до жизненно важных органов. Органы должны быть сухими, вот это существенная проблема.

Д.Дондурей. Можно сказать, что система очень здорово и целостно обустроена. Телевидение, активный участник формирования тех институтов, которые триста лет воспроизводят одни и те же модели, связанные с типом правления, с встроенностью российского бизнеса в свои привычные феодальные отношения. Бизнес, которому легче договариваться с властью на разных уровнях, чем с этим нервным и ненадежным гражданским обществом, независимой судебной системой и т.д. Я бы так сформулировал: кривой, сломанный, исковерканный паз потрясающе точно вставляется — и попадает — в другой, сломанный же. С европейской точки зрения, исковерканный и неправильный для того, чтобы, каким-то образом зацепившись, все крутилось. Как есть, так и будет.

А.Роднянский. Я, честно говоря, вижу рукотворность сегодняшней модели, а не ее неотменяемую, глубокой стариной овеянную суть. То, что сейчас определяет политику в сфере культуры, мировоззрения, — плод сознательной и очень неглупой работы, которая принесла реальные результаты. Есть элементы нового мира, нового общества, которые встроены в общемировые процессы. Есть понимание того, что так, как было, не может продолжаться.

Д.Дондурей. Идет проектная работа?

А.Роднянский. Конечно. В советское время тоже все врали: чиновники, начальники. Но были кухни. В разговорах на кухне принимали участие те, кто в своих кабинетах озвучивал прямо противоположные идеи и мысли. Сейчас такого двоемыслия нет. Я считаю, что это тоже проектная работа. В Америке деятельность элиты, отражающая настроения в обществе, особенно заметна. Вспомните, там в связи с завершением «холодной войны» стало набирать силу убеждение, что в этой войне победила Япония. Потому что в Америке вдруг все рухнуло. И как откликнулось кино? Появляется, например, «Восходящее солнце» Кауфмана про жуткий японский фактор: японцы живут в Америке, убивают людей, восходит японское «финансовое солнце» и т.п. К чему это я говорю — к тому, что и мы в России столкнулись с новой реальностью. И как-то пережили ее. В принципе, если объективно, со стороны посмотреть на то, что у нас происходит в идеологической сфере, надо признать, что идет проектная работа. Она откликается на изменения реальности, просто откликается не так... Но, безусловно, это сознательное действие. И не следует, мне кажется, недооценивать его, интерпретировать как свидетельство вечного российского — трехсот- или пятисотлетнего — феодального миропо-

нимания и самочувствия. Сегодняшние процессы — не феодализм, а вполне современная форма. Если посмотреть на большое количество стран, государственно-капиталистических по своим исходным структурам...

Д.Дондурей. ...от Южной Кореи до Сингапура...

А.Роднянский. ...то там неевропейские модели довольно эффективно работают. Не нужно напоминать об успешных экономических прорывах таких стран — от Южной Кореи до Сингапура и Чили. Это никак не связано с политическими факторами, с преследованием инакомыслящих. Совершенно не нужно никого преследовать. Надо просто организовать в обществе более или менее острую дискуссию на высоком градусе.

«Профессия — репортер»

Д.Дондурей. Избивать Каспарова не обязательно?

А.Роднянский. Нет, разумеется. Но в принципе ныне действующая система отношений реальности и отражающих ее сфер — это совершенно вменяемая, отстроенная и рабочая система. Мне кажется, твои претензии правомерно отнести к совершенно другой модели общества, но не к той, которая реально существует и развивается здесь и сейчас.

Д.Дондурей. Более хитрой или идеалистической?

А.Роднянский. Она не более идеалистическая, она — иная. Если ты определишь ее, тогда надо сформулировать общий сценарий будущего, и под него тебе потребуется подтащить свое ви́дение моральной или культурной платформы. Но это совсем другая история.

Д.Дондурей. Очень интересная проблема — внутренняя эффективность российской жизни, которую я подозреваю и в самой системе, и в твоих тезисах. Она, действительно, не становится предметом общественных рефлексий. Ее преимущества не очевидны людям. Может быть, их и ведут в какое-то правильное, модернизированное, современное будущее. Но как-то уж очень хитро, методом Ивана Сусанина.

Л.Радзиховский. Я отчасти с Александром соглашусь, отчасти нет. Конечно, это сегодняшняя жизнь не похожа на «совок». И в этом смысле говорить о каких-то постоянных, неизменных инвариантах не приходится. В Советском Союзе была имперская идеология, которая многим была близка, хотя заворачивалась в абсолютно бессмысленную брехню про интернационализм и коммунизм, от которых всех тошнило. К этому надо добавить отсутствие частной собственности. Она уже реально была, подступала, но ее не пускали. Это то, что Солженицын называл «грязная рубаха». Сорвите ее и начните жить не по лжи. Патриотическая, националистическая, имперская идеология, которая была тогда живой, жива и сегодня. В ней был реальный драйв, но тогда он был задавлен,

с одной стороны, старческим маразмом, с другой — коммунистической смирительной рубахой. Сняли эту рубаху, и под ней оказалась живая реальная идеология. В нее верят или отчасти верят ее авторы и апологеты, которые абсолютно не верили в тот бред, который несли при коммунизме. Это правда.

И второе: поскольку эта система построена на частной собственности, в соединении с неплохо устроенной государственной она значительно эффективнее, чем совковая. Согласен. Но я не согласен, что она вообще эффективна. Все-таки то, что мы имеем, резко отличается от действительно успешных систем, допустим, в той же Юго-Восточной Азии, где граждане руками работают. А мы по-прежнему живем по известному анекдоту. Японец был в СССР и, уезжая, подвел итоги: «Да, дети у вас хорошие, но все, что вы делаете руками, чудовищно». Вот этот принцип остался: самоедская и паразитическая система.

Что же касается телевидения как средства пропаганды, то оно таковым является у нас. Но так и во всем мире более или менее. Какая страна — такое и телевидение. Оно везде работает на сохранение и воспроизводство существующей социально-политической системы. Включает имперский градус, грубую систему управления. Опережающе работает на это. В том числе специально показывая, какие мы ужасные, страшные. Что по-другому с нами нельзя. Это органический элемент системы. Система у нас сейчас, конечно, более живая и способная к саморазвитию по сравнению с совковой. Поэтому она не чревата революциями. Условно говоря, если сегодня три чиновника захотят сожрать президента, то, наверное, в России это возможно. Но базовое, как в СССР, изменение системы абсолютно нереально. Поэтому и телевидение наше более живое, грубое, органичное, чем советское. Хотя и минусы имеются.

А.Роднянский. С советской эпохой нельзя сравнивать, технология другая, стоимость, общая экономика — всё!

Л.Радзиховский. Действительно, нет этой инвариантной неизменности. Но какие-то важные общие коды, безусловно, остаются. Все-таки язык тот же, религия та же.

Д.Дондурей. Культурные матрицы срабатывают.

Л.Радзиховский. Да, да. Но, мне кажется, важнее отмечать не то, что неизменно, а то, что действительно меняется. Вот говорят: у нас брежневское телевидение! Неправда, оно совершенно другое.

Д.Дондурей. Ну что же, на этой оде современной системе российской жизни — политической, социальной, моральной, — на панегирике качеству телевизионной продукции мы и завершим наш разговор.

А.Роднянский. У меня к тебе вопрос. Мы всегда говорим о вещах многофункциональных, требующих множества системных подходов. Живой пример. Представь себе, что ты посмотрел отечественный фильм, очень похожий на те, что делаются в Америке. Замечу в скобках, что я у нас не встречал ни одного кинокритика, который разбирал бы фильм объективно, диалектично, по многим критериям: здесь находил недостатки, там поддерживал. Так вот, представь себе механический перевод Голливуда на российские рельсы — этих чудесных положительных героев, честных полицейских, исключительно порядочных мужей, борющихся за единственную и неповторимую любовь в своей жизни, не допускающих даже мысли об измене, эту атмосферу взаимопомощи, веру в победу добра над злом. Только представь себе, как в российском кино это будет работать, как откликнутся на такую продукцию наши критики.

Д.Дондурей. Мне кажется, ты затронул очень важный вопрос. В современных рыночных отношениях все-таки во многом предложение влияет на спрос. В метро ведь никогда не плюют, не писают, отвернувшись к стене, не бросают бумажки. Там поразительно, не по-русски чисто. Есть какие-то поведенческие матрицы, по которым господин Якунин, вероятно, заставит скоро и в электричках не плевать на пол. Существуют простые нормативные техно-

логии, связанные с тем, что можно цивилизовать эту плазму общественного сознания. И что здесь первичнее, очень трудно сказать, все взаимозависимо.

А.Роднянский. В Америке плюют, писают и гадят в метро и электричках...

Д.Дондурей. И все же — нельзя себе представить на обложке журнала «Итоги» или «Эксперт» портрет русского человека, который донес на своих работодателей, не плативших налоги, и стал героем нашей страны. А на обложке «Тайм» запросто появляются три тетеньки, совершившие то же самое у себя в Америке. И их не убили, соседи пожимали им руки и гордились.

А.Роднянский. Да, помню, это было в 2002 году.

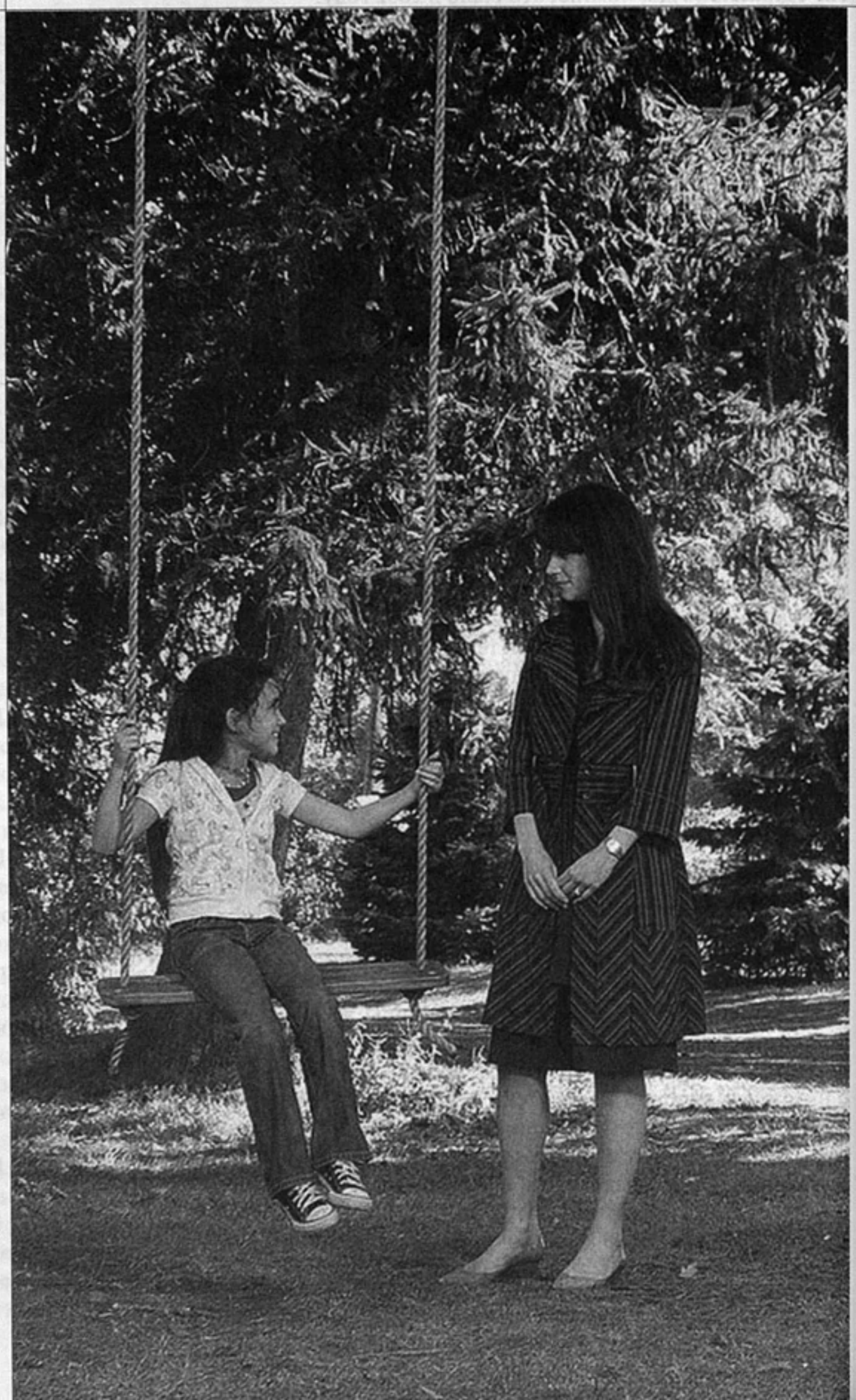
Д.Дондурей. Здесь ты можешь представить подобную ситуацию? Чтобы доносчики стали народными героями?

Л.Радзиховский. Действительно, в американском метро, да и парижском тоже, всякого дерьма хватает. Но это делает низший класс общества. У них культура построена на позитивной информации, правильных сигналах для среднего класса. Для нашего среднего класса позитивные сигналы тоже сегодня важны. Кстати сказать, этим занимается и ваш канал СТС. Информация для среднего класса падает на хорошую почву. Да, эти люди совсем не идиоты и не верят в честных судей и полицейских. Но как нормативы это, конечно, для них некоторое значение имеет. Или возьмем все эти крики про рождаемость. Без всяких призывов мои знакомые с нормальным уровнем дохода считают, что нельзя иметь одного ребенка. При всей специфике нашего общества представители среднего класса одеваются примерно в одну и ту же одежду по всему миру, едят, работают, путешествуют. У них общие ценности: жить более или менее честно, меньше нарушать разного рода нормы, в том числе и в семейном пространстве. Такого рода позитивные сигналы до них доходят, как мне кажется, везде, хотя у нас, конечно, труднее в связи с предысторией. Но здесь относительно национальной специфики я бы не преувеличивал.

А.Роднянский. Мне кажется, что в связи со всем этим нельзя недооценивать ту роль, которую играет экспертное сообщество. Это работа с разными критериями — в том числе и связанными с искусством. Если вы обратите внимание на вброшенные экспертами темы, вокруг которых разворачиваются серьезные общественные дискуссии, то заметите, что они были чаще всего негативистские. Неконструктивные. Честно говоря, при всей нелюбви к трэшу тех каналов, которые этим занимаются, я бы сказал, что маньяки даже у них занимают все-таки меньшую часть эфира. А если возьмем сериалы, я помню, сколько обсуждали «Бригаду», в которой некоторые узнали себя. Переносить на российскую почву — на наши экраны — образы идеально действующих лидеров большого бизнеса, предпринимателей из среднего класса, которые являются героями в странах с развитым обществом, просто нечестно. Двадцать лет назад эти люди жили и работали рядом с «простыми» сегодняшними зрителями. А теперь все они в каких-то не очень понятных для большинства отношениях. Одни благодаря удачно сложившимся обстоятельствам воспользовались «народным достоянием» и стали миллиардерами, а другие растерялись, обиделись, не научились, возненавидели. Мы не можем всерьез требовать от них глубокого понимания природы идущих процессов. Мы про этих людей все понимаем, не надо про них ничего придумывать. Да, с помощью пассивной агрессии у телеэкрана выпускается пар. Тут очень важна миссия экспертного сообщества. Мы можем многократно возвращаться к дискуссиям на тему необходимости инноваций в сфере культуры или идеологии, но оценочных и интерпретационных функций никто с экспертного сообщества не снимал. Элита в любой стране берет на себя самую серьезную ответственность за все, что происходит.

Д.Дондурей. Согласен. Надеюсь, и наша дискуссия — в русле этих задач.

Р Е П Е Р Т У А Р



«Явление»,
режиссер
М.Найт Шьямалан

НИНА ЦЫРКУН

Хэппенинг

Фильму М.Найта Шьямалана, переведенному для нашего проката как «Явление», не повезло в прокатном графике: он вышел буквально вслед за хоррором Картера Смита «Руины», в котором используется не только тот же основной сюжетный ход — угроза человечеству, исходящая из самой природы, — но и повествовательный прием закольцовывания истории. И хотя картина модного фотохудожника Смита, дебютировавшего в большом кино, сделана мастерски и отнюдь не поверхностно пуста, все же «Руины» — чисто жанровое кино, а «Явление» лишь мимикрирует под популярный жанр, как это обычно делает Шьямалан, пытаясь внушить нам необходимость осмыслить настоятельность некоего выбора.

Манеру Шьямалана легко пародировать. Он сам словно подставляется, раз от разу используя одни и те же приемы, одни и те же принципы повествования. Он демонстративно идет против течения, против мейнстрима с его убыстряющимся темпом и калейдоскопическим клиповым монтажом, приучая нас к восточной медитативной практике. В основе сюжета «Явления» — стереотипная ситуация: некая враждебная сила угрожает жизни на Земле. Ужас в том, что враг невидим, неосязаем, неслышим. Тем не менее знаки приближающейся катастрофы рассыпаны повсюду, надо только обладать неким особым чуть-

«Явление» ***(The Happening)***
Автор сценария, режиссер **М.Найт Шьямалан**
Оператор **Так Фудзимото**
Художник **Жаннин Клаудиа Оппуолл**
Композитор **Джеймс Ньютон Хоуард**
В ролях: **Марк Уолберг, Зои Дешанель, Джон Легисамо, Эшлин Санчес, Бетти Бакли и другие**
Barry Mendel Production, Blinding Edge Pictures, Spyglass Entertainment, 20th Century Fox, UTV Motion Pictures, UTV
США
2008

ем, чтобы их различить, а тем более расшифровать. Но люди не только не замечают эти знамения, но и слышать о них не хотят, и вот смертельная угроза, признаки которой оглашает на уроке учитель Эллиот Мур (Марк Уолберг), оставляет его учеников сонно равнодушными. Но это само по себе и есть угроза: рассказывая о внезапной гибели пчел на всей территории страны, Мур по сути дела дает экспозицию того, что вскоре ожидает человечество, теряющее самое существенное — инстинкт жизни. Не случайно, задавая ученикам вопрос о том, почему все-таки исчезают пчелы, от которых не остается даже трупиков, Эллиот обращается к красавчику, завороженному самим собой. Однако тот в вопросе учителя может расслышать лишь то, что касается непосредственно его; парня настораживает, что его красота, оказывается, не вечна, потому что нос и уши растут по миллиметру в год, унося его совершенство. В этом примере — глухая сосредоточенность человека на индивидуальных заморочках, мешающая обратить внимание на реальные проблемы глобального масштаба, возможно, несущие гибель и ему, и его близким.

Месть природы, измученной хозяйственно-экспериментаторской деятельностью человека-покорителя, давно стала предметом интереса и литературы, и кинематографа, особенно после наглядных уроков последствий ядерных взрывов. Самомнение homo sapiens, безответственно провозгласившего себя царем природы, разбивается о ее сопротивление, которое проявляется в непредсказуемых результатах, грозящих смести человечество с лица Земли. В наши дни, когда редкий день начинается без известий о сокрушительных цунами, наводнениях, землетрясениях или торнадо, и это уж не говоря о регулярных сводках, касающихся фатальных климатических изменений, эта тема становится как никогда актуальной. Однако Шьямалан, сам написавший сценарий своего нового фильма, вторгается в неизведанную зону, которая всегда казалась последним бастионом выживания человека. Он рассказывает историю о том, как вмешательство природы не просто физически уничтожает человека или массу людей, а лишает вид homo sapiens самого главного — инстинкта самосохранения, воли к жизни или, иначе говоря, уводит с арены жизнедеятельности Эрос, чтобы отдать ее во власть Танатоса.

Триллер о катастрофах, как правило, начинается с описания мирной повседневности, с атмосферы, погружающей персонажей в расслабленно безмятежное существование. Что может быть обыденнее, чем школьный урок, треп рабочих на стройплощадке, девичья беседа на скамейке в Центральном парке Нью-Йорка! Фишка в том, что сама эта повседневность, обыденность и оказывается смертоносным ужасом. Что может быть обычнее, обиходнее и безобиднее, чем растения, даже не какие-то плотоядные экзоты, как в фильме Картера или в классическом «Дне триффидов», а самые простые тополя или платаны. Но именно от них и исходит посыл смерти: отравленная неизвестным нейротоксином девушка на скамейке молча и внезапно втыкает себе в горло шпильку; полицейский на мостовой стреляет себе в висок, роняет пистолет, который подхватывает сначала водитель из рядом стоящей машины, потом женщина с тротуара, и тоже падают замертво; служащий в цирке подставляется под пасть разъяренного льва; строители падают с верхотуры, обуянные неодолимым желанием умереть.

Инструменты Шьямалана — тишина, медлительность, благодаря чему создается атмосфера жути, ощущение некоей запредельной силы и власти, тайно контролирующей нашу жизнь. Эта сила существует лишь в знаках — в данном случае в зловеще колышущейся листве. Зараза разносится ветром, шумящим меж деревьев, свистящим в траве, врывающимся в раскрытые окна, приобретая размах космической силы, волной подхватывающей толпы людей, создавая ощущение паники.

Однако, как всегда у Шьямалана, история с растениями, уничтожающими в людях волю к жизни, — всего лишь обманка, инструмент для

обнаружения сокровенного, то есть того, что уже поселилось в наших душах, подтачивая их изнутри. Атрофия жизненных сил, поражающая старые цивилизации, готовит нас к печальной перспективе опустошения. Эрос теряет силы, уступая место Танатосу, что проявляется в массовизации явлений, которые кажутся вполне невинными, хвастливо выставляются напоказ, становятся брендами. Маскулинизация женщин, феминизация мужчин, оголтелая борьба за права секс-меньшинств, превращающихся в большинство, сигнализируют о распространяющейся, как зараза, импотенции, бессилии и агрессивном нежелании продлевать род человеческий.

«Явление»

Опять-таки, как принято в фильмах-катастрофах, история в «Явлении» рассказывается на примере отдельно взятой семьи. В отличие от Стивена Спилберга, выбравшего на главную роль в экранизации «Войны миров» (с этим фильмом, на мой взгляд безосновательно, часто сравнивают картину Шьямалана) мегазвезду Тома Круза, которого трудно вообразить рабочим-докером, Шьямалан взял протагонистом Марка Уолберга с его простым, морщинистым лицом и неказистой фигурой, вполне совпадающими с образом обычного школьного учителя из Пенсильвании. (Таким образом, это подчеркнуто заурядная история, причем случиться она может с каждым, и все равны перед угрозой — а потому в массовых сценах мы видим среди беженцев людей разных возрастов, из разных социальных страт.) В личной жизни Эллиота Мура наметилась трещина, о которой он еще не подозревает. Пока он проводит уроки, его молодая жена Альма (Зои Дешанель) мучается дилеммой — продолжать отношения со случайным знакомым или нет. Поступающие с телеэкрана новости об эпидемии самоубийств и тревога мужа побуждают эту пару покинуть опасный город Филадельфию, чтобы укрыться где-нибудь в глуши. Вместе с ними садится в поезд коллега Эллиота Джулиан (Джон Легисамо) с дочкой Джесс (Эшлин Санчес). Но далеко уехать им не удается — зараза, символически зародившись в самом сердце цивилизации — на северо-востоке США, распространяется по стране с невероятной силой. Джулиан, потерявший связь с женой, оставляет дочь на попечение друга и едет на поиски в попутной машине, водитель которой под влиянием все того же нейротоксина вскоре врежется в дерево. Эллиот, Альма и Джесс теряют по пути и других спутников-беженцев, попадая в стоящий на отшибе дом полуодичавшей одинокой вдовы, где и наступает кульминация.

Как всегда, под прикрытием популярного жанра Шьямалан ставит нас перед выбором. Мы должны сделать выбор, пример которого подают герои фильма, чьи распавшиеся семьи соединяются в новую, жизнеспособную ячейку. Повинуясь не нейротоксину, а любовному порыву, Эллиот и Альма вместе с девочкой выходят из разных убежищ на отравленную территорию, чтобы соединиться, — вместе, если повезет, выжить или вместе встретить смерть. И природа будто отступает перед лицом этого подвига, Эрос побеждает Танатос, а наши герои благополучно возвращаются к мирной жизни. Это решение подсказано Эллиоту не разумом, который, скорее всего, заставил бы его кротко отсиживаться за крепкими стенами, а продиктовано внезапным озарением пробудившегося инстинкта сохранения рода, требующего взять под крыло слабого.

Критики говорят, что, начиная с «Шестого чувства», переходя к «Неуязвимому», «Знакам» и «Таинственному лесу», Шьямалан будто пародирует самого себя, становясь легкой добычей для хорошо узнаваемых эпизодов «Очень страшного кино». Говорят, что он одержим манией величия и не осознает смехотворности самоповторов. Мне кажется, в данном случае Шьямалан повел себя хитрее. Не случайно он назвал свой фильм Happening — давайте, мол, сыграем в такую театральную игру без всяких спецэффектов, устроим хэппенинг. Не случайно открыл карты, сказав, что маленькую Эшлин Санчес взял на роль Джесс, потому что ему нужна была «ангельская сила, которая могла бы помогать Эллиоту и Альме сохранять благоразумие в попытках защитить ее». Не случайно он демонстративно разворачивает действие на просторах Пенсильвании — территории, давно зафрахтованной Джорджем Ромеро для его хорроров. Не случайно выбрал на роль эксцентричной миссис Джонс, давшей жутковатое убежище Эллиоту, Альме и Джесс, Бетти Бакли, дебютировавшую в кино в легендарной «Кэрри» Уильяма Фридкина по роману Стивена Кинга. Да и премьера, назначенная на пятницу, 13-е, — явное указание на игру, затеянную Шьямаланом со зрителем. Но сказка — ложь, да в ней намек. Поступок персонажей столь наивно неблагоразумен, что его идеальный исход принимаешь лишь как уступку жанру. А потому и стереотипно-фирменный «поворот Шьямалана» в финале, где вроде бы утихомирившийся токсин вновь начинает свою адскую работу, выглядит не автопародией, а горькой иронией.

ЛИДИЯ КУЗЬМИНА

Нетипичные обстоятельства

Прежде чем поставить свою первую полнометражную картину «Залечь на дно в Брюгге» (которая в оригинале называется проще и емче — «В Брюгге») Мартин Макдонах прославился как театральный драматург. Он так славно прижился на российской почве, что стал в прошлом сезоне самым востребованным театральным автором (наиболее громкие спектакли — «Человек-подушка» в МХТ в постановке Кирилла Серебренникова и «Королева красоты» в «Сатириконе», режиссер Константин Райкин). Однако всю жизнь сын простых ирландцев мечтал о кино. Десять лет, что он жил на пособие по безработице и сочинял пьесы для театра, Макдонах не терял надежды к нему приобщиться. Еще десять лет он наслаждался вдруг свалившейся на него славой, собирал всевозможные театральные премии — и тоже не забывал о кино. И, наконец, получил возможность поставить собственный фильм. Режиссер начал со скромной короткометражки «Шестизарядник» (2004), которая немедленно получила несколько престижных наград, включая «Оскар».

Судьбу его новой картины определила короткая — на выходные под Рождество — поездка в бельгийский город Брюгге, где, согласно путеводителям, сохранилось нетронутое фламандское средневековье. И оно оказалось просто завораживающим: строгие храмы времен Брейгеля, одетые в камень каналы, полсотни мостов, стертые булыжники рыночной площади, готические шпили... Действительно, снять там фильм было большим искушением. Тем более что городские власти отнеслись к этой идее доброжелательно и ради съемок сохранили рождественскую обстановку до весны.

«Залечь на дно в Брюгге» ***(In Bruges)***
Автор сценария, режиссер **Мартин Макдонах**
Оператор **Эйджил Брилд**
Художник **Майкл Карлин**
Композитор **Картер Бурвел**
В ролях: **Колин Фаррелл, Рэйф Файнс, Брендан Глисон, Элизабет Беррингтон и другие**
Blueprint Pictures, Films4, Focus Features, Scion Films
Великобритания — Бельгия
2008

Предновогодний Брюгге — словно сказочная прореха в пространстве, где все не такое, как мы привыкли. И герои Макдонаха как будто не те. Они, как и в его театральных драмах, обитатели социального дна: гангстеры, торговцы оружием и кокаином. Только все это больше не имеет значения. Нездешние декорации стерли «профессиональные черты», обнаружив под этой шкуркой обыкновенных и даже приятных людей: один — печальный старик, другой — взбалмошный мальчишка, а тот — вообще неудавшийся богослов...

В стилистике фильма есть что-то от сурового средневековья, но еще больше — от Тарантино. Макдонах не возражает против таких сравнений, называя самоучку-американца в числе своих кумиров. Да и выросли они на одной почве: выходцы из социальных низов, в юности оба провели немало времени, поглощая кинопродукцию в невероятных количествах. И сюжеты они предпочитают в чем-то схожие: часто криминальные и во что бы то ни стало занимательные. Так и с «Брюгге». Герои картины, два киллера-ирландца, получают указание отсидеться в бельгийском городке после неудачно выполненного задания: новичок Рей (Колин Фаррелл), который должен был убить неугодного священника, случайно зацепил еще и ребенка. Как выясняется позже, не чуждый сентиментальности шеф (Рэйф Файнс) отправил Рея в Бельгию, чтобы он приятно провел последние дни перед смертью, — напарник Кен (Брендан Глисон) должен его убить. Собственно, это было лишним: Рей и без того близок к самоубийству. Однако в Брюгге сошлись случай, судьба и воля людская — словом, все силы по ту и другую сторону небес, чтобы оставить этого мучающегося угрызениями совести непутевого парня в живых.

Остальное — детали, которые на самом деле и есть главное. Уморительные диалоги, построенные на том, что люди фатально не понимают друг друга, — ну прямо как два гангстера-туриста: «Ты поднимаешься?» — «А что там?» — «Ну вид». — «Вид чего? Вид того, что здесь? Я и так здесь». Маленькие сюжетные парадоксы: в фильме все время пытаются убить человека, который и без того решил покончить с собой. Фантасмагоричные обертоны: заботливый Кен, рискуя жизнью, выпроваживает Рея из города — но случай настойчиво возвращает парня в Брюгге, делая этот «рай для туристов» неизбежным, повторяющимся кошмаром.

Словом, здесь всё, как у создателя «Криминального чтива», и даже, пожалуй, лучше, то есть отточенней. Слова сыплются, как бисер. Сюжет открыт для целой толпы посторонних людей — и каждый встречный-поперечный (включая голландских проституток и карликов-актеров) обещает новое приключение и новую возможность изменить жизнь. Все движется к неизбежному хэппи энду — тем, кто вырос, коротая время у голубого экрана, он дорог, как любимые сказки детства. И главное (не напрасно же продукцию Тарантино и иже с ним называют «интеллектуальным фастфудом»!), весь этот карнавал событий — всего лишь зарядка для ума, интеллектуальное развлечение, и искать в нем что-то большее не имеет смысла.

Стиль этот легко приедается. Сюжеты уже не то чтобы интригуют. Возможно, фастфуд от Макдонаха — самого высокого качества, но и здесь множество ходов можно угадать минут на сорок вперед: раз уж в начале герой Файнса говорит, что если бы он убил ребенка, то сам пустил бы себе пулю в лоб, — понятно, что пострадает еще один малыш, чтобы убрать с горизонта шефа раз и навсегда. Возможно даже, что высококачественное «чтиво» скучает по чему-то большему — иначе откуда в фильме такая путаница с актерами, которые пришли как будто из другого кино? Они явно не из тех, кто умеет говорить ни о чем, не напрягаясь. Все время норовят «копнуть глубже», порождая этим целый ряд забавных несоответствий.

Рэйф Файнс, к примеру, с его театральной выучкой, усердно «вещает над пустотой», надрывая голос и нутро. С темпераментом великого безумца актер под маской своего персонажа расточает силы на то, чтобы вникать в банальные мафиозные разборки, размахивать пистолетом и читать нотации нерадивым работникам, — и выглядит абсурдно, даже комично. Другим —

к примеру, грузному, неприметному Глисону — удается-таки привнести свою правду. Школьный преподаватель Брендан Глисон начал сниматься, когда ему стукнуло тридцать четыре; в эфемерном мире кино он выглядит, как кусок ирландской земли — сероватой, такой обыденной, с каменьями и порослью вереска. Актер взял на себя самые рискованные дозы условности — роль раскаявшегося киллера, который ценой собственной жизни спасает младшего друга. Как бравый герой комикса, его Кен, раненый и истекающий кровью, взбирается на башню и плюхается оттуда на площадь, чтобы таким образом — ну из самых последних сил — подать знак Рею: беги! В таких случаях хочется присоединиться к поклонникам рисованных персонажей — в некоторых из них воистину бьется настоящее сердце. Но даже если в этих «ментальных закоулках Макдонаха» что-то и толкает актеров на профессиональный подвиг, одним этим за рамки специфического жанра не выпрыгнуть. Режиссер и не скрывает, что единственное, к чему он стремится, — это занимательность. А как раз с ней все не слава богу: хоть и не дают передышки остроумные речи и канонада сюжетных перипетий, она — занимательность — обязательно слегка обманывает, обижая и надоедая ощущением ложной полноты.

Однако... Этот формат лукав, как искусство, сговорившееся с нечистой силой. Смысл там не приветствуется, но пустующие ниши радушны, они ждут и зазывают своего обитателя. В случае с «Брюгге» этот процесс, к счастью, оказался не поддающимся контролю — незваных «гостей» режиссер не опознал и их визиту не воспрепятствовал. В кадр просочились и нежность, и глубина, и беспокойство — все то, что по неосторожности проскакивает между строк в пылу речи. Неоформленные и трогательные размышления-ощущения разбрелись по улицам Брюгге. О мудрости, которая приходит с опытом. О человеческой привязанности, которая согревает душу, и с ней, размягченной, происходит «доброе что-то». О случае, который склоняется на вашу сторону, если больше на этой стороне никого не осталось. То есть обо всем том, без чего жить было бы грустнее. И без чего трудно усидеть в темном зале и не пожалеть о потраченном времени.

Вероятно, это коварный «синдром первого фильма»: что бы автор ни хотел сказать, он все равно стремится запихнуть туда всего себя без остатка — вместе с тем заветным, что не хочется облекать в слова. А может, во всем виноват Брюгге с его парапетами из старого камня, полотнами гениальных фламандцев в музейных залах и боем курантов на башне — всеми этими осколками старины, что не дадут соврать.

ДАВИД ГАРТ

Арбузная жвачка и слезный магендовид

Из семи фильмов, показанных на майском Фестивале израильского кино в Москве, два обладали отчетливо гендерным профилем, что в очередной раз продемонстрировало западную ориентацию израильского кинематографа. Один из этих фильмов — более ранний, более знаменитый, но в плане художественных достоинств весьма сомнительный; другой — относительно новый (прошлогодний) и на редкость яркий, цельный и живой. Один про мальчиков, другой про девочек, один про светских израильтян, другой про ультраортодоксов, один с хэппи эндом, другой — вовсе нет.

«Прогулки по воде» ***(Lalehet al hamayim)***
Авторы сценария **Галь Уховский, Эйтан Фукс**
Режиссер **Эйтан Фукс**
Оператор **Тобис Хохштейн**
Художники **Ави Фахима, Кристоф Мерг**
Композитор **Иври Лидер**
В ролях: **Лиор Ашкенази, Кнут Бергер, Каролин Петерс, Гидеон Шемерп, Карола Ренье и другие**
Fond Europeen Media, Hot, Israeli Film Fund, Lama Productions, United King Films
Израиль
2005

Парни не плачут

Итак, по хронологии — «Прогулки по воде», или, точнее, «Ходить по воде» («Лалехет аль га-маим»), призер Берлинале-2004, детище творческого и супружеского союза режиссера Эйтана Фукса и сценариста Галя Уховского. Фукс — кумир тель-авивской богемы, создатель сериала «Флорентин» и культового фильма «Йоси и Джаггер» о трагическом романе двух офицеров израильской армии. По сценарию Уховского — помимо и после обсуждаемых здесь «Прогулок» — Фукс снял фильм «Пузырь» (2006) и сейчас работает над байопиком о Герхарде Беке, знаменитом деятеле Сопротивления и гомосексуалисте, выжившем в нацистском Берлине. Впрочем, иные поклонники Эйтана Фукса полагают, что его сотрудничество с Уховским не идет на благо кинематографу, ибо сценарии последнего тяжеловесны, клишированны и грешат внутренней алогичностью.

Сценарий «Прогулок», действительно, вызывает немало пре-

тензий. Агент Моссада Эял (мачо-шмачо Лиор Ашкенази) изящным уколом в тохес убивает хамасовца, отдыхающего с семьей в Стамбуле. Возвратившись с задания домой, он обнаруживает, что его жена покончила жизнь самоубийством, оставив записку со словами: «Ты убиваешь все живое». Учитывая этот стресс-фактор, шеф дает ему щадящее задание — поработать «гидом» с молодым немцем Акселем, приехавшим в Израиль повидаться с сестрой, которая живет в кибуце. Хитрость в том, что эти прекрасные родственники — внуки нацистского преступника, всю жизнь успешно скрывавшегося в Латинской Америке. По данным Моссада, дед по сей день жив, надо его найти и «опередить суд Божий». Эял возит Акселя по стране, показывает ему Мертвое море и Кинерет (где тот, естественно, и пытается пройти по воде — безуспешно), ведет их с сестрой в тель-авивский ресторан, откуда Аксель устремляется на гей-дискотеку и снимает там себе палестинского мальчика. Аксель возвращается домой, вскоре Эял наносит ему ответный визит и на вилле его родителей, как и ожидалось, обнаруживает искомого девяностолетнего офицера СС. При попытке совершить возмездие все тем же изящным уколом шприца с красной жидкостью Эяла настигает нервный срыв, и он впервые в жизни разражается слезами. Однако шесть миллионов жертв Холокоста все же отомщены — Аксель отключает деда от дыхательного аппарата. Из эпилога (два года спустя) мы узнаем, что Эял женился на внучке своей несостоявшейся жертвы и живет в кибуце — собирает арбузы, а иногда снится ему Аксель — будто они, по-дружески держась за руки, шагают по голубой глади Генисаретского озера.

При всем разнообразии представляемых зрителю сцен — убийство хамасовца на стамбульской набережной, учебный тир в подвалах Моссада, спецагент с внучкой нациста у Стены плача, драка в берлинском метро со скинхедами, напавшими на трансвеститов, грязевые ванны на Мертвом море, еврейские народные танцы на аристократической немецкой вилле и т.д. — картина непоправимо скучна. Вот устанавливает наш герой жучок, чтобы записывать разговоры брата с сестрой, а совершенно неинтересно, что он там выяснит. Вот мчится он на стареньком авто Акселя, чтобы прикончить врага народа, — и тоже никакого саспенса. И откуда бы ему взяться: маловато героизма в том, чтобы прослушивать квартиру мирных немцев или убивать беспомощного старика, и никаких опасностей или подвохов здесь не ждешь — и их, действительно, не происходит. Или вот купаются герои в Мертвом море, потом под душем смывают соль (между прочим, au naturel), мажут друг друга кремом и — ни малейшего эротического напряжения.

Как бы ни были хороши и обаятельны актеры, их игра порядком подпорчена схематичностью сценария и психологической ненатуральностью. Агенты Моссада — невозмутимые убийцы, они не говорят о чувствах (за исключением ненависти к палестинцам) и не плачут, даже когда умирает их собственная жена. Немцы — открытые миру пацифисты, они любят израильские танцы и учат иврит. При (совершенно неправдоподобном, заметим) перекрестном опылении этих двух типов получаем немца-пацифиста, ни с того ни с сего убивающего собственного деда и за это (пусть во сне, но все же) удостаивающегося святости достаточной, чтобы ходить по воде Галилейского моря. Мы получаем также моссадовца, который бросает свою секретную, престижную, высокооплачиваемую работу, женится на немке, в свое время не впечатлившей его ни на грамм, и переселяется в кибуц с его коллективизмом, патриотизмом и народными танцами — всем тем, что раньше вызывало у героя рефлекторное отвращение.

Словом, мир, дружба и сладкая-сладкая арбузная жвачка.

Осторожно, религия

Теперь о втором фильме — «Секреты».

Наоми, дочь уважаемого раввина и сама девушка необычайно ученая, откладывает свадьбу с лучшим учеником своего отца и едет учиться на женские курсы в Цфат. В детстве она мечтала пойти по стопам отца, потом, конечно же, поняла, что в ультраортодоксальном обществе (к которому она принадлежит с рождения и выхода за пределы которого себе не мыслит), эта мечта смехотворна, но все равно стремилась продолжить образование, пока семейные обязанности не поглотили все ее время. Правда, курсы, на которые она поступила, вряд ли способны ей что-то дать: соученицы существенно уступают ей в подготовке и вообще приехали на этот факультет невест в поисках помолвки. Но это до поры до времени неважно.

В рамках социальной помощи, которой во исполнение заповеди о цдаке занимаются ученицы курсов, Наоми со своей соседкой по комнате Мишель носят еду загадочной француженке Анук (Фанни Ардан). Анук когда-то ушла от мужа и детей к любовнику, цфатскому художнику, а потом, когда через несколько лет тот ее оставил, убила его (или не убила — это так и не ясно, но в любом случае бросила своих детей, за что себя и винит). Теперь она смертельно больна и стремится покаяться и очиститься, но не знает как. Мишель уговаривает Наоми помочь ей. Наоми — девушка строгая и ответственная, этакая Искра Полякова из «Завтра была война»; сначала она отказывается — знаний маловато, да и дисциплина не позволяет, но потом соглашается и упорно идет до конца. Опираясь на сочинения знаменитых цфатских каббалистов, они проводят с Анук ритуалы исправления, тикуна. Вся эта каббалистическая эпопея, символизируемая магически светящимися буквами в трейлере фильма, — хождения вокруг костра, купание в микве Аризаля — вкупе с довольно-таки фальшивой игрой Фанни Ардан, оказав-

«Секреты» ***(Sodot, Ha-)***

Авторы сценария **Хадар Галрон, Ави Нешер**
Режиссер **Ави Нешер**
Оператор **Михель Абрамович**
Художник **Йорам Шайер**
Композитор **Даниел Саломон**
В ролях: **Фанни Ардан, Аня Букштейн, Михаль Штамлер и другие**
Artomas Communications, Metro Communications, Tu Vas Voir Productions
Израиль
2007

шейся совсем не в своем амплуа, выглядит весьма ненатурально, если не сказать — театрально. Но не в этом дело.

На девочек доносят начальству, им делают строгое внушение (потому что это неслыханная дерзость — повторять обряды Аризаля, да еще и кому — женщине! да еще и для кого — для нееврейки!), а когда в следующий раз они уходят с субботней трапезы, чтобы побыть с умирающей Анук, их исключают. Но дело и не в этом тоже.

Дело в том, что более светская и романтически настроенная Мишель то и дело заговаривает о любви, и Наоми осознает, что жениха своего вовсе не любит. Потом — совместные ночные авантюры да эротические картины, извлекаемые Анук из-под кровати, да фирменные взгляды Фанни Ардан — и Наоми с Мишель влюбляются друг в друга. Наоми расторгает помолвку, произведя тем самым громкий скандал в благородном семействе, и по исключении с курсов снимает квартиру, чтобы жить вместе с Мишель. Но последняя, получив соответствующее предложение от одного милого цфатского клезмера, отрекается от «большой любви» ради «нормальной семьи».

Вот такая история, довольно типичная для любых однополых учебных заведений закрытого типа. Религиозные еврейские школы для девочек — не исключение. Только в реальной жизни, скорее, обе девушки плывут по течению и, поставив слезный магендавид на любви, выходят замуж — ради «нормальной семьи», социализации, ради того, чтобы быть как все. Этот горький сюжет отнюдь не нов, описан еще в классике: «...А все приятельницы выходят замуж. ...Перед тем как уйти, ей захочется умереть. Потом, совсем умершая, ничего не понимая, ничего не желая, ни о чем не думая... она вдруг слышит свой смех и шутки в час никогда не пропускаемого свидания, на другом конце города — и жизни — неважно с кем — с мужем приятельницы или подчиненным отца. ...Будь ты трижды красивой, будь ты трижды Единственной — первый же нуль возьмет над тобой верх».

Исключителен в этой истории не сюжет, а ультраортодоксальная ученая феминистка Наоми, которая, найдя обоснование (или не найдя запрета) в книгах, готова и каббалистические обряды проводить, и с любимой женщиной жить. Окружающий ее мир ультраортодоксии в этом антиклерикальном фильме не вызывает симпатий. Он косен и шовинистичен — никогда не сбудется детская мечта Наоми, и женщины здесь не станут раввинами, а курсы для девушек будут всегда служить в первую очередь рынком невест. Он черств и лицемерен: цфатский раввин гонит из синагоги Анук — гойку и убийцу, даже не прислушиваясь к ее мольбам о помощи; отец Наоми предпочитал не замечать болезнь и угасание своей жены (раз уж на то воля Господня) и при этом абсолютно уверен в собственной непогрешимости; ее жених возмущен расторжением помолвки исключительно потому, что нарушены приличия. Формальное исполнение заповедей в этом мире всегда будет заменять любовь, милосердие и прочие чувства добрые и добрые дела. Трагедия Наоми в том, что выхода из этого мира для нее — в рамках фильма — не существует. Такой нонконформистке, как она, прямой путь вон из «черного» сообщества, возможно — в консервативную или реформистскую общину, где она смогла бы и раввином стать, и сыграть свадьбу с любимой женщиной. Но Наоми — героиня трагическая, и конфликт ее не так легко разрешим: быть может, ей предстоит самоубийство, или — уход от религии, или — свершение гендерной революции в ультраортодоксии.

Что бы ни случилось, «благословен — как говорится (с хорошей миной при плохой игре), — Ты, Господь Бог наш, создавший меня по воле своей»[1].

[1] Одно из утренних благословений, произносимое женщинами вместо мужского: «Благословен Ты, Господь Бог наш, за то, что не создал меня женщиной».

ДМИТРИЙ ДЕСЯТЕРИК

Вне контроля

«Надо мной сгустились тучи, они следят за каждым моим шагом...» — это слова из предсмертного письма лидера британской постпанк-группы Joy Division Яна Кёртиса. Они звучат в фильме «Контроль», снятом Антоном Корбейном по мотивам книги воспоминаний «Прикосновение с расстояния», написанной вдовой музыканта Деборой Кёртис.

Придя на независимую сцену Манчестера в самый разгар панк-анархии в Соединенном Королевстве, Кёртис создал нечто намного более глубокое и музыкально богатое. Его песни построены на общепринятом тогда гитарном минимализме, однако без расхлябанности. Короткие аккорды сплетаются в нервические трели, минорные клавишные придают композициям гипнотический объем, а ритм поддерживает сухая, математически четкая ритм-секция, что для рок-музыки на тот момент было крайне необычно. Голос Кёртиса — без надрыва, низкий и внешне спокойный — глубже любой депрессии. Тело: молодой человек с белым лицом застывает у микрофона и вдруг разрывает оцепенение судорожным угловатым танцем, странной, изломанной пластикой рук. Во всех компонентах Joy Division являла собой настоящий шедевр *ангедонии*.

Музыкально панк оформился в США; там уже в конце 1960-х хмурым диссонансом на фоне вудстокских восторгов звучали рок-н-роллы Игги Попа, монотонно молотили по гитарам MC-5, а в Нью-Йорке на «Фабрике» Энди Уорхола его непослушные протеже Velvet Underground с садомазохистским упоением пели про героин и «Венеру в мехах». Однако снабдить панк разрушительной идеологией, придать ему пугающую, нигилистическую мощь, сделать его режущей кромкой контркультуры

«Контроль» ***(Control)***
По мотивам книги Деборы Кёртис «Прикосновение с расстояния»
Автор сценария **Мэтт Гринхол**
Режиссер **Антон Корбейн**
Оператор **Мартин Руе**
Художник **Крис Руп**
Музыка **Joy Division, New Order**
В ролях: **Сэм Райли, Саманта Мортон и другие**
Becker Films, Claraflora, EM Media, NorthSee, Three Dogs and a Pony, Warner Music
Великобритания — США — Австралия — Япония
2007

смогли именно в Великобритании в 1976—1980 годах — силами старательного ученика ситуационистов и создателя Sex Pistols Малколма Макларена.

Надлежащей рефлексии на киноэкране, однако, не последовало; «Большое рок-н-ролльное мошенничество» того же Макларена (1980) — не более чем забавный артефакт. Учитывая богатейшую американскую рок-фильмографию, ответ Британских островов задержался на десятилетия. Осмысление феномена началось, когда в киноиндустрию пришли люди, выросшие на музыке 1970-х; «Контроль» следует рассматривать как часть британского музыкального вторжения в кинематограф последних лет. Попытка Уинтерботтома в «Круглосуточных тусовщиках» (2002) удалась наполовину: панк и постпанк там рассматриваются лишь как часть «манчестерской волны» в шоу-бизнесе, история Кёртиса проходит скандальным эпизодом, а фильм местами кажется беззаботным экскурсом по британскому подполью, осуществленным человеком, не вполне осведомленным о предмете исследования.

Больший интерес представляет драма «Братья по року» (точнее, «Братство головы», «Brothers of the Head», 2005), снятая по роману патриарха британской фантастики Брайана Элдисса, чей рассказ ранее лег в основу сценария «Искусственного разума» Кубрика и Спилберга. В «Братьях» бывшие документалисты Кит Фалтон и Луис Пепе деконструировали жанр сценического жизнеописания, создав изящную фальсификацию в псевдонеигровом стиле — историю перспективного квартета Bang-Bang, возглавляемого сиамскими близнецами Томом и Барри — их роль сыграли братья Гарри и Люк Тредуэй. Тщательно воссозданная среда, оригинальное музыкальное наполнение (заслуга Клайва Ланджера, в свое время работавшего со звездами 1970-х — Элвисом Костелло и Madness) служат антуражем для «взрослой» трагической истории. Панковская невменяемость братьев — одно из проявлений их обреченности; оказывается, мозг Барри отягощен врожденной опухолью, унаследованной от их третьего, неродившегося, брата. Неизвестный, неродившийся, не имеющий имени становится чем-то вроде закадрового символа судьбы, которая направляет близнецов к фатальному финалу.

При всех отличиях, и «Тусовщики», и «Братья по року», и «Контроль» показывают эпоху «грязи и ярости» на уровне экзистенциальном, а не социальном. В этих фильмах нет упоения бунтом, нет жесткой привязки к политике и мотива войны с моральным большинством; это взгляд даже не из-за кулис, а из подножия сцены — то, что на ней происходит, остается обрамлением совершенно иных, негромких сюжетов. Общность очевидна вплоть до имен: Сэм Райли исполнил у Уинтерботтома эпизодическую роль Марка Э.Смита, Гарри Тредуэй сыграл Стивена Морриса, барабанщика Joy Division в «Контроле».

Очарованный в свое время музыкой Joy Division, Корбейн переехал из Нидерландов в Великобританию и стал штатным фотографом группы. Он хорошо знал и Кёртиса, и его творчество, и его окружение. Имея к тому же книгу Деборы Кёртис, Антон Корбейн, снимавший видео для многих звездных исполнителей, мог бы пойти по накатанной дорожке жизнеописательной спекуляции: сделать что-то наподобие полуторачасового клипа, равномерно нарезав песни, скандалы, отрывки из интервью и т.п. В фильме хватает и песен, и скандалов, но Корбейн внимателен там, где кинобиографы выключают камеру. Особенность «Контроля», очень точно снятого на черно-белую пленку, — в зонах молчания; здесь, если угодно, сказывается сосредоточенность фотографа. Кружево проводов на фоне неба, сгорбленные двухэтажные улочки британской провинции, фрагменты незатейливых интерьеров, красноречивые паузы в диалогах, продолжительные средние и крупные планы: нельзя создать визуальный аналог музыки, но можно воплотить прозу будней, из которой музыка вырастает.

Песня «Контроль» — об обезумевшей девушке, нападающей на прохожих, замирающей на полу без признаков жизни, *she's lost control again;* что бы его ни

вдохновило, Кёртис, по сути, поет о себе. В первом приближении герой Райли — обыкновенный манчестерский парень, для которого собственный талант оказался непосильно тяжким бременем. Но и более. Кёртис в «Контроле» — это человек, проблема которого — не только эпилепсия (доктора были бессильны против болезни), не только нелады в слишком рано созданной семье, а сущностная неустроенность, уподобленная в «Цветах зла» Бодлера огромным крыльям, которые мешают художнику ходить по земле. Собственно, таким проклятым поэтом изображают Кёртиса и Корбейн, и Райли. С оголенными

«Контроль»

нервами, с полудетским лицом, постоянно на грани срыва или взлета — он приговорен изначально. И его самоубийство не выглядит ни актом отчаяния, ни следствием временного затмения. Корбейн деликатно отводит взгляд от последних секунд жизни героя. Видим лишь неумолимо натягивающуюся веревку, слышим резкий звук, далее — обрушение в темноту. Он ушел от контроля — какого бы то ни было контроля.

И никакого пафоса в финале, лишь последняя песня. Нет, не «Контроль» — «Атмосфера»:

Открытый для взглядов
Идущий по воздуху
Пойманный реками...
Не уходи в молчании
Не уходи

И черный дым, отлетающий в затянутое тучами небо. Ничего лишнего. Ян Кёртис свел счеты с жизнью 18 мая 1980 года в возрасте 23 лет.

ЛАРИСА МАЛЮКОВА — КИРИЛЛ РАЗЛОГОВ

Тише едешь — дальше будешь

«СВ. АННА»-2008

В конкурсе XV кинофестиваля «Св. Анна» было 222 работы. Авторы игровых, документальных, анимационных лент — студенты и выпускники крупнейших киношкол России, ближнего и дальнего зарубежья. Конкурс на соискание премий «Св. Анна» учрежден в 1993 году студией «АВА» на пике кризиса, когда не только молодому кино требовалась поддержка — без работы остались и мастера, и дебютанты. Но положение начинающих в отсутствие проката и каких бы то ни было профессиональных перспектив представлялось особенно удручающим. «Св. Анна» предоставила возможность заявить о своем существовании. Сегодня в новой ситуации есть смысл подумать и об изменении подхода в организации конкурса, ставящего перед собой амбициозную задачу сформировать новое поколение российских кинематографистов, способных успешно и творчески работать в условиях рынка.

Лариса Малюкова. На мой взгляд, XV кинофестиваль «Святая Анна» еще раз опроверг постулат о переходе количества в качество. Двести двадцать две картины в конкурсе — сильный перебор. Известно, что по регламенту «Анна» не проводит предварительный отбор фильмов. Но в ситуации, когда новые технологии позволяют за день на компьютере свалять кино, необходимо устанавливать хоть какие-то фильтры для откровенной самодеятельности. Как быть?

Кирилл Разлогов. Отбор — всегда болезненный процесс, точнее даже, хирургическая операция. Можно потерять, ампутировать что-то ценное, с лету непонятное.

Л.Малюкова. Так случилось, к примеру, с одной из лучших анимационных картин 90-х — «Рождеством» Михаила Алдашина. Решив, что это очередная глава бесконечного религиозного культпросвета, комиссия уважаемого фестиваля отказала фильму даже в участии в конкурсе. Но полнейшая неразборчивость ведет к падению качества программы, о чем вслух говорят и зрители, и сами участники фестиваля.

К.Разлогов. Не помню ни одной постфестивальной ситуации, чтобы в числе множества разноречивых претензий не было упреков в качестве программы. Я был в жюри «Святой Анны» шесть лет назад. Примерно тот же поток фильмов и те же претензии. Когда фильмов окажется шестьсот, их действительно будет невозможно просмотреть физически. В реальности картин значительно больше, если учитывать то, что делается не только в Москве и Петербурге, но и на периферии. Сейчас на «Анну» отправляют фильмы те, кто случайно услышал о конкурсе. А если провести грамотный отбор... К примеру, как на «Золотой маске»: посылать людей в провинцию искать интересные работы. Это уже двойная селекция и другой бюджет. Вытягивается все самое талантливое, яркое. Выясняется наличие десятка центров, в которых создается что-то оригинальное. Потом подключается отборочная комиссия. Иначе получается неизбежная вкусовщина. При общем уровне «ниже среднего» ты отметаешь какую-то картину по профессиональным претензиям. А тебе могут справедливо заметить: «Да ведь у вас же половина конкурса примерно такого же качества».

Л.Малюкова. Если говорить о тенденциях, высвеченных программой, мне показалось, что в конкурсе было довольно много работ, не вызывающих на-

реканий в отношении профессии. Справедливо даже отметить: наконец-то качество профессии во всех составляющих — сценарной, режиссерской, операторской, работе с актерами, со звуком — стало на порядок выше, серьезнее. Еще несколько лет назад на этом же смотре уровень профессионализма оставлял желать лучшего.

«Краткие сведения по некоторым эпизодам», режиссер Игорь Хомский

К.Разлогов. Кинопроизводство поставлено на поток, установились нормы; характер фильмов, которые имеют шансы на запуск, понятен. Поэтому люди, настроенные на профессиональную карьеру, уже с младых ногтей знают и просчитывают, как делать именно такие картины, которые понравятся...

Л.Малюкова. Причем не только членам жюри, но и телепродюсерам, что значительно важнее. Выходит, вместо госзаказа, идеологических установок получаем новый заказ? Из внешнего он, как обычно, становится внутренним. Дебютанты мыслят «проектами». Либо набивают руку, чтобы нырять в сериалы, либо уже сидят там по-тихому, параллельно выцарапывая из ВГИКа диплом. Половина фильмов конкурса — готовые шаблоны для отдельных эпизодов или даже целых телесерий. Если сравнивать «Анну» вчерашнюю и сегодняшнюю, то, хотя раньше фильмы и были значительно слабее, уязвимее, все же чаще встречались работы менее банальные, залаченные. В них была энергия поиска. Проблема была совсем другой — обилие картин вторично-авторских. Вроде бы все занимались самовыражением (раз будущее жестко не определено, можно позволить себе роскошь поиска себя любимого на полотне экрана). Тогда на экране роились маленькие Тарковские, Норштейны, Пелешяны. В нынешнем сезоне лабораторных работ чрезвычайно мало.

К.Разлогов. Изменился общий вектор развития кинематографа. Высоко ценим престиж, а чуть ли не единственным критерием качества является коммерческий результат и рейтинги... Естественно, все стремятся не к признанию коллег, а промелькнуть-засветиться на экране (не важно, большом или малом). Молодые разумны и рассудительны, трезво понимают, что Тарковских — единицы. И присоединяются к общему потоку. Главное, в этот поток влиться. А уж потом... вдруг что-то и свое проклюнется. Что имеем в итоге? Среди награжденных картин, за исключением двух неигровых работ, все остальные могут быть показаны по телевизору в прайм-тайм. По любому каналу.

«Далеко от Лондона», режиссер Юлия Киселева

Л.Малюкова. Несколько слов о фильмах из «наградного списка». Главную премию в категории «Игровое кино» поделили сентиментальный «Цветок багульника» Натальи Ивановой и отчасти депрессивные «Краткие сведения по некоторым эпизодам» Игоря Хомского. Обе, менее чем двадцатиминутные, «человеческие истории» при желании несложно развернуть в полнометражные картины. Перед героями обеих выбор: свободное одиночество или сладкий (возможны варианты: мучительный, горький) плен зависимости «от» и ответственности «за» других. Одинокой швее недостаточно общения с расцветающим на окне багульником. Она начинает заботиться о беспризорном мальчишке, нащупывая некоторый смысл в собственном существовании. Недоучившийся сту-

дент, мелкий наркодилер, пытается разгрести туман нагромоздившихся проблем, чтобы рассмотреть собственного маленького сына... В фильме Хомского есть неочевидные интонации кино Попогребского и Хлебникова. Но можно ли говорить об этом кино как о коммерческом?

К.Разлогов. Все, что хочет показываться за деньги, — коммерческое. Все, что мы видели на фестивале, — некоммерческое, потому что за деньги не показывается. Другое дело, что люди пытаются определить свое место и направление пути в профессиональном кино. И делают то, что от них требуют.

Л.Малюкова. Вам как педагогу, профессору эта тенденция устремленности в профессиональное, часто кассовое, кино представляется продуктивной или вредной — для обретения профессии, для развития кинопроцесса?

К.Разлогов. Особой тревоги нет, потому что из просмотренных фильмов я могу составить любую программу: авангардистско-эстетскую, социально-обличительную, программу полных идиотизмов, духовных фильмов и бездуховных. В каждой программе будет по десять-двадцать картин. Тут и вступает в силу фактор отсутствия селекции, придающий программе контекстуальный интерес. При любом предварительном отборе возникает концепция развития, не совпадающая с концепцией реального процесса. Здесь же, посмотрев очень много работ, независимо от их качества, мы получили возможность ощутить, куда этот процесс движется. А тянет молодых, естественно, в профессионализацию. Достаточно сравнить вещи, сделанные в глубокой провинции и снятые на Высших курсах и во ВГИКе. В глубинке делают что угодно — анархично, абсолютно не думая о результате. Эти примеры самовыражения бывают смешными, неловкими, но часто любопытными, живыми. В целом же, мне кажется, ситуация у нас нормализовалась. Стала стабильной. Как в прокате, так и в независимом кино — схожие тенденции. Если взять фестиваль в Санденсе, он тоже в последние годы эволюционировал от поисковых работ к картинам, которые создают, чтобы доказать свое умение делать кино в Голливуде. Чтобы пригласили в мейнстрим. У нас ситуация более пестрая. И запрос разнообразней. Сказываются неумение делать экшн и довольно банальное представление о том, что такое искусство. Этому банальному представлению и соответствует список премированных фильмов. И «Цветок багульника», и «Краткие сведения по некоторым эпизодам». В нашем случае я бы делил работы не по категориям «мейнстрим» и «артхаус» (наш мейнстрим — на самом деле и есть недоразвитый артхаус). Точнее, градация — ориентированность либо на прокат, либо на самовыражение. Так вот, победителями конкурса стали фильмы, сориентированные на прокат, что не обязательно означает их принадлежность к мейнстриму.

«Конец VI главы», режиссер Андрей Судиловский

Л.Малюкова. К перечисленным ладно скроенным картинам я бы добавила обаятельную, не лишенную самоиронии работу «Конец VI главы» Андрея Судиловского об учителе, разглядывающем собственную школу из трубы воздуховода, атмосферное эссе Кирилла Папакуля «Где-то между маем и летом», снявшего своего маленького сына, и черно-белый интеллигентно снятый сюжет «Тася» Романа Артемьева — о коротком романе отставшего от поезда дембеля и стареющей путевой обходчицы. И все же отчего так мало картин, ориентированных на самовыражение? Ведь сняты работы в стенах «школы», не задавлены волей продюсера. Они могут раскрыть и показать миру талант кинематографиста, делающего первые шаги в профессии. Нечего выражать? Ведь по первому фильму, по экранному отпечатку можно многое понять про

человека, его сотворившего. По фильмам, отмеченным нынешним фестивалем, мало что можно понять про их авторов. Сделанные грамотно, они лишены уникальности, штучности, авторской подписи. Их создатели взаимозаменяемы. И режиссеры, и актеры, и операторы. За исключением некоторых, может, более шероховатых, но пластически более выразительных. Как «Мешок» Артура Виденмеера — черно-белое эссе на тему гражданской войны, решенное за счет пластики, рифмы крупных планов — без слов.

К.Разлогов. На ощущение оригинальности этой работы повлияло соединение небольшого формата и исторического материала.

Л.Малюкова. Все же стоит отметить отвагу и находчивость Артура Виденмеера — взяться за материал, отстоящий от нас на расстоянии в девяносто лет, и попытаться создать на экране отсвет (точнее, тень) жесткого, подчас немотивированного противостояния...

К.Разлогов. Работа сделана абсолютно правильно. Этот вопрос связан с полемикой, которую мы вели с членом жюри режиссером Аллой Суриковой. Она справедливо отстаивала профессиональные достоинства картин наших больших киношкол. Они действительно профессионально правильнее, более толково и чище выстроены. Однако я это правильное построение считал если не недостатком, то некоторым ограничением авторства. Они менее оригинальны, суживают спектр развития.

Л.Малюкова. Речь идет о крепкой профессиональной рамке. Не хватало ушей, которые бы из-под нее вылезали. Ощущение, что режиссерам лет по шестьдесят, имею в виду не биологический возраст, а темперамент, отсутствие свойственного юности безумия рывка, провокации, попытки шокировать. Мыслить перпендикулярно, хотя бы как в первых короткометражках Руминова...

К.Разлогов. Он получил за эту перпендикулярность по башке, все остальные поняли: надо идти другим путем... А Руминов гнет свою линию, невзирая ни на что. Не все готовы грести против течения. Многие усвоили: тише едешь — дальше будешь. Хотя и на этом поле есть удачи. «Пятнашки» Натальи Углицких — едва ли не единственный пример во всей программе, когда профессия переходит от среднего удовлетворительного уровня на уровень профессионального блеска. Миниатюра отточена, почти как у Звягинцева, но в рамках комедии. Ювелирная работа с сюжетом, текстом, с затейливым рисунком движения и перемещения камеры.

Л.Малюкова. Стоит подчеркнуть жанровую остроту фильма. «Пятнашки» вновь напоминают, что нет истасканных сюжетов, даже из бородатого анекдота про мужа, внезапно пришедшего домой, можно сделать искрометную, изобретательную вещицу. Комедий в конкурсе было до обидного мало. Молодые люди, как показывает практика, слишком серьезно относятся к себе, чтобы над собой смеяться. Комедийное начало «Пятнашек» прежде всего в пластике, балансирующей на грани эксцентрики и реальности. Можно говорить о рождении талантливого комедиографа?

К.Разлогов. Будем надеяться. Эту работу я бы с легким сердцем послал на фестиваль короткометражных фильмов любого уровня. Кстати, вот тема, которая меня интересовала и которую я не прояснил. Делает ли что-то «Святая Анна» для участия фильмов-призеров в международных форумах короткометражного кино? В программе этого года нашлось картин пять-шесть не только конкурентоспособных, но которые стали бы в той или иной степени сенсацией.

Есть смешная миниатюра Вячеслава Серкеза «Слуга Мельпомены». Речь об актере, репетирующем пьесу и повторяющем фразу, в которой, видимо, и заключена суть роли: «Уберите от меня эти деньги!» Потом он идет представлять очередного банкира на корпоративной вечеринке. И с гамлетовским воодушевлением читает спич во славу банка.

Но смотрите, вердиктом нашего жюри отмечены в основном работы, к сожалению, банальные. Получается, что конкурсанты правильно рассчитали?

Что профессиональное сообщество верно отреагирует, распознает в них своих, отметит их усилия. А здесь необходимо то самое отличие, которое есть между суждениями профессиональных кинематографистов и кинокритиков. Критики, обладающие чутьем, заинтересованы в вещах эксцентрических, выходящих за классические рамки, фундаментально оригинальных. Даже если они не слишком ловко и удачно выполнены. Была в конкурсе трехминутная картина мастерской Хотиненко, выпадающая из клише представлений о профессионализме. Сюжет — страсть с элементами комизма. Снята одним кадром. Видимо, так ставилась задача. Вот, кстати, пример продуктивно поставленной задачи, провоцирующей студента на парадоксальное мышление. Сначала видишь мужчину, со страстью говорящего по телефону и слушающего собеседницу. Потом оказываешься в коммуналке, находишь его «даму сердца» — толстуху. Она что-то готовит, режет палец и вскрикивает — для автора это достижение точки оргазма. Вышла штука, совершенно не похожая на кино Владимира Хотиненко. Визуальный анекдот, но остроумно и чисто сделанный.

Л.Малюкова. Тогда спрошу вас о специфике коротко- и среднеметражного кино. Оно должно обладать собственными признаками? Сельянов говорит, что это обособленное искусство. Если ему приносят завершенную блестящую короткометражку, он опасается приглашать ее автора на полный метр. Скорее, в качестве претендента продюсер выберет создателя талантливой незавершенки... Здесь разное дыхание, ритм, темперамент.

К.Разлогов. Проблема среднеметражного кино в тайном желании авторов сделать полнометражный фильм. Особенность короткого метра в том, что это не эпизод, который можно вставить в челюсть фильма, не клип. Это самостоятельное искусство, в котором должны бы работать не только дебютанты. Но таких профессионалов у нас, кроме аниматоров, практически нет.

Из достоверных вещей, привлекших именно новым уровнем достоверности, — сделанная на основе литературного произведения картина «Высокие чувства» Леонида Пляскина. Работа стала выражением мироощущения нового поколения. Рассказ Арканова, написанный много раньше и имеющий иронический характер, здесь приобретает эпический размах. Качество, стоящее дорого. Схвачена живо и точно подростковая психология. Опять-таки сюжет, который не пустишь по телевидению, точно так же шокировал не только членов жюри, но и фестивального зрителя.

Л.Малюкова. То есть глаз зашорен у всех участников кинопроцесса, включая зрительскую аудиторию? Всем хочется катиться по накатанным рельсам? И все же удалось разыскать в программе картины пусть несовершенные, с изъянами, ошибками, но не заимствованные?..

К.Разлогов. Были самостоятельные высказывания, но либо совершенно беспомощные, либо абсолютно одиозные. Например, бессмертное фундаментальное произведение «Незнакомая земля» Владимира Угличина[1], которое в полном метре являет попытку восстановления образа языческой России.

Смотреть это кино без слез невозможно, позиция — чудовищная, по исполнению — уровень плинтуса. Но автор храбро заявляет свою позицию, уверенный, что совершает внутреннюю революцию в стране и культуре. Это политическая сатира на тему столкновения древних славян с христианским движением. Для славян, живущих в полном блаженстве и сплошных добродетелях, приход новой веры — предательство их исходных верований. Угличин зовет назад к язычеству, к подлинным, на его взгляд, истокам русской культуры. Это примерно то, чего вы ожидаете: своя позиция.

---

[1] Владимир Угличин, выпускник филологического факультета МГУ, в настоящее время занимается реставрацией памятников архитектуры, параллельно снимает кино. На его счету уже три так называемые философские комедии, в которых Угличин выступил в качестве продюсера, автора сценария, режиссера-постановщика, композитора и даже актера: «Терновый венец», «Незнакомая земля», «Любовные причуды». Сейчас идет подготовка к новому проекту «Высокая миссия».

Л.Малюкова. Я имею в виду поиск кинематографического языка, лабораторию кино. И раз уж вы заговорили о полном метре... Отчего самой провальной стала именно категория полнометражная? В свое время дебютными картинами, с которыми приходили в кинематограф, были «Иваново детство», «Друг мой, Колька!», «Свой среди чужих...». Если «новые люди» затачивают себя под зрительское кино, почему с полным метром, ориентированным на кинотеатр, выходит полный швах?..

К.Разлогов. Дело в том, что как только появляется приличный полный метр, его сразу забирают в Венецию, Роттердам, на худой конец, на ММКФ или на «Кинотавр». «Святой Анне» достается отсев. Поэтому эта категория изначально слабая. Картина, которая получила бы главный приз по разряду своей чудовищности, — «Незнакомая земля». Тем не менее запомнил ее я очень хорошо: художественно абсолютно безнадежна, а методологически чрезвычайно интересна. Наименее плохая из всех полнометражных картин «Ярик» Александра Ласло и Сесиль Анри. Но если сравнить ее с «Итальянцем», на мой взгляд, выдающейся работой Андрея Кравчука, то «Ярик» робок и вторичен.

Но давайте вернемся к теме поискового кино и вспомним отдельные экспериментальные работы конкурса, произведшие впечатление. Наиболее любопытными оказались опыты, совершенные на границе искусств, в русле полуанимационного-полуигрового кино. Я отметил две экспериментальные анимационные картины: про кухню и про стулья. Но оказалось, что, с точки зрения анимации, они не открывают ничего нового. Чтобы изобретать, нужно чтобы тебя стимулировали или хотя бы разрешили изобретения. Формально изобретать в наших киношколах не запрещено, но когда делаешь курсовую или дипломную работу, ты должен соответствовать критериям, которые сложились опытным путем у твоих учителей. Даже вполне либеральных мастеров.

Л.Малюкова. В последние годы при взгляде на экран было несложно угадать «руку учителя» — Абдрашитова, Хотиненко, Суриковой... Сегодня в общей тенденции профессиональной усредненности это сделать труднее. Правильно ли, когда в работе учеников мы видим почерк учителей?

К.Разлогов. Я бы сказал, это наша собственная аберрация. Сегодня в фильмах конкурса легко распознать школу Высших курсов (еще не видя имени руководителей). Просто сразу понимаешь: профессия есть. Во ВГИКе — тоже есть, но несколько более старомодная. Когда попадается фильм «издалека», возможно, профессии не видишь, но оцениваешь некоторый потенциал кино, раскрывающийся перед тобой именно в силу неожиданности. Если говорить о новациях — это вторжение цифрового кино, Интернета. Была картина про Интернет-роман, был экспериментально-документальный «Цифровой дневник Алексея Потапова» Вячеслава Дубровина. Еще ряд работ, плотно связанных с современностью своей причастностью к «другой» культуре. И в этой «другой» культуре Интернет играет значимую роль.

Л.Малюкова. Если я правильно поняла, мы говорим не столько о контенте, сколько о визуальной составляющей картин.

К.Разлогов. Конечно, все неразрывно, в том числе и технология создания сюжетов. Хотя все это есть и в голливудском кино. Прекрасные картины про Сеть, про виртуальную реальность... Были в программе вещи совсем иные, впечатлившие из всех членов жюри только меня. Мне понравилась картина «3 минуты 41 секунда» — абстрактно-документальное наблюдение за улицей. Хотя я видел и значительно более радикальные работы, схожие по задаче. С другой стороны, была представлена и изящная документальная «норма», причем с использованием новых технологий. Снимается, например, половой акт на скамейке... но на сотовый телефон. И эта сотовая эстетика становится определяющей — как попытка отразить новую коммуникативную реальность.

Л.Малюкова. В новый фильм «Зеленый театр в Земфире», снятый в основном в Парке Горького десятью камерами, режиссер Рената Литвинова вставляет

клип певицы, зафиксированный фанатом на сотовый телефон. И это смутное пульсирующее изображение на фоне заласканной хорошими камерами картинки становится живым антигламурным эпизодом. Следовательно, самые интересные поиски в лаборатории современного кино протекают на границе видов искусства? Во всяком случае, в анимации лучшей названа работа Светланы Филипповой «Три истории любви», в которой любовная история Поэта рассказана с помощью дореволюционной и послереволюционной хроники, рисованной анимации и компьютерной графики. Плюс старые записи, в том числе и голос Маяковского. Таким образом, создается живой кровоток истекшего — но пойманного «за хвост» с помощью новых медиа — времени. Экспериментально-творческий, поэтический способ мышления в кадре и межкадровом пространстве оказывается продуктивным, его ход трудно предугадать.

К.Разлогов. Любопытны картины, ориентированные на параллельные опыты в родственных видах искусства: на видеоарт, крайние экспериментальные формы видео и компьютерной графики. Почему-то считается, что это не кино. И люди, которые интересуются этими новейшими формами, тусуются в других компаниях, отдают фильмы на другие смотры. В «Кухне-джаз» Дмитрия Шестопалова анимация и компьютерная графика, для игрового кино вроде бы авангардная...

Л.Малюкова. ...но в анимации давно испробованная. Я бы скорее отметила минималистский, но фантастически точный по ритму и музыкальности рисунка сюжет I like birds.

К.Разлогов. А вот пример запредельного кино из Челябинска. Вообще, челябинские работы забавны. «Старушка-ревнивица» — не видеоарт и не авангард. В таких случаях говорят: «взгляд и нечто». Но из этого «нечто» в будущем что-то может прорасти... А может не выйти ровно ничего. Главная героиня снимает себя на фоне шкафа — с одной стороны и с другой. Потом появляется старушка... Впрочем, в пересказывании этого сюжета нет смысла... Я с чистой совестью поставил этой работе тройку. Но сейчас, спустя время, понимаю, что помню картину подробно. Чего не скажешь про многие более профессиональные вещи.

Л.Малюкова. Появился культовый персонаж Кирилл Папакуль, участвовавший сразу в нескольких работах. Сейчас он уже завершает пародийный детектив для «Комеди Клаб».

К.Разлогов. В конкурсе была его претенциозная картина, начинавшаяся в стиле советского авангарда 20-х годов. Потом она скатывалась в абсолютную подражательность.

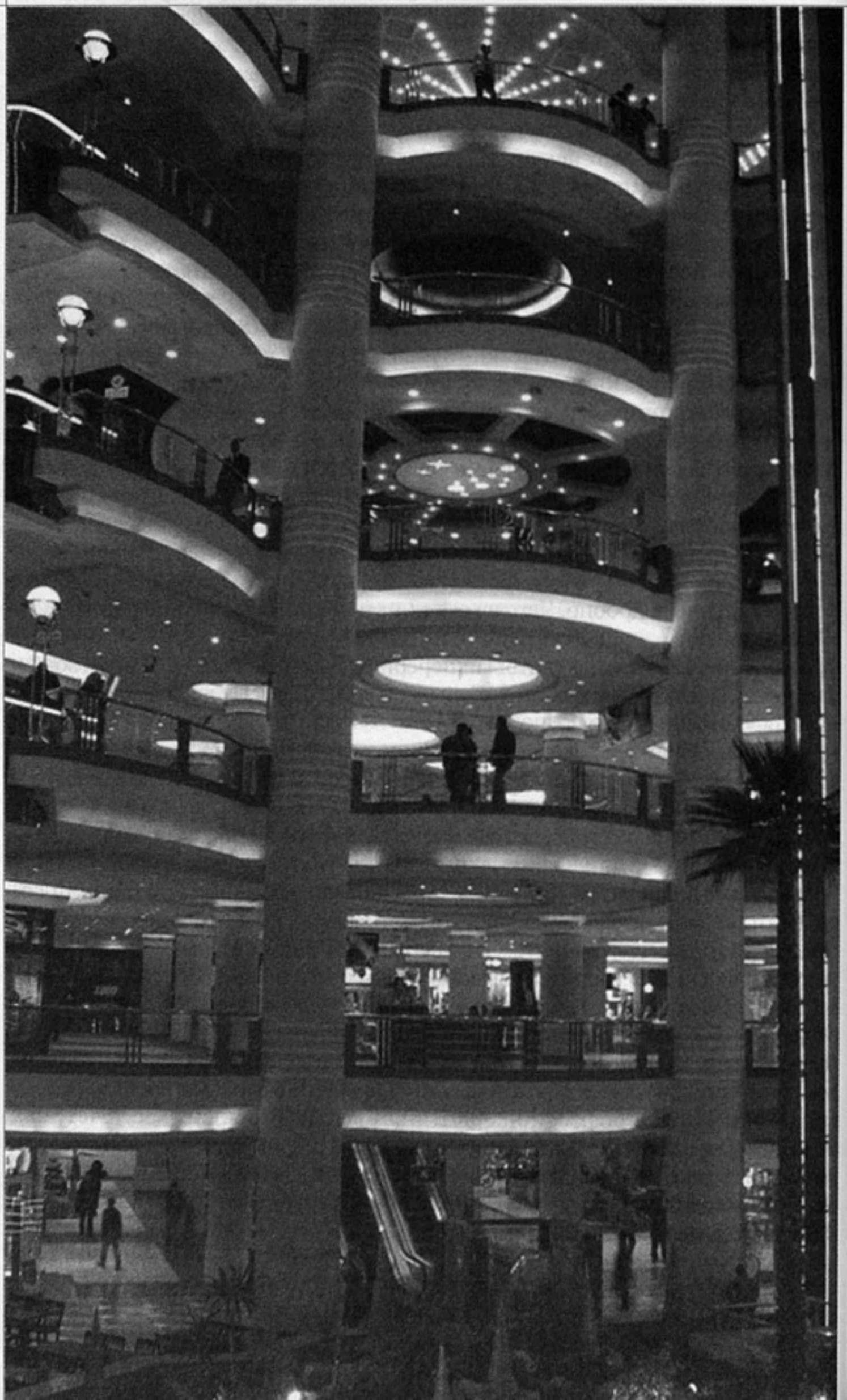
Л.Малюкова. Подводя итог, не будем впадать в меланхолию, вспоминая прежних творцов, что «были в наше время... не то, что нынешнее племя...»

К.Разлогов. Действительно, все не так уж печально. Общие пропорции сохраняются. Если не выдающихся, то заметных картин в том или ином аспекте на сто фильмов — три-пять. Это абсолютная норма. Если посмотрим, что творится в прокате, увидим примерно то же соотношение. Три-четыре фильма всерьез заслуживают, чтобы говорили об их коммерческом успехе. Четыре-пять вызывают интерес в художественном плане...

Л.Малюкова. Вместе с тем в качестве основного диагноза нынешнего молодого кино можем констатировать его добровольное самоограничение, ориентацию на поток, профессиональный конвейер. В общем, все течет, как и предсказывал доктор Хичкок: кино из куска жизни превратилось в кусок пирога. Но ведь по-прежнему существует спрос и на штучный товар? Плюс авторские амбиции. Ведь у фильмов есть и фестивальная жизнь.

К.Разлогов. Фестивали не кормят...

К О М М Е Н Т А Р И И



Мегамол «СтарСити»

ОЛЕГ ЗИНЦОВ

Гипермаркет ночью

1

Полки, полки, полки — как в кроличьей норе, в которую провалилась кэрролловская Алиса. Просыпается вдруг репродуктор: «Вниманию сотрудников «Чистого света»! Ого! Это что, «Ночной Дозор»? Или «Дневной», не суть. Реальность маскируется под кинематограф в самых неожиданных местах. Хотя почему неожиданных? Гипермаркет ночью — идеальный съемочный павильон.

В американском независимом кино пустой магазин — пространство отчуждения. В российском он пока что может быть чем угодно. Эта новая для нас фактура еще не помечена устойчивыми культурными кодами, еще только ждет визуального осмысления.

А потому тут можно снимать хоть спагетти-вестерн. Врубить в репродукторах Морриконе, с кольтом у бедра выйти в пустынный коридор, протянувшийся от стеллажей с велосипедами до рядов с колбасой, которые не оскудеют отныне никогда (как мнится доверчивым потребителям). Томительная пауза, ровный мертвенный свет.

Кстати, и кольта не нужно: кино уже отыграло символическое убийство в подобном пространстве — в «Москве» Александра Зельдовича по сценарию Владимира Сорокина одного из персонажей насмерть забивали на складе богатым продуктовым набором, и кетчуп живописно смешивался с кровью.

Но насилие в этом антураже — скорее дневной сюжет: им набухают толпы покупателей, а не горы товаров.

Сейчас мне интересней гипермаркет ночью — почти безлюдный склад, продолжающий выполнять функции магазина. Покойный, как посмертное видение героя, погибшего на заре новой эры даже не в сюжете Сорокина, а просто около какого-нибудь ларька — прообраза грядущих, еще не ведомых нам Metro и «Ашанов». В каком-то смысле эти гигантские ангары после полуночи и есть постсоциалистический рай. Здесь нет ни времени, ни дефицита, ни очередей, а только загруженные до небес полки, полки, полки — и неслышно снующие меж ними сотрудники «Чистого света».

2

Разумеется, слово «рай» популярно у владельцев российских торговых центров. По соседству с моим домом этих сооружений не меньше десятка, и все они вызывают у меня тихое бешенство. Но когда я смотрю из окна на неоновую вывеску «Электронный рай», то понимаю, что для правдоподобия ей недостает самой малости: рай должен работать ночью, а этот — закрыт.

Затоптанное туристическое место окутано очарованием лишь в неурочный час. Гипермаркет лишь ночью проявляет свое тайное назначение и смысл, ради которого стоило городить в бывших промзонах уродливые ангары и заполнять их товарами.

Лишь по ночам этот образ изобилия перестает быть тошнотворным: в час «меж волком и собакой» его избыточность уже не подавляет, а, скорее, озадачивает, как Алису — банки с вареньем на полках в кроличьей норе. Потребительская прорва временно насыщена, но гипермаркет, как скатерть-самобранка, все так же готов дать тебе все, что захочешь. И пусть ты оказался здесь по сугубо прозаическим причинам, ты больше не покупатель, но очарованный странник. Найдя свой ящик пива, автомобильный аккумулятор или замечательно дешевый набор отверток, ты с непривычным и, может быть, даже тревожным чувством оглядываешь все остальное. И осознаешь, что эти тысячи, миллионы товарных единиц совершенно не нужны ни тебе, ни кому-либо еще (потому что плотность покупателей в это время суток — пять человек на квадратный километр). Они бесполезны — почти как искусство.

В книге No Logo, объявленной библией антиглобализма, канадская журналистка Наоми Кляйн подробно объясняет, что современный брендинг достанет меня везде, независимо от привычек и убеждений. Для всякого выделена своя ниша, мой социальный типаж в любом случае описан, на меня нацелены рекламные орудия глобальных корпораций, я так или иначе подцеплен на потребительский крючок. Соскочить практически невозможно, потому что все стратегии побега просчитаны тоже (впрочем, Наоми Кляйн призывает и учит сопротивляться).

Но у нас и незаметно, чтобы кто-то убегал: движение наблюдается только в сторону прилавка. Ну что ж, тогда я подойду к нему ночью, как соблазненный шпион. К самому большому — супер-, гипер-, мегаприлавку, благосклонно принимающему граждан даже тогда, когда они должны видеть сны. Ведь наверняка и сны найдутся в его необъятном ассортименте.

3

Мне нравится возможность добраться до райских товарных кущ и купить что-нибудь совершенно пустяшное, вроде спичек или утеплителя для окон, который понадобился мне однажды ночью в самый лютый московский мороз. А то и вовсе ничего не покупать.

Гипермаркет начинается с парковки — и по ночам она волшебна. Кто сказал, что в Москве не осталось площадей, огромных пустых пространств? Вот они, пожалуйста, их нужно лишь подстеречь. Редкие посетители подъезжают к самому входу, а чуть дальше и на подземных уровнях машин нет вообще — только не убранные персоналом тележки, которые кажутся застигнутыми врасплох, как будто мой взгляд остановил их коллективный танец.

Я оставляю тележки танцевать и решаю прогуляться налегке, как в аэропорту в ожидании рейса, когда уже сдан багаж. Да, тут, пожалуй, есть что-то общее с магазинами duty free, отмечающими похожую точку в восприятии времени: ты только что бежал, старался не опоздать, но вот пройдены регистрация и паспортный контроль, пульс замедлился и можно праздно присмотреться к ненужным матрешкам или бутылкам текилы. Почувствовать вкус промежутка — еще не в небе, уже не вполне на земле с ее городской суетой и привычной спешкой. Таков и ночной гипермаркет — пространство для паузы, которое неожиданно открывается в эпицентре потребительского угара, стоит лишь заглянуть туда в неурочное время.

В болезненной и нервозной, как подрагивание жировых складок, московской реальности ночной гипермаркет — точка покоя, отдохновения. Должно быть, так выглядит «глаз бури» — штиль посреди урагана.

Спят усталые игрушки, книжки спят — но многие отделы работают, и я могу всю ночь выбирать люстру, которую так и не куплю (к огорчению сотрудников «Чистого света»). Зато отобьюсь от бессонницы и дурных мыслей. Страшно представить, что творится здесь днем, но сейчас, до самого рассвета — благодать, доступная, как потребительский кредит.

Этот город уже давно не предназначен для людей, но пока еще благосклонен к вампирам. Я завидую им — спокойно покупающим в четыре утра красное вино, клюквенный сок и диск с «Ночным Дозором» за 99,90.

ВКЛАД В ИСТОРИЮ

СЕМЕН ЭКШТУТ

«А какую кавалерию лучше… красную или голубую?»

20 марта 1699 года царь Петр I пожаловал боярину Федору Алексеевичу Головину орден св. апостола Андрея Первозванного. Состоялось первое в истории государства Российского награждение орденским знаком. (Есть сведения, что учреждение первого российского ордена произошло в 1698 году, после возвращения царя из заграничного путешествия.) Знаменательно, что, хотя сам Петр I удостоился получить этот орден в 1703 году за конкретный подвиг — руководство взятием двух шведских кораблей в устье Невы, — царь не посчитал нужным ясно, пунктуально и вразумительно перечислить служебные отличия, дающие право на награждение Андреевским орденом. Проект орденского устава, составленный при непосредственном участии государя, появился лишь в 1720 году. Орден мог быть пожалован за отличия как на военном, так и на гражданском поприще. О том, кому и за что должна выдаваться высокая награда, в уставе, который так и не был утвержден, говорилось пространно и витиевато. Орден, по мысли Петра I, учреждался «в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги, а другим — для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям; ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческое любочестие и славолюбие, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние». Учреждая Андреевский орден, Петр I ограничил число возможных кавалеров. Одновременно кавалерами ордена могли быть не более двенадцати россиян и двенадцати иностранцев. Ограниченное число кавалеров предполагало, что все они будут лично известны самодержцу: лишь государь мог судить о достоинстве оказанных ими отличий. Сам царь получил орден св. Андрея Первозванного в чине капитана бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка. Такой же награды был удостоен самый знаменитый «птенец гнезда Петрова» — поручик этой же бомбардирской роты Александр Меншиков, вместе с царем принимавший участие в дерзком захвате двух шведских военных судов. Это был первый и за все годы существования награды единственный случай, когда награждения орденом св. Андрея Первозванного удостоились офицеры, совершившие блистательный подвиг на поле боя.

Орден св. апостола Андрея Первозванного был не только старейшим, но и высшим орденом Российской империи. Однако до последних дней существования империи так и не были выработаны определенные, четко разграни-

ченные правила, на основании которых должна была вручаться эта редкая награда. В течение всего императорского периода истории России орден удостоились получить свыше тысячи человек: отличия, давшие им право на награждение высшим орденом, могли быть разными. Статья 233 статута Андреевского ордена, утвержденная 9 июля 1892 года, гласила: «Никакие точные заслуги не определяются законом для достижения сего ордена, и удостоение оным зависит единственно от Монаршего внимания к службе и отличиям высших чиновников государственных». Даже министры и главноуправляющие отдельными частями не должны были входить с представлениями к награждению этим орденом. Высший российский орден мог быть пожалован «не иначе, как по непосредственному Его Императорского Величества усмотрению». Статут высшего императорского ордена содержал неустранимое противоречие: пожалование ордена св. Андрея Первозванного могло свидетельствовать как об исключительных заслугах кавалера перед государством, так и о желании самодержца демонстративно возвысить и отличить монаршей милостью того или иного сановника. И когда императрица Екатерина II пожаловала Андреевскую ленту своему фавориту Платону Зубову, а император Павел I сделал Андреевским кавалером собственного брадобрея Ивана Кутайсова, придворные прекрасно понимали: и в том и в другом случае августейшая милость суть «видимое за добродетель воздаяние».

Учреждение ордена св. Андрея Первозванного положило начало формированию сложной системы русских императорских и царских орденов, и старейший орден передал наградной системе изначально присущее его статуту противоречие. С одной стороны, все российские ордена были «установлены в честь и награду истинных заслуг на поприще гражданских и военных доблестей и подвигов и поощрение ревности ко благу и пользе отечества». Так гласил текст закона. С другой стороны, ордена и знаки отличия рассматривались как знаки монаршей милости и атрибуты служебного превосходства — и генерал, не имевший звезды и «кавалерии», то есть орденской ленты через плечо, осознавал свою очевидную ущербность. Высокий служебный статус ассоциировался не только с обширным полем деятельности, но и с возможностью быстро обрести знаки отличия высшего достоинства. Гоголевский Городничий размышляет: «А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?» На голубой муаровой ленте через правое плечо носили знак высшего и старейшего российского ордена св. Андрея Первозванного. Это был орден императоров, великих князей, вельмож и высшего генералитета. Андреевскими кавалерами почитались все мужские представители императорской фамилии: великие князья с момента крещения, князья императорской крови с момента достижения совершеннолетия. Этим орденом мог быть награжден лишь сановник, лично известный государю. Красная лента через левое плечо сопровождала орден св. Александра Невского, награду очень высокую, которую обычно получали лишь министры, да и то при завершении служебного поприща. На красной ленте с желтой каймой носили орден св. Анны 1-й степени. Далеко не каждый губернатор мог похвастаться тем, что имеет Аннинскую ленту. Вот на какую высоту занесло Городничего неуемное тщеславие!

В течение всего восемнадцатого столетия происходило усложнение российской наградной системы: учреждались новые знаки отличия, уточнялась иерархическая соподчиненность орденов, в орденских статутах конкретизировались и обстоятельно описывались служебные отличия, дававшие основания для получения ордена; расширялся круг военных и гражданских чиновников, награждаемых орденами. Век Просвещения и проповедуемый духом времени культ разума существенно повлияли на орденскую систему, заметно ее демократизировав. Так, в царствование Екатерины II были учреждены два новых ордена — св. Георгия и св. Владимира, при этом каждый имел четыре степени (класса). Если Андреевским, Александровским или Аннинским

кавалером мог стать лишь военный или гражданский чиновник высшего ранга, лишь тот, кто занимал ключевой пост при дворе, в армии, в правительственном аппарате, то для получения низших степеней орденов св. Георгия и св. Владимира не требовалось обязательно быть в генеральских чинах. Отныне не только военачальник или вельможа, министр или губернатор, но и отважный офицер или усердный чиновник могли заслужить награду, тем самым приобрести кавалерское достоинство. Достаточно было совершить деяние, предусмотренное орденским статутом, чтобы обрести право быть награжденным. Статут императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия гласил: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену св. Георгия за воинские подвиги; удостаивается же оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием...»

Орденский статут подробно перечислял «отличные воинские подвиги», дающие право на «удостоение» орденом св. Георгия. Отличия, достойные награждения, были тщательно и добросовестно описаны в шестидесяти четырех пунктах и сгруппированы в X статье — с подразделением по пехоте, кавалерии, артиллерии, инженерной части, Генеральному штабу, флоту. Вот лишь некоторые из них: «Кто, лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу...» «Кто, лично предводительствуя войском, возьмет крепость...» «Кто, быв со всех сторон окружен неприятелем, сквозь оного пробьется, не оставя в руках неприятеля никакого трофея». «Кто возьмет с боя неприятельское орудие или наше орудие, неприятелем захваченное, и доставит оныя в распоряжение своего Начальства». «Кто при взятии приступом упорно защищаемых крепости, ретраншемента, или другого какого-либо укрепленного места, первый взойдет на крепостной вал или в укрепленное место». «Кто, вызвавшись в охотники на опасное и полезное предприятие, совершит оное с полным успехом...»

Военный орден св. Георгия был учрежден 26 ноября 1769 года. Очень скоро были совершены блистательные подвиги, достойные орденских статутов. 24 июня 1770 года объединенные силы 1-й и 2-й русских корабельных эскадр, находящихся в Эгейском море под *кейзер-флагом* генерал-аншефа графа Алексея Григорьевича Орлова, в морском сражении в Хиосском проливе нанесли поражение турецкой эскадре, численность кораблей которой значительно превосходила силы русского флота.

1-й эскадрой командовал адмирал Григорий Андреевич Спиридов, 2-й эскадрой — контр-адмирал Джон Эльфинстон. Впоследствии в Средиземное море были направлены еще три отдельные эскадры. Морским уставом всем адмиралам в соответствии с чином были присвоены особые флаги, обозначавшие их пребывание на борту корабля: «полным» адмиралам — белый; вице-адмиралам — синий; контр-адмиралам — красный. Чины генерал-аншефа и «полного» адмирала находились во II классе Табели о рангах, то есть формально чины Орлова и Спиридова были равны. Присутствие этих знатных персон на борту военного судна надлежало ознаменовывать поднятием одинаковых флагов. Вследствие этого капитаны кораблей во время баталии могли быть невольно введены в заблуждение, не зная, чьи приказания им следует исполнять. Чтобы подчеркнуть более высокий служебный статус графа Орлова, возглавлявшего экспедицию пяти эскадр русского флота в Архипелаге, императрица разрешила графу во время морских баталий обозначать свое присутствие на борту флагманского корабля поднятием кейзер-флага. Кейзер-флаг поднимался на грот-мачте корабля — средней, наиболее высокой мачте — в момент нахождения генерал-адмирала на борту судна. Этот высший флотский чин, соответствовавший армейскому чину генерал-фельдмаршала, имел только один человек — наследник престола великий князь Павел Петрович. С чином генерал-адмирала был сопряжен сан главы морского ведом-

ства — президента Адмиралтейств-коллегии и главнокомандующего всеми военно-морскими силами Российской империи. Главнокомандующий мог быть только один. Вот почему графа Орлова нельзя было произвести в этот самый высокий флотский чин. Одновременно в общем списке всех флотских чинов не могли наличествовать два генерал-адмирала. Дабы капитаны всех кораблей боевого порядка даже в густом пороховом дыму распознавали флагмана и знали, чьи приказания они обязаны беспрекословно выполнять, графу Орлову было пожаловано исключительное отличие, возвысившее его над всеми «полными» адмиралами и фактически уравнявшее в статусе с генерал-адмиралом. Однако дарование этого небывалого отличия не было согласовано с номинальным генерал-адмиралом. Императрица Екатерина II не сочла нужным уведомить нелюбимого сына о принятом решении, хотя пожалование одному из «екатерининских орлов» кейзер-флага ущемляло служебные права и интересы номинального главы морского ведомства. В дальнейшем такой же необыкновенной привилегии поднимать кейзер-флаг на борту флагмана был удостоен всего-навсего один человек, не имевший флотского чина генерал-адмирала, — и этим человеком стал фаворит императрицы и ее фактический соправитель генерал-фельдмаршал князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. Все это не могло понравиться генерал-адмиралу великому князю Павлу Петровичу, придававшему повышенное значение жесту, эмблеме, гербу, форме, флагу и чрезвычайно к ним восприимчивому. Не в этом ли причина той нескрываемой личной неприязни, которую будущий император Павел I еще в бытность великим князем испытывал по отношению к графу Алексею Орлову и к князю Потемкину?!

Турецкая эскадра поспешно отступила в Чесменскую бухту, вход в которую защищали береговые батареи, и была там блокирована. В ночь с 25 на 26 июня 1770 года лейтенант флота Дмитрий Сергеевич Ильин добровольно вызвался на брандере напасть на турецкий флот в Чесменской бухте и поджечь его. В эпоху парусного военного флота брандером называли судно, предназначенное для сожжения вражеских кораблей. Брандер наполняли горючими и взрывчатыми веществами. По законам военно-морского искусства брандеру надлежало подойти на относительно близкую дистанцию к эскадре противника, после чего команде следовало поджечь свое судно и покинуть его на шлюпках: под действием попутного ветра или течения брандер сближался с неприятельскими кораблями и зажигал их. Ильин был одним из четырех «охотников» — неустрашимых морских офицеров в невысоких чинах, по своей охоте взявшихся исполнить это опасное предприятие. Под прикрытием артиллерийского огня кораблей русского авангарда, которым командовал капитан бригадирского ранга Самуил Карлович Грейг, по заранее установленному сигналу около двух часов ночи неприятельский флот был атакован четырьмя русскими брандерами. Три пущенных по течению брандера сгорели, не причинив турецкому флоту никакого вреда, и лишь командиру одного судна удалось осуществить задуманное. Лейтенант Дмитрий Ильин, невзирая на ожесточенный огонь неприятельской корабельной артиллерии, с наветренной стороны хладнокровно приблизился к большому турецкому линейному кораблю, крепко-накрепко сцепился с ним абордажными крюками и лишь после этого поджег свой брандер. Ильин и его матросы пересели в шлюпку и невозмутимо наблюдали за тем, как огонь перекидывается на турецкий корабль. И только тогда, когда весь корабль был охвачен пламенем, отважные моряки направились в сторону русского авангарда. Турецкий линейный корабль был взорван, пожар перекинулся на другие турецкие корабли, сосредоточенные в Чесменской бухте, и к трем часам ночи пожаром были охвачены все корабли неприятельской эскадры. Пожар продолжался до десяти часов утра и уничтожил почти весь турецкий флот, один линейный корабль и пять гребных судов были взяты в плен. Разгром был довершен прицельным артиллерийским огнем, который непрерывно вели корабли русского авангарда, мешая туркам тушить пожар на кораблях и спасать

их экипажи. Потери сторон в этом морском сражении были несопоставимы. Турки потеряли около 10 тысяч человек, русские — всего 11 человек. Это знаменательное событие произошло через семь месяцев после учреждения Военного ордена.

За Чесменское морское сражение генерал-аншеф граф Алексей Григорьевич Орлов, возглавлявший экспедицию русского флота в Архипелаге, был удостоен ордена св. Георгия 1-й степени. Это награждение было произведено в полном соответствии с 41-м пунктом статьи X статута Военного ордена. Флот под командованием графа Орлова одержал победу над численно превосходящим противником, к тому же «бывшим под защитою береговых батарей и укреплений». В результате этой победы было истреблено пятнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов и множество мелких судов. (По статуту требовалось истребить «несколько военных судов неприятельских».) Адмирал Григорий Андреевич Спиридов, командовавший 1-й эскадрой, был награжден орденом св. Андрея Первозванного. Заслуги адмирала во время экспедиции русского флота в Архипелаге были велики и неоспоримы. Спиридов, несмотря на преклонный возраст, «обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу», однако поскольку его действия в качестве командующего эскадрой не были ознаменованы «отличными воинскими подвигами», немалый вклад адмирала в дело обеспечения Чесменской победы нельзя было привести в соответствие ни с одним пунктом статута ордена св. Георгия. Заслуженно став Андреевским кавалером, адмирал Спиридов не мог без нарушения статута стать Георгиевским кавалером. Капитан бригадирского ранга Самуил Карлович Грейг, фактически руководивший разгромом турецкого флота в Чесменской битве, был пожалован чином контр-адмирала и получил орден св. Георгия 2-й степени. Награждение соответствовало 42-му пункту статьи X статута: «Кто в генеральном сражении разобьет ту часть неприятельского флота, которая была ему противупоставлена, и тем самым решительно содействовать будет к одержанию полной победы». Лейтенант Дмитрий Ильин был произведен в следующий чин и стал кавалером св. Георгия 4-й степени. Обоснованность этого награждения подтверждалась 58-м пунктом статьи X статута: «Кто сожжет брандер, пущенный в неприятельский флот, и тем неприятелю значительный вред причинит».

Военный орден св. Георгия сразу же после своего учреждения стал самой высокой боевой офицерской и генеральской наградой. Оранжево-черную ленту через плечо ордена св. Георгия 1-й степени — редчайшую награду полководцев, флотоводцев и военачальников — имели всего-навсего двадцать пять человек. Наградная система Российской империи претерпевала постоянные изменения: возвышалось значение одних знаков отличия, понижалось значение других. Однако вплоть до 1917 года орден св. Георгия всех четырех степеней неизменно сохранял свой необыкновенно высокий престиж. Георгиевский кавалер в течение полутора веков занимал исключительное место в любом обществе, всегда и везде фокусируя всеобщее внимание на своей награде. Сам факт наличия скромного белого эмалевого крестика — «Георгия в петлице» или, тем более, «Георгия на шее» — не требовал никаких дальнейших комментариев. (Орден св. Георгия 3-й степени носили на шее, а орден 4-й степени — на груди или в петлице мундира.) Достаточно привести несколько выразительных примеров из классических произведений.

«Граф Самойлов получил Георгия на шею в чине полковника. Однажды во дворце Государыня (Екатерина II. — *С.Э.*) заметила его, заслоненного толпою генералов и придворных. «Граф Александр Николаевич, — сказала она ему, — ваше место здесь впереди, как на войне» (А.С.Пушкин. Table talk («Застольные разговоры»).

«...Несмотря на ее холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин с Георгием в петлице и с *интересной бледностию,* как говорили тамошние барышни» (А.С.Пушкин. «Метель»).

«Дам было очень много, было несколько московских знакомых Николая; но мужчин не было никого, кто бы сколько-нибудь мог соперничать с георгиевским кавалером, ремонтером-гусаром и вместе с тем добродушным и благовоспитанным графом Ростовым» (Л.Н.Толстой. «Война и мир»).

«Свидетели моей службы — пять чинов, золотая сабля, Георгий и три раны... Я только требовал по статуту Георгия, получил его, когда я заслужил его три раза...» (Л.Н.Толстой. «Князь Фёдор Щетинин»).

Необыкновенная привлекательность и феноменальная весомость этой боевой награды объяснялись тем, что для получения Георгиевского креста требовалось не «удостоение» начальства, как это было с другими знаками отличия, а соответствие совершенного воинского подвига орденскому статуту. Если это соответствие находило подтверждение, то отказать герою в заслуженной награде было очень сложно. Разумеется, за полтора века существования ордена св. Георгия бывали и досадные случаи. Знаменитый партизан Денис Васильевич Давыдов, за подвиги во время Отечественной войны 1812 года награжденный «Георгием в петлице», несколько раз представлялся к «Георгию на шее», но представление не было уважено. О том, какую цену Денис Давыдов готов был заплатить за обретение этого знака отличия, красноречиво свидетельствуют его собственные слова: «...К несчастию, все-таки Георгия 3-го нет как нет! Крест, за который бы я отдал и две звезды и руку или ногу и к которому я был представлен, но покойный фельдмаршал (Иван Иванович Дибич. — *С.Э.*) переменил и вместо оного представил к ленте». В этих словах нет ни бравады, ни гиперболизации. Денис Васильевич говорил искренне и со знанием дела. Его близкий родственник генерал-майор Евграф Владимирович Давыдов, награжденный за храбрость в сражении под Лейпцигом орденом св. Георгия 3-й степени, потерял в этой «битве народов» кисть правой руки и левую ногу по колено.

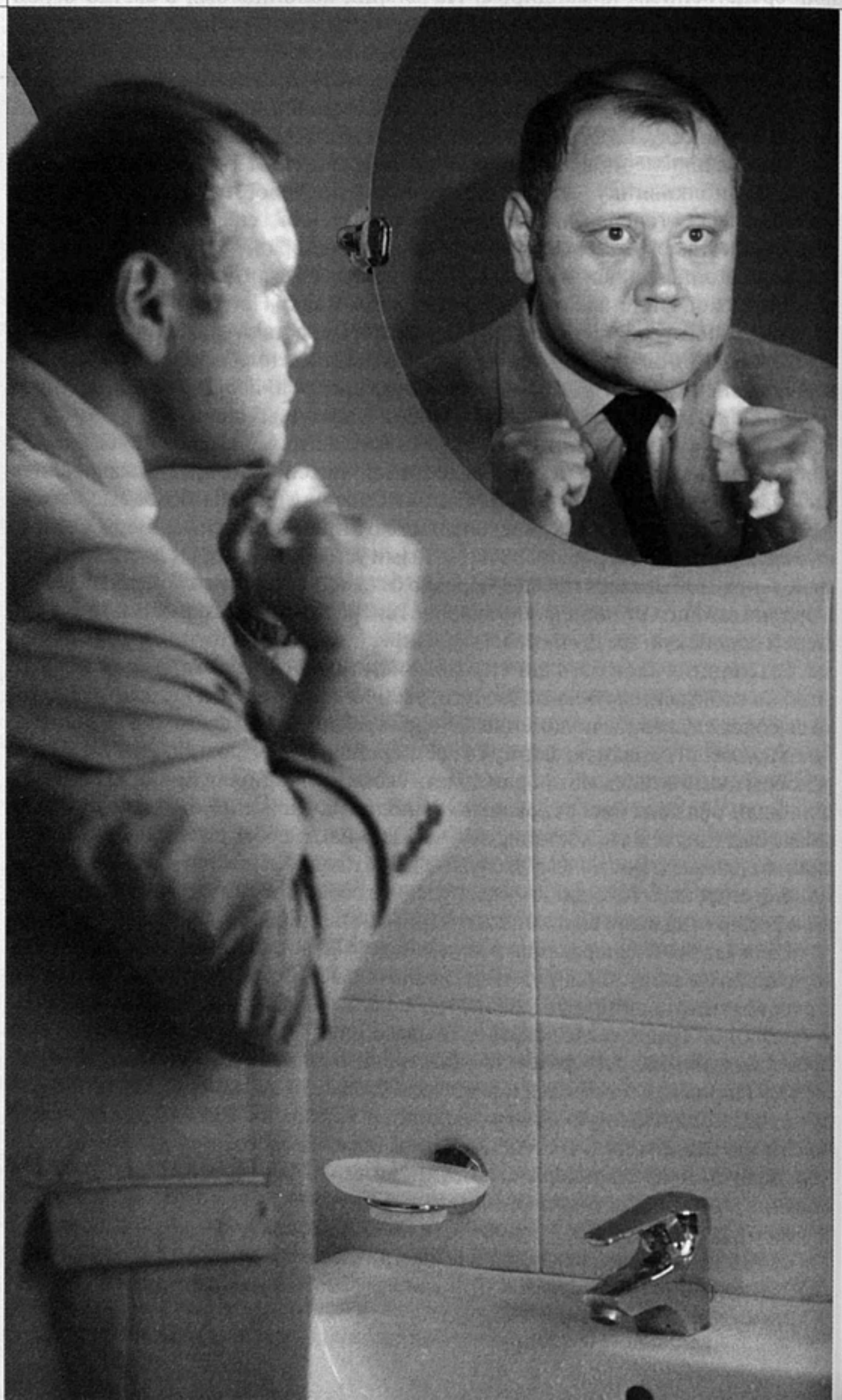
Хотя престиж награды был высок, кавалеры младших степеней крайне редко обретали за свои подвиги материальное вознаграждение. Учреждая орден св. Андрея Первозванного, царь Петр I полагал, что Андреевские кавалеры будут расценивать полученные ими орденские знаки «как публичное возвышение и знаки монаршей милости, отличающие их от прочих». Царь выражал уверенность в том, что в будущем «благороднейшие и к чести и славе стремящиеся души» предпочтут награждение орденом «многим другим награждениям, имениям и подаркам». Применительно к Георгиевским кавалерам это правило воплощалось в жизнь с неумолимой последовательностью, однако распространялось лишь на младшие офицерские чины. Так, после Чесменской победы, когда получивший св. Георгия 1-й степени Алексей Григорьевич Орлов стал именоваться Орловым-Чесменским, а изображение кейзер-флага украсило его герб, сиятельному графу была дарована дорогая шпага, украшенная бриллиантами, серебряный сервиз и 60 тысяч рублей (баснословная для того времени сумма: *годовой* оброк крепостного составлял 3—5 рублей). Помимо всего этого императрица Екатерина II пожаловала графу богатые земельные владения и несколько тысяч крепостных. В то же время один из первых Георгиевских кавалеров Дмитрий Ильин, вышедший в отставку в чине капитана 1-го ранга, умер в нищете, оставив своих дочерей бесприданницами. Лишь после смерти героя Чесменской битвы император Александр I назначил его дочерям пенсию, а одной из них приказал выплатить 5 тысяч рублей приданого. Однако даже в годы правления этого просвещенного государя заслуженные боевые офицеры, среди которых были и кавалеры св. Георгия, нередко получали отставку «с мундиром без штанов» — так саркастически выразился герой Отечественной войны 1812 года генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский.

Весной 1813 года во время Заграничного похода русской армии опытный воин, майор 1-го Егерского полка Михаил Матвеевич Петров, оказался в непростой ситуации. Майор командовал батальоном и во время отступления русской армии от немецкого города Лютцена находился на аванпостах, прикрывая вынужденный отход и сдерживая со своими егерями натиск превосходящих сил французов. Неожиданно к аванпостам подошла русская пе-

хотная колонна, и командир колонны приказал Петрову срочно выдвинуться вперед и занять мельницу. Мельница находилась на расстоянии прямого выстрела французской артиллерии. Майор Петров был участником нескольких кампаний, хорошо знал аванпостовую службу и отлично осознавал, что если он выполнит приказ неизвестного ему начальника, то егеря понесут большие потери, а занятие мельницы не даст никаких существенных выгод. Полученный приказ неизвестного начальника противоречил не только боевому опыту Петрова, но и тем инструкциям, которые были даны майору его непосредственным командиром. Начальник колонны был в светло-серой шинели без знаков различия, и Петров затруднился определить его чин. Майор, временно остававшийся за командира полка, отказался выполнить приказ и осведомился о чине начальника пехотной колонны. Вместо ответа неизвестный Петрову командир распахнул свою шинель и показал на груди орденскую звезду. Судя по всему, это была звезда ордена св. Анны 1-й степени. За годы наполеоновских войн лишь однажды Анна 1-й степени была пожалована полковнику — этим орденом, как правило, награждали генерал-майоров и даже генерал-лейтенантов. «Усмотря знак генеральского отличного достоинства, я ужаснулся...», — вспоминал ветеран.

В этом эпизоде, как в капле воды, отразился механизм функционирования орденской системы Российской империи. Майор Петров был удостоен целого ряда боевых офицерских наград: золотого креста за сражение при Прейсиш-Эйлау, Аннинской шпаги за Гутштатское сражение, ордена св. Владимира 4-й степени с бантом за Батинское сражение, св. Георгия 4-й степени за Бородинскую битву, св. Анны 2-й степени и алмазных знаков этого же ордена за отличия в Отечественной войне 1812 года. Более высокие знаки отличия получить в майорском чине было нельзя. Российские ордена жаловались в порядке постепенности — от более низких знаков отличия к более высоким — и всегда увязывались с чином и должностью отличившегося офицера. Скромные труженики войны, непосредственными усилиями которых достигался боевой успех, добывалась победа, нередко оставались в тени, а победные лавры и ордена высших степеней доставались генералитету. Показывая командиру егерей орденскую звезду на своем мундире, командир пехотной колонны желал без лишних слов наглядно продемонстрировать строптивому майору не столько собственные боевые заслуги, увенчанные высокой наградой, сколько высокое служебное положение. Во время генерального сражения военачальники надевали парадную форму со всеми регалиями, чтобы даже в густом пороховом дыму войска могли разглядеть своих командиров, приказы которых они были обязаны беспрекословно выполнять. Для вельможи или генерала звезда была знаком его достоинства — знаком наглядным, впечатляющим, очевидным для всех. Вот почему заслуженный и неоднократно награжденный командир егерского батальона «ужаснулся»: в боевой обстановке видавший виды офицер отказался выполнить генеральский приказ.

Неизвестный генерал пригрозил майору Петрову военным судом и повел свою пехоту в атаку. Французы незамедлительно открыли прицельный огонь, и русская пехота понесла большие и абсолютно бессмысленные потери. Такой высокой ценой была доказана правота майора. Генеральское служебное превосходство было посрамлено офицерским воинским опытом. Петров дошел до Парижа, дослужился к концу кампании до полковничьего чина, получил в награду Золотую шпагу с надписью «За храбрость» и стал кавалером ордена св. Владимира 3-й степени. Чтобы обрести более высокие знаки отличия, надо было иметь генеральский чин, который Михаил Матвеевич так и не получил. Аннинская звезда так и не упала на его заслуженную и израненную в боях грудь. Полковник Петров был уволен в отставку «с мундиром» и остаток своих дней провел в небольшом имении, доставшемся ему от отца. Государева служба не принесла участнику шестидесяти восьми сражений «приращения карманных богатств».



«Игра», режиссер Александр Рогожкин

АНЖЕЛИКА АРТЮХ — ДМИТРИЙ КОММ

Пожар уже начался

О МЕНЕДЖМЕНТ-КУЛЬТУРЕ

Анжелика Артюх. Последние годы ознаменованы шквалом российских фильмов. Выходят картины разных жанров, нацеленных и на семейную, и на молодежную аудитории. Казалось бы, столь бурное развитие индустрии должно было сопровождаться разнообразием авторских идеологических матриц. Но происходит ровно обратное — фильмы так называемого русского мейнстрима чрезвычайно похожи один на другой. Такое впечатление, что в головы их авторов кем-то закладывается общая идеологическая схема. Например, среди фильмов о молодом герое не найдешь картин о рассерженной молодежи, охваченной идеей свободы — ни экзистенциальной, ни хотя бы сексуальной. Идет поток сказок, инфантильных историй о возможности чуда, которое только и может встряхнуть инертную, бесприютную жизнь. Фильмы как будто пытаются нам внушить, что хорошо бы найти волшебного помощника, который сможет выполнить самые сокровенные желания: привести к обеспеченному будущему, к большим деньгам или решить проблему с фигурой, которая мешает карьерному росту. Иногда, как, скажем, в фильме «Русалка», этот волшебный помощник может заключаться в тебе самом, в собственной способности к волшебству. Однако и в этом случае вся красота мира почему-то будет исчерпываться рекламными плакатами, а суть желания героини не выйдет дальше женских романтических грез о прекрасном и обеспеченном принце. Даже в наиболее «продвинутых» фильмах, вроде «Свободного плавания», размышляющих на тему этики труда, его безусловной важности в процессе социального становления субъекта, без чуда, предохраняющего от окончательного коллапса, все-таки не обходится. Устав сопротивляться российской провинциальной действительности, неспособной оформиться в нормальную жизнь, герой садится на подоспевший чудесный корабль, вроде бы обещающий доставить его в край большего благополучия и осмысленности.

В чем причина такого общего эскапизма нашего кино, в том числе кино о молодых, с которыми обычно связывается вопрос политической и социальной активности? Почему даже в таких наиболее «бунтарских» высказываниях, как, например, «Жестокость», цели молодых упираются в успех, благополучие, деньги, превращающие капитализм в парадиз и даже в своего рода религию (если обращаться к языку Вальтера Беньямина)? Есть ли в кино какие-нибудь альтернативы этой агрессивно наступающей в России новой буржуазной идеологии?

Дмитрий Комм. Для затравки замечу, что рассказывание сказок — это вообще русский национальный вид спорта. При советской власти рассказывали одни сказки, сейчас стали рассказывать другие, но и тогда и сейчас — недобрые.

Лет десять назад мне довелось испытать сильный шок. Мой старый школьный друг, устроившись на работу в крупное рекламное агентство, гордо вру-

«Русалка», режиссер Анна Меликян

чил мне свою визитную карточку. Я сперва не понял, зачем — ведь его телефон, адрес и e-mail я прекрасно знал и так. Потом до меня дошло: он хотел, чтобы я поразился крутизне его визитки. Это было очень похоже на сцену из фильма «Американский психопат». Тогда я впервые задумался о том, как субкультура менеджеров, складывающаяся в России, перепахивает сознание людей.

Сегодня эту субкультуру можно считать уже сложившейся, и она требует своего воплощения в искусстве, в том числе и в кино. Было бы ошибочным считать, что менеджер всегда думает только о деньгах; вовсе нет, менеджмент-культура (сокращенно «мура») исповедует определенную систему ценностей. Например, менеджеру положено быть активным, креативным, оптимистичным, энергичным и т.п. Особое значение имеет «позитивное восприятие действительности», что в переводе означает крайнюю степень поверхностности. Еще менеджеру нельзя быть размазней и показывать свою уязвимость — поскольку коллеги всегда готовы подложить ему свинью. Если он соответствует этим требованиям, успех гарантирован. Директор престижного рекламного агентства заметит его и подарит свою навороченную визитку. Как в фильме «В ожидании чуда», образцово-показательном трансляторе жизненных ценностей «муры».

Коренное отличие менеджмент-культуры от обычного буржуазного «глянца» заключается в том, что она направлена на молодежь. Идеальный менеджер всегда молод и бодр. Отсюда пристрастие к сказочности — ведь для сказки время и расстояния не имеют значения. Но эксплуатируются не любые сказки, а всего лишь одна: про Золушку. Дело в том, что «мура» видит себя в роли феи-крестной, способной любую замарашку превратить в принцессу, если, конечно, замарашка присягнет ей на верность.

Здесь и зарыта собака. «Мура» ловко манипулирует понятием «успех», сводя его в основном к категориям престижности. Престижная работа, престижная машина, престижная жена. Квартира в престижном районе. Читать престижные книги, смотреть престижные фильмы. Иногда посещать престижную церковь. Носитель идеологии «муры» не спотыкается о словосочетание «преуспевающий живописец», напротив, он берет его на заметку, чтобы обязательно сходить на выставку. Он любит «настоящее» — престижное — искусство.

Но проблема не в самой «муре», а в том, что у нашего кино не оказалось на нее иммунитета. Менеджерам ведь тоже надо что-то смотреть и читать. Ну вот, у них есть роман «The Телки» и фильмы типа «Любовь-морковь». Проблема в том, что всем остальным скоро смотреть и читать будет нечего. «Мура» в России распространяется с умопомрачительной скоростью, транслирует себя через все медиа, не встречая никакого осмысленного сопротивления, с каким она сталкивается в Европе и Америке.

В западном кино хорошо отработаны стратегии сопротивления «муре». Самая ранняя из них прибегает к преувеличенной театральности, вычурности, бульварщине, использует визуальные коды кэмпа, что делает фильм «сомнительным» с точки зрения хорошего вкуса. Основоположниками этой стратегии можно считать Джозефа фон Штернберга и Винсенте Миннелли, которого «Кайе дю синема» не случайно назвали «великим антибуржуазным сатириком», а продолжателями — Федерико Феллини, Боба Фосса, Кена Рассела, Лину Вертмюллер, Педро Альмодовара, Паула Верхувена.

Другую стратегию предлагает «Догма 95». Это, напротив, демонстративный аскетизм, отказ от внешней эффектности, самоограничение в использовании кинематографических приемов. Понять смысл такого радикального оскопления формы невозможно, если не рассматривать его как вызов тотальной гламуризации, которую несет с собой наступающая «мура». Мне не близко это направление, но, надо признать, в нем есть очень сильные образцы. Однако в России ни та, ни другая стратегия не приживаются.

Анжелика Артюх. Менеджмент-культура — результат формирования буржуазных ценностей в России. Это не субкультура, не маргиналия магистральной культуры. Она завоевывает все сферы жизни, перепахивает сознание не только молодых, но и зрелых людей. Она поощряется властью, которая пытается связать общество в единую систему действия. Она представляется как успешный жизненный проект. Кино в этой ситуации становится не столько инструментом идеологии, как это было в советские времена, когда идеология спускалась сверху, сколько одной из эффективных технологий для планирования (менеджмента) жизни, основанного на гибкой системе запретов и принуждения, то есть на биополитической цензуре.

Однако дело не только в новых властных технологиях. Сказочность современного российского кино, возможно, во многом обосновывается общим ощущением России как полупериферии, где властное планирование вроде бы осуществляется, но часто не работает или очень плохо работает. Это делает почти тотальной зависимость российского человека от чуда. Причем на всех уровнях. Власть напрямую зависит от высоких цен на нефть. Это чудо, которое делает ее безответственной. Кино все еще чудесным образом зависит от денег Министерства культуры, которые не нужно возвращать и которые хоть и не составляют весь бюджет, но являются страховочными. А среднестатистический российский человек зависит от рекламной картины мира, которую транслируют масс-медиа и которая навязывает чудесный фальшак.

Обратная сторона этой зависимости — отсутствие бремени социализации и нравственных метаний. Упование на чудо, на то, что все само как-нибудь устроится, делает человека социально и нравственно пассивным. Это видно и по киносюжетам. Если достаточно одной чудесной встречи с волшебным помощником, чтобы решить семейные проблемы, то зачем заниматься изнурительным самоанализом в кабинете врача? Помощник все сделает за тебя — например, поможет героям обменяться телами, после чего они хоть и начнут вести себя неадекватно (как это происходит в фильме «Любовь-морковь»), однако все же не будут особо задумываться над собственной ролью в семье и в обществе. Их самосознание так и останется спящим, а чувство ответственности так и не перейдет в стадию доминанты. Зачем трудиться в поте лица, преображая бесприютный российский пейзаж, если может прийти чудесная баржа (как в «Свободном плавании») и забрать тебя отсюда? Зачем мучиться чувством вины от осознания греха убийства, если твоя предполагаемая жертва чудесным образом осталась жива (как в «Острове»)?

Чудо — признак присутствия Бога, и вера в него — неотъемлемая составляющая христианского сознания. Но применительно к российскому киноконтексту о сложившемся религиозном сознании говорить не приходится, скорее, наличествует импульс нейтрализовать православием чувство вины и страх перед реальностью. Сложившееся религиозное сознание как раз могло бы стать в кино альтернативой тотальной гламурно-консьюмеристской

культуре менеджера. Как в свое время фильмы вроде «Андрея Рублева» Тарковского были альтернативой совковому атеизму. При том что зрители жаждут этой альтернативы! Отсюда такой ошеломительный отклик на фильм «Остров», неожиданно для нашего кино предложивший проблематику греха и искупления. Но что важно: эта проблематика в конечном итоге подается в подозрительно комфортной форме — ведь если герой не убивал, значит, грех с души снят, а то, что он хотел убить и его помысел уже грешен сам по себе, — это в расчет не берется.

Стремление к комфорту, к легкому решению в социальных и нравственных вопросах — одно из следствий сильного напряжения, которое лежит в основании роли менеджера как массовой профессии, цементирующей основы среднего класса. Того самого, который и есть главный потребитель кино. С одной стороны, менеджер оперирует информацией, которая в постфордистское время является особой ценностью, с другой — он наемный работник, который может быть уволен в любой момент. Учитывая, что в нашей стране культура менеджера довольно молода, возникает много контролирующих обстоятельств. Средний менеджер еще не понимает, что он на самом деле офисный неопролетарий. Он боится потерять внезапно свалившиеся на него блага, остановиться в движении по иерархической лестнице, ведущей к еще большим благам. Поэтому, в отличие от забастовки рабочих, представить забастовку менеджеров в современной России просто невозможно. Остается только спонтанный одиночный бунт как возможность прорваться к потерянной свободе. Пример такого бунта, который еще не оформился в сознательный социальный протест, мы наблюдаем в фильме «Флэшка» Г.Шенгелия, прежде всего запомнившемся мне одной фразой: «Байдарочников сменяют профессиональные менеджеры». Герой (менеджер на скромной позиции) похищает флэшку с ключевой для компании информацией. Поначалу он делает это из чувства обиды от измены жены, работающей в той же фирме и сделавшей лучшую карьеру, но затем осознает, что его побег из города на природу, где когда-то, несколько лет назад, он любил ходить с другом на байдарках, — это момент истины. Интересно, что приведенную выше фразу произносит бывший друг героя, совершающий казнь взбунтовавшегося менеджера. Картина трактует бунт как акт непродуктивный и обреченный.

«Флэшка» — не единственный антипротестный фильм. Герои российских лент в массе своей не знают, как можно протестовать против социальной несправедливости и жестокости окружающих реалий. Как будто бы проблема офисного рабства для нас вообще не существует. Бунт менеджера — это пока достояние американского кино. Не случайно именно на этой идее бунта менеджера спекулирует Тимур Бекмамбетов в своем первом американском проекте «Особо опасен». У нас же в кино почти не протестуют, а если все же кто-то решится, то это окажется не менеджер, а аутсайдер — и его протест будет спонтанным и никак социально не артикулированным. Как, например, убийство родных в финале картины «Изображая жертву». Кстати, этот фильм уже вряд ли можно отнести к категории «кино для менеджеров». Он относится к редкой альтернативе.

Дмитрий Комм. Превращение менеджера в ключевую фигуру нашего времени — очень интересное явление. Как ты заметила, по сути менеджер является пролетарием, поскольку не владеет правом собственности на средства производства. При этом топ-менеджеры, стоящие у руля крупных корпораций, получают зарплату большую, чем доход многих акционеров этой корпорации, являющихся ее совладельцами. Пролетарий, зарабатывающий больше хозяина, — если бы Карл Маркс увидел такое, ему бы пришлось съесть свой «Капитал» вместе с обложкой! Отсюда следуют два вопроса: возможен ли в принципе бунт менеджера и против кого ему бунтовать?

Некоторое время назад Интернет обошла странная видеозапись: доведенный до отчаяния менеджер яростно громит свой офис. Этот ролик имел огромную популярность у пользователей Сети, о нем сообщили многие газеты

«Любовь-морковь», режиссер Александр Стриженов

и телеканалы, причем некоторые приняли его за документальную съемку реального происшествия. Как вскоре выяснилось, это была так называемая «вирусная реклама» — инсценировка, сделанная для промоушна упомянутого тобой фильма «Особо опасен». Однако сам факт популярности данного действа и то, что люди приняли его за реальность, доказывает, что проблема так называемого «офисного рабства» действительно существует.

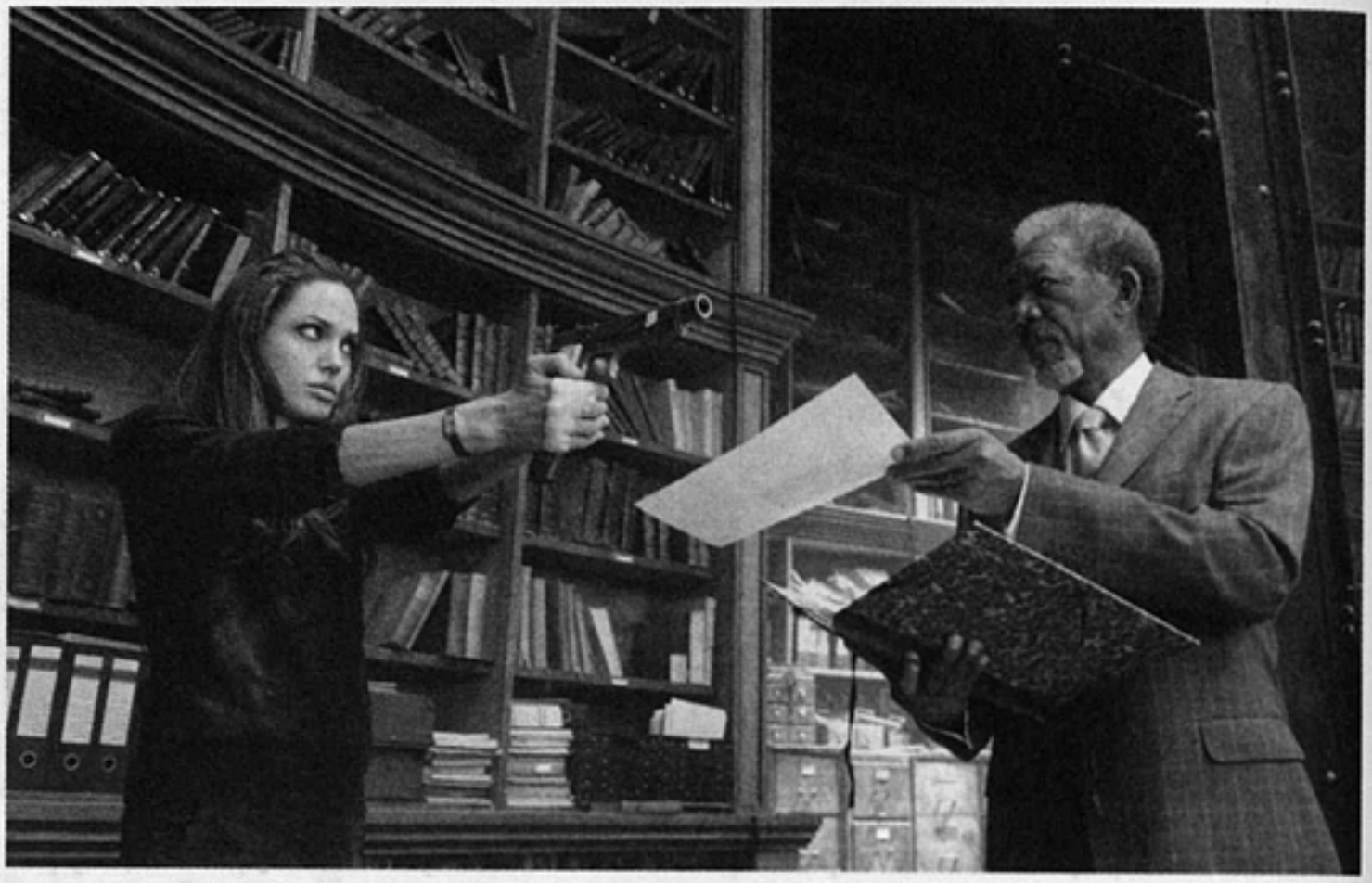
Любопытны также высказывания Бекмамбетова в его блоге: «Успех ролика свидетельствует не о легковерности аудитории, а о том, что в этой истории бешенства офисного работника зрители узнают глубинную правду — себя, свои подавленные желания, инстинкты свободы. Ролик и фильм — своего рода терапия, они дают возможность пережить эффект освобождения в результате просмотра, не громя офис при этом своими руками». И еще цитата: «Мы экранизируем комикс, но делаем это реалистично. Это драматическая история, в которой почти нет жанровых условностей. Мы создаем мир, а потом разрушаем его».

Безусловно, разрушать мир куда интереснее, чем офис. Особенно, если до основания. Но к реальному положению вещей эти инфантильные фантазии имеют косвенное отношение. А между тем бытие рядового менеджера среднего звена даст фору любому комиксу. Он хозяин и раб в одном лице, он сам жертва «муры» и одновременно орудие ее распространения; его сознание по определению шизофренично, и его бунт заключается в том, что одна половина его существа начинает дубасить другую. Как в «Бойцовском клубе» — лучшем произведении о взбунтовавшемся менеджере.

Таким образом, бунт менеджера носит не социальный, а психологический или, если угодно, метафизический характер. Это радикальная перестройка личности, для которой требуется недюжинная сила духа. Поэтому рассчитывать на «восстание менеджеров» не стоит. Самые умные из них осознали лживость «муры» и смотрят теперь на интеллектуалов и художников с надеждой, что те подскажут, как им выбраться из ловушки.

За пределами офиса стратегий сопротивления много. В конце концов никто еще не выбросил из Библии слова о том, что любостяжательство — смертный грех. Но православие сегодня носит консервативную направленность и легко адаптируется «мурой». Вера же в чудо не есть обязательно признак христианского мышления. В чудо верит и язычник, а больше всех — атеист, который называет его «счастливым случаем». Разница — в направленности этого чуда.

Любопытно сравнить наш фильм «В ожидании чуда» с известной французской картиной «Воображаемая жизнь ангелов». В последней тоже присутствует тема чуда, но решается она иначе. Обе ее героини ждут чуда. Мари, выглядящая поначалу циничной и озлобленной, на деле пребывает в плену на-



«Особо опасен», режиссер Тимур Бекмамбетов

ивного мифа о Золушке. Завязав роман с богатым и красивым «принцем», она верит в то, что он вытащит ее из бедности и подарит новую жизнь. Бездомная бродяжка Иза, кажущаяся простодушной и легкомысленной, тоже хочет совершить чудо, но другого рода. Она пытается вдохнуть жизнь в незнакомую ей девочку Сандрин, которая находится в коме. При этом действия Изы явно непрактичны: она читает Сандрин фрагменты ее собственного дневника или продолжает вести его вместо нее, как бы символически продлевая ее существование. В финале бескорыстное чудо Изы действительно совершается, в то время как эгоистичные надежды Мари оказываются самообманом.

Если посмотреть «В ожидании чуда» и «Воображаемую жизнь ангелов» подряд, эффект будет убийственным. Поверхностное обаяние менеджмент-культуры рассеется, и дешевый прагматизм ее ценностной системы станет очевидным. Мне кажется, тут и заключена одна из причин отсутствия подобных картин в России. Прагматизм — это наша новая религия, которая без устали проповедуется в самых разных кругах, начиная от государственных чиновников (менеджеров) и заканчивая поп-звездами. Между тем само это словечко есть просто эвфемизм для другого понятия — беспринципность. Когда вам говорят: «Давайте рассуждать прагматично», то в переводе на человеческий язык это означает примерно следующее: «Да плюнь ты на этику, подумай о выгоде!» Обычно за данной фразой следует предложение поучаствовать в какой-нибудь подлости.

Логичным следствием прагматизма является конформизм, и «мура» опасна именно для молодежи тем, что рассматривает конформизм как одну из важнейших добродетелей. Быть конформистом практично, выгодно; кто умеет хорошо улавливать эманации начальства, тот сам станет боссом и, в свою очередь, станет учить жизни молодых.

В редких случаях, когда публика начинает откровенно высказывать свои принципы, их можно смело давать в эфир в программе «Аншлаг». Недавно я с большим интересом прочитал размышления некоего высокопоставленного финансового менеджера о пользе моральных ценностей для бизнеса (ведь моральные ценности обязаны быть полезными, иначе какой в них смысл?). Цитирую: «Ценности — фундамент, на котором стоят многие иностранные фирмы и ограниченное число российских компаний. Для бизнеса они являются функциональными, к ценностям не нужно относиться как к чему-то сакральному: их можно перенимать, изменять и ликвидировать»[1].

[1] «The New Times», 2008, № 22, с. 33.

Итак, ценности — фундамент, который можно ликвидировать. Этот банковский петросян никогда не пробовал «ликвидировать» фундамент своей дачи? Но еще больше, чем он, смешны люди, которые доверяют ему распоряжаться своими деньгами.

Наши политические топ-менеджеры в 90-е клялись в верности идеалам демократии, а в последние годы произносят слово «демократия» с приставкой «так называемая». Ведь ценности следует изменять или просто ликвидировать — в интересах бизнеса, разумеется. А того, кто не хочет ликвидировать свои ценности, можно ликвидировать самого. Не обязательно физически, мы же цивилизованные люди, достаточно просто лишить возможности влиять на общественное мнение. Ибо кто не конформист — тот экстремист.

Молодежь — самая нонконформистская часть любого общества, вот по ней и приходится главный удар «муры». Молодые боятся оказаться лузерами и золушками, но не очень твердо представляют себе, что такое жизненный успех. Тут приходит добрая «фея-мура» и популярно объясняет: успех — это престижная работа, банковский счет и вилла на Лазурном берегу. Кто говорит иное, тот просто завистливый неудачник. Механизм старый, как мир; со времен изготовления золотого тельца новых способов соблазна бесы не придумали. Но многие верят. И просиживают лучшие годы в офисах, и маршируют в рядах «Идущих вместе». И это уже не смешно.

Анжелика Артюх. Сравнение русского и французского молодежного контекстов напрашивается и потому, что, согласно опросу Фонда за политическое обновление, современная французская молодежь является наименее либеральной и наиболее пессимистично оценивающей свою способность изменить общество среди молодежи двадцати опрошенных стран, а русская идет по этому показателю сразу за ней. Одно из объяснений этого сходства заключается в том, что современное французское общество, равно как и современное российское, является продуктом государства. В ситуации, определяемой политикой Саркози, Францию настраивают на то, чтобы изжить инфицированность революционным 68-м годом, а политика Путина (что будет делать Медведев, мы скоро увидим) обеспечивала целенаправленное изживание российским обществом духа свободы горбачевско-ельцинского периода.

Между тем российские и французские фильмы о молодежи значительно отличаются друг от друга. «Воображаемая жизнь ангелов», хоть и снята в конце 90-х, остается актуальным фильмом прежде всего потому, что ему свойственна критическая дистанция автора по отношению к обоим персонажам, каждый из которых многозначен. Эрик Зонка вкладывает в него и антибуржуазный, и антилюмпенский настрой. «В ожидании чуда» Евгения Бедарева едва-едва намечает критическую дистанцию, в большей степени продвигая идею необходимости встроиться в новобуржуазный российский социум за счет избрания должного имиджа. Но эта тень критической дистанции вводит в фильм как минимум один позитивный момент: имидж, который обретает героиня, все же не списан с глянцевой сексистской макулатуры, а таит в себе отпечаток изъяна, индивидуальности. Девушка так и остается толстушкой, любящей поесть, хоть и причесанной по моде и одетой в деловой костюмчик. В финале визитка от замдиректора крупного рекламного агентства — это прежде всего не только надежда на прекрасного принца, но и утверждение силы женской привлекательности для достижения карьерного успеха.

Должный карьерный статус — вот что принципиально отличает психологию менеджера от психологии свободного художника, если он, конечно, не является собственным менеджером. В понятие «свободный художник» я в данном случае вкладываю не столько причастность к арт-среде, сколько способность на перформативный акт, разрушающий те установки, которые навязывает менеджмент-культура.

Вся надежда — на молодых. Но если смотреть современное российское кино, то складывается впечатление, что у молодых выбор невелик: либо карьера в Москве, либо символическая, а то и физическая смерть в провинции

или в неблагополучном квартале. Герой «Тисков» Валерия Тодоровского готов работать диджеем в столице, но для этого опять же должно произойти чудо — кто-то должен убрать с его пути наркодилера, заставляющего торговать наркотой и удерживающего в провинциальной дыре. Главная героиня «Жестокости» Марины Любаковой, возможно, и рада была бы не ломать судьбу обеспеченной умницы-юристки, но разве можно отказаться от шанса самой стать богатой и гламурной? «Когда бабло появляется, группа крови меняется», — говорится в фильме Павла Санаева «Нулевой километр», транслирующем идею о том, что в Москве, да и во всей России выживает только прагматичный; не случайно будущее поверивших в любовь, а не в прагматику молодых ребят оказывается в нем смутным и необнадеживающим. В нашей стране никто особо не верит в возможность долгой и кропотливой работы на признание. Здесь мыслят только в категориях быстрого успеха.

Погоня за успехом формирует особенности психологии современного российского человека: он не может отказаться от шанса, тогда он сделается провинциальным лохом, свободным художником или, в крайнем случае, жителем Петербурга. Аура Питера — то немногое, что еще работает на идею о том, что художники с причудами не совсем перевелись в России. Не случайно именно в фильме с названием «Питер FM» герой-архитектор отказывается от выгодного контракта в Германии ради того, чтобы остаться в Петербурге. Называйся фильм «Москва FM», в это было бы невозможно поверить. Но в данном случае это выглядит убедительно. Причина явно не только в том, чтобы быть рядом с девушкой, но и в так называемых эстетических соображениях: Питер, снятый как город воды, солнца и романтических свиданий, вполне тянет на то, чтобы быть пространством вдохновения. Неизвестно, конечно, насколько хватит этого вдохновения (например, героине «Прогулки» его хватило ровно на полтора часа), однако здесь оно все же способно пробуждаться даже в тех, кто уже сдался прагматике.

Дмитрий Комм. Хочу заметить, что «утверждение силы женской привлекательности для достижения карьерного успеха» — это как раз любимая боевая лошадь менеджмент-культуры. «Мура» вообще ужас как прогрессивна. Упомянутый тобой Саркози, а также Берлускони очень любят вводить в кабинет министров гламурных дам с внешностью манекенщиц (некоторые из них манекенщицами и являются). В России пока не так, но это временно. Фильмы вроде «Кода Апокалипсиса» уже показывают нам новый, прогрессивный имидж защитницы отечества: на место пропахшей махоркой боевой подруги приходит элегантная дамочка с внешностью и повадками напористого менеджера среднего звена.

«Мура» — как дождливая погода осенью: да, серо, тоскливо, но таковы законы природы, никуда не денешься. Проблема не в ней самой, а в ее безальтернативности в том секторе русского кино, который имеет приставку «молодежное». Это кино делится на две части — либо откровенный, «дюже-динамитный» бред, либо трансляция моделей поведения и жизненных установок менеджмент-культуры. И к обеим частям подходит название «Даже не думай!». В принципе, это универсальное название, которое годится большинству картин, выпускаемых сегодня в нашей стране. Полагаю, что на фильм с названием «Думай почаще» достать деньги будет очень трудно. Я бы предложил вообще не заморачиваться с придумыванием названий нынешним русским фильмам, а просто добавлять порядковый номер: «Даже не думай-132», «Даже не думай-133» и так далее.

Если же обращаться не к узкороссийскому, а к мировому контексту, то для меня самое тяжелое в современной ситуации — тот факт, что жанровое кино больше не служит прибежищем для нонконформистских художников, как это было еще тридцать лет назад. В 50—70-е годы интеллектуалы рисовали комиксы или экранизировали их, сочиняли детективные романы, снимали хорроры и секс-фильмы. Обращение к массовой культуре, к демократизму жанровых формул было вызовом истеблишменту с его непременным «хорошим вкусом»

«Изображая жертву», режиссер Кирилл Серебренников

и культом избранности. В эти годы Борис Виан придумал своего Вернона Салливана, Жан-Клод Каррьер с равным успехом писал сценарии для Луиса Бунюэля и классика exploitation Джесса Франко, Ален Роб-Грийе снимал фильмы про ведьм, шлюх и тайный бордель в парижской Опере, а знаменитый художник комиксов Гвидо Крепакс отправлял свою любимую героиню Валентину в Россию, где она нагишом летала на метле над храмом Василия Блаженного и организовывала революцию. Жанровое кино той эпохи было дерзким, остроумным, часто новаторским по форме и провокационным по содержанию.

Сегодня мы не увидим ничего подобного. «Мура» захватила этот плацдарм и выхолостила все жанры, до которых смогла дотянуться. Когда-то Паулин Кейл на страницах «Нью-Йоркера» назвала «Кабаре» «великим мюзиклом, чудесным образом сделанным без компромиссов». Нынешние «Чикаго» и «Мулен Руж» представляют собой сплошной компромисс. Был, правда, в 90-е мюзикл, сделанный без компромиссов, — «Стриптизерши» Паула Верхувена, чьи вульгарные, бестолковые и трогательные героини наверняка бы понравились Бобу Фоссу. Однако этот фильм гнобили всем миром — за дурновкусие, что характерно. А в 60-е считали, что хороший вкус — фальшивое, буржуазное понятие и искусство начинается как раз там, где он заканчивается.

Впрочем, я не думаю, что жанровое кино совсем утратило свой бунтарский потенциал. Скорее, нарушители табу сегодня в дефиците.

Анжелика Артюх. Быть нарушителем табу сегодня в российском кино сложнее, чем в каком-либо другом, так как наша киноиндустрия спешно подлаживается под так называемую продюсерскую модель кино: очень примитивный вариант ранней стадии Нового Голливуда, основанного на идее «научного менеджмента». Государственные деньги как часть бюджета, необходимость получать прокатное удостоверение от Минкульта, почти тотальная зависимость от показа на подцензурных центральных российских телеканалах — все эти особенности русского контекста сами по себе накладывают целый ряд ограничений на выбор тем и способов их развертывания. Но к ним еще нужно добавить продюсерский диктат, настаивающий на идее корпоративного авторства. Никогда не забуду, как Александр Рогожкин жаловался на пресс-конференции, что в период создания недавнего духоподъемного фильма о футболе «Игра» не мог повлиять на выбор типажей для массовки (потому что в Москве массовка — это отлаженная мафия) и не был в состоянии добиться от продюсера изготовления нужного дизайна формы для своих героев-футболистов (потому что это требовало дополнительных затрат). Учитывая, что действие развивалось в будущем, дизайн формы задумывался как один из ключевых элементов фильма. Однако продюсер поставил другую задачу: «очень быстро» и «очень дешево». А ведь продюсером «Игры» был Алексей Учитель, человек

вроде бы сам понимающий необходимость кропотливой реализации режиссерского замысла. Что уж говорить о тех, кто ничего не смыслит в режиссуре и считает профессию продюсера главной? По-настоящему творческих продюсеров, способных найти хорошего режиссера и дать ему творческую свободу, в России очень мало. У руля в основном все те же менеджеры от кино, использующие данную площадку с целью быстрого извлечения прибыли и освоения бюджета, а не для решения художественных задач.

Один из выходов из этого тупика — поддержка тех, кто все же занимается исследованием альтернативных и маргинальных арт-контекстов с целью привлечения их в игровое кино, где они могут подрывать язык и идеологию изнутри, привносить собственное авторское ви́дение. Альянс «Театра.doc» и кино обеспечил приход Кирилла Серебренникова, фестиваль «Кинотеатр.doc» открыл имена нынешних успешных дебютантов в игровом полном метре — Валерию Гай Германику и Бакура Бакурадзе. Понятно, что фильмы альтернативных режиссеров не пойдут в сотнях кинозалов по всей России, но как минимум они заложат основы российского артхауса как противовеса мейнстриму и, следовательно, безнаказанному торжеству «муры». «Муре» полезно напоминать, что ее не возьмут в Канн, как Гай Германику и Бакурадзе, что ей не дадут главный приз на Римском фестивале, как Серебренникову. Тогда «мура» будет знать свое место, которое можно обозначить так: только для внутреннего потребления. У нее, конечно, есть и другой путь — стать «Ночным Дозором» и пробиться на американский рынок. Но тогда ей нужно отказаться от прагматической и духоподъемной идеологии «муры» в пользу большего экстремизма и протестных спекуляций.

Дмитрий Комм. Артхаус — это гетто, созданное «мурой» для режиссеров и критиков, где они могут что-то снимать, о чем-то писать, одним словом, создавать для самих себя иллюзию активной творческой деятельности, ни на что на самом деле не влияя. Менеджмент-культура всегда готова поддержать некоммерческое искусство: вот вам, детишки, песочница, играйте, резвитесь на здоровье, стройте свои куличики; главное — не вмешивайтесь в дела взрослых. Выпускайте свои фильмы (в количестве десяти с половиной копий), издавайте свои журналы (тиражом тысяча экземпляров), производите свои перформансы, получайте цацки на фестивалях и радуйтесь жизни. А уж нам позвольте окучивать миллионы зрителей своими «Властелинами колец» и «Ночными Дозорами». Какое там «внутреннее потребление»? «Мура» мыслит глобальными категориями.

Шведские писатели-детективщики Пер Валё и Мей Шевалль много лет назад выпустили сатирический детективный роман «Гибель 31-го отдела». Он повествовал о могущественной издательской корпорации, расположенной в тридцатиэтажном небоскребе. Каждый этаж соответствовал одному отделу корпорации, и на каждом выпускали газету или журнал — жуткую гламурную пошлятину. Однако существовал еще секретный тридцать первый этаж, о котором мало кто знал. На нем были собраны исключительно высоколобые интеллектуалы и радикалы-нонконформисты. Они тоже выпускали свой журнал — в одном экземпляре. Этот экземпляр потом показывали руководителям остальных тридцати отделов в качестве примера того, чего не должно быть в их изданиях. И все были довольны — и руководство корпорации, и сами интеллектуалы. Но когда в небоскребе начался пожар, эвакуировали все этажи, кроме тридцать первого, поскольку о его существовании пожарные попросту не знали.

Нынешняя реальность точно воспроизводит эту сатирическую фантазию. Интеллектуалы сегодня — 31-й отдел. Наше существование терпят, пока мы не пытаемся серьезно влиять на общественное мнение. Нам дают гранты, пока мы заявляем о некоммерческом характере своих работ. Каждое наше безответственное высказывание о глупости «массового человека» — бальзам на душу «муры». «Конечно, ребята, — говорит нам «мура». — Массовый зритель — дурак и жлоб, так что позвольте уж мне о нем позаботиться. А вы развлекайтесь в своем узком кругу». Многие искренне верят, что фестивальный

контекст — единственно значимый. Некая интеллектуальная барышня однажды заявила, что у меня очень узкий кругозор, поскольку я интересуюсь только жанровым кино. Ей и в голову не пришло, что жанровое кино — это 99 процентов всех фильмов, которые были сняты в XX веке на планете Земля. Выглянуть за пределы артхаусно-фестивального гетто и увидеть те картины, которые смотрят люди, — для нынешних интеллектуалов задача сложная и болезненная, ведь тогда придется расписаться в своей никчемности и предпринимать какие-то шаги для изменения ситуации. Куда приятнее пребывать в мире иллюзий и считать, что фестивальная тусовка составляет весь кинопроцесс. Иными словами, что 31-й отдел — это и есть небоскреб.

Но в последнее время отовсюду слышатся жалобы, что гранты дают все реже, что возможностей опубликовать свою писанину все меньше и что ни властям, ни бизнесу интеллектуалы и независимые художники не нужны. Какое потрясающее открытие! Конечно, не нужны и никогда не были нужны. Просто политических и финансовых топ-менеджеров много лет пугал призрак студенческих революций 60-х годов, поэтому они готовы были откупаться от него, отдавая интеллектуалам часть своего пирога. Но менеджеры нового поколения, типа Саркози и Путина, уже не так боятся и сужают пределы этого гетто. А следующее поколение прихлопнет его вовсе. Таким образом, соглашаясь со статусом 31-го отдела, мы сами обрекаем себя на вымирание.

Единственный, на мой взгляд, выход — обращение к широкой аудитории. Очевидно, что инициатива его должна исходить от самих художников, потому что те, кто пишет об искусстве (в том числе кино), зависят от них; мы можем поддержать их в каком-то начинании, но не имеем права создавать иллюзию этого начинания на пустом месте. Что касается методов этого поворота к публике, тут возможны разные варианты.

Во-первых, «мура» все же не окончательно оккупировала жанровое кино. Часть его удерживают последние безумные шестидесятники, вроде Де Пальмы и Верхувена. Для них обращение к жанрам — это не способ выколачивания «бабла» из почтеннейшей публики, а возможность говорить о важных вещах с массовой аудиторией на понятном ей языке. Научиться этому трудно, да и призов на фестивалях за такое умение не дают. Однако имена режиссеров, владеющих подобными навыками, остаются в истории кино, как остались в ней Альфред Хичкок и Джон Форд, Энтони Манн и Артур Пенн (в отличие от многочисленных фестивальных лауреатов, половину из которых сегодня даже киноведы не вспомнят). Тем, кому есть что сказать, стоит попытаться это сделать посредством не артхаусных, а жанровых фильмов.

Второй вариант в некотором смысле противоположен первому. Фильм в наши дни можно снять даже камерой, установленной в мобильном телефоне, смонтировать на домашнем компьютере и выложить на YouTube. Причем не только короткометражку. В YouTube можно найти и полнометражные ленты — частями, по десять минут. Аудитория там уже во много раз больше, чем у любого телеканала, и она постоянно увеличивается. А ведь есть еще и файлообменные сети — предмет ненависти всех борцов с пиратством. Разумеется, такой способ общения с публикой не предполагает получения дивидендов, но, если я не ошибаюсь, наши радикалы и так все программно некоммерческие? Или условием их альтруизма была возможность бесконтрольного распила грантов? Тут и станет ясно, кто почем.

В любом случае, хватит проедать наследие 60-х — этот стол уже почти пуст. Сегодня вновь нужно использовать любые возможности выхода к массовой аудитории, чтобы заявить о наличии иных точек зрения, кроме тех, что навязывает менеджмент-культура, а фактически — заявить о самом своем существовании. Необходимо срочно перестать быть 31-м отделом, потому что пожар уже начался.

НАТАЛЬЯ КРИВУЛЯ

3D — и смотри

ПОЛНОМЕТРАЖНАЯ АНИМАЦИЯ: ОТ ДИСНЕЯ ДО НОВЫХ ВРЕМЕН

«Белоснежка и семь гномов», режиссер Уолт Дисней

Эта активно развивающаяся область кинематографа стала привлекательной и доходной частью медиабизнеса во всем мире. Но как все начиналось и как продолжается?

Корпорация монстров

Само понятие «полнометражная анимация» обычно связывают с именем Уолта Диснея: считается, что именно он снял первый полнометражный мультфильм — знаменитую «Белоснежку и семь гномов» (1937). Но первым был не он. В истории кино известны фильмы «Апостол» (1917) аргентинского режиссера Квирини Кристиани, германские «Приключения принца Ахмеда» (1926) Лотты Рейнигер, французский «Рейнеке Лис» (1931) Владислава Старевича, советский «Новый Гулливер» (1935) Александра Птушко. Но ни один из них не имел такого громкого успеха в международном прокате, как «Белоснежка».

Обратившись к формату полнометражной анимации, Дисней укрепил позиции, которые начал терять в середине 30-х годов, когда его короткометражки стали отдавать внутренним консерватизмом, а конкуренты, напротив, постоянно предлагали зрителю новые тематику, стилистику и эстетику. Выпущенные вслед за «Белоснежкой» «Пиноккио» (1939), «Фантазия» (1940), «Дамбо» (1941), «Бэмби» (1942) вернули студию Диснея на кинематографический Олимп.

Кривуля Наталья Геннадьевна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры режиссуры анимационного фильма ВГИКа имени С.А.Герасимова.

В конце 30-х и в 40-е годы аниматоры фактически не обращались к полнометражному формату. Исключением были лишь фильмы братьев Флейшер «Путешествия Гулливера» (1939) и «Супермен» (1942).

С начала 50-х годов полнометражная анимация стала приоритетной для студии Диснея. Стилизованную «Золушку» (1950) сменила эфемерная «Спящая красавица» (1958), на фоне которой «101 далматинец» (1961) выглядел смелым экспериментом и поражал заостренной карикатурностью образов. В каждой ленте был очевиден поиск нового. Но все они были воплощением и продолжением формулы, известной под названием «Белоснежка». Сказочные истории с милыми персонажами и обязательным счастливым концом, проработанное и «стерильное» изображение, яркие красочные картины и непременные музыкальные номера — все это воспринималось как кино для детей, что на долгие годы и сформировало отношение к полнометражной анимации как к второразрядной области кинематографа.

Среди тех, кто посягнул на устоявшиеся традиции классического диснеевского кино и, по сути, отказался от них, был Ральф Бакши. Его эпатажный дебютный «Кот Фриц» (1972) небывалой откровенностью и нарушением всех неписаных законов и табу анимации шокировал и простую публику, и профессионалов. Но оказалось, что подобное кино не просто возможно, но и может быть коммерчески успешным: при затратах около миллиона долларов кассовые сборы были более 30 миллионов. Вскоре Бакши выпустил не менее успешные «Час пик» (1973) и «Кунскин» (1975), составив своеобразную трилогию, в которой в традициях независимого кино едко иронизировал по поводу американского образа жизни конца 60-х — начала 70-х. Показывая этот мир с изнанки, режиссер лишал его привычного лоска и глянца, вбрасывая на экран смесь секса, насилия, смерти, расового расслоения. Внеся на анимационный экран мотивы экзистенциальной философии и актуальной реальности, к которой американские аниматоры прежде не обращались, он открыл для своих коллег новые просторы и доказал, что полнометражное анимационное кино можно адресовать взрослой аудитории.

В 1977 году вышли «Волшебники» Ральфа Бакши — полнометражная экранизация «Властелина колец» Дж.Р.Р.Толкиена. Фильм был выполнен в жанре фэнтези с использованием эклерной анимации. Продолжая работать в том же направлении, Бакши снял ленту «Огонь и лед» (1983), но активное применение ротоскопной анимации и подражание эстетике игрового кино не принесли ожидаемых результатов.

Новый этап в развитии полнометражного анимационного кино начался в середине 80-х. Предвестником его стал «Секрет НИМХ» (1982), признанный как настоящий хит классической рисованной анимации. Он был создан на студии, которую основали бывшие сотрудники Disney Дон Блат, Гари Голдман[1] и Джон Померой, желавшие не столько посягнуть на диснеевскую монополию, сколько возродить традиции классической анимации Уолта Диснея. В 80-е годы Дон Блат и его соратники сняли такие ленты, как «Американская история» (1986), «Земля до начала времен» (1988), «Все псы попадают в рай» (1989). Их работы, уже ставшие в наше время классикой, были доброжелательно встречены публикой и имели кассовый успех. «Секрет НИМХ», один из наиболее успешных недиснеевских фильмов того времени, фактически не имея проката, собрал более 45 миллионов долларов, а «Американская история», поставив рекорд кассового сбора по премьерному прокату, была выпущена на видео невиданным прежде двухмиллионным тиражом.

Успехи Дона Блата не остались незамеченными. Руководство студии Disney, словно пробудившись от глубокого сна, активно включилось в разработку новых проектов и запустило в производство сразу две ленты — «Оливер

[1] Дон Блат и Гари Голдман начинали творческую карьеру на Disney, но, убедившись, что новое руководство после смерти мэтра все дальше уходило от его идеалов, покинули студию и даже способствовали тому, что многие из диснеевских аниматоров в начале 80-х годов последовали их примеру.

«Спящая красавица», режиссер Уолт Дисней

и компания» и «Русалочка».

С этого момента начался ренессанс диснеевской полнометражной анимации, сменивший период застоя 60—70-х годов, когда фильмы снимались в условиях жесткой экономии с вторичным использованием готового материала и повторением ранее найденных схем, приемов и ходов. По инициативе внука Диснея было принято решение вернуться к художественным концепциям мэтра. Была разработана специальная программа возрождения студии. Ее суть заключалась в ежегодном выпуске двух «голденов» — отреставрированных классических фильмов Уолта Диснея — и одного «силвера» — абсолютно новой ленты, но созданной по всем канонам диснеевских шедевров. Причем при разработке новых проектов было решено обратиться к архивным материалам и использовать идеи и замыслы самого Диснея. На экране одна за другой вновь стали появляться романтические истории о прекрасных принцах и принцессах с неизменными песнями и танцами, закрученной интригой, роскошным изобразительным рядом и обязательным участием голливудских звезд, озвучивающих экранные персонажи.

Первый диснеевский «силвер» — «Русалочка» (1989) Джона Маскера и Рона Клементса. Ленту показали на открытии Каннского фестиваля, и мировая общественность сразу же поняла: диснеевская полнометражная анимация возродилась! Вскоре на экраны вышли «Красавица и чудовище» (1991), «Аладдин» (1992) и, как триумфальное подтверждение уже достигнутых успехов, один из самых успешных фильмов Disney первой половины 90-х годов — дважды оскаровский «Король Лев» (1994), сборы от проката которого составили более 783 миллионов долларов.

Помимо этого Disney пытается возродить в полнометражном фильме технику, когда в кадре сочетаются рисованная анимация и игра реальных актеров. Именно так свою творческую карьеру начинал сам Уолт Дисней: в его немых черно-белых сериях «Комедии Алисы» (1923—1927) совмещались игра рисованных персонажей и реальной девочки; тот же прием был использован в «Песне Юга» (1946) и «Мэри Поппинс» (1965). Руководство Disney предложило Студии Сти-

«Бэмби», режиссер Уолт Дисней

вена Спилберга участвовать в разработке и реализации общего проекта, предполагающего совмещение рисованной анимации с использованием компьютерных спецэффектов и живого актерского исполнения. Так появился знаменитый фильм Роберта Земекиса «Кто подставил кролика Роджера» (1988). Эстетика, заданная этой картиной, получила развитие в последующее десятилетие. Благодаря мощным финансовым вливаниям, привлечению молодых специалистов и изменению творческой политики студия Disney преодолела очередной кризис и вновь стала законодателем стандартов. Так называемая «формула Диснея» включает в себя набор непременных для достижения успеха элементов: броская и хорошо продуманная история, сдобренная юмором и закрученной интригой, четкая проработанность характеров, внешняя привлекательность и обаяние главных персонажей, голоса знаменитых актеров в «роли» анимационных героев, серьезная музыкальная драматургия с обязательным включением популярных вокальных номеров.

Диснеевская полнометражная анимация конца 80-х и первой половины 90-х годов встала в один ряд с самыми дорогими и прибыльными лентами игрового кино[2], породив новую волну подражаний. Этот формат стал рассматриваться как универсальный для коммерческого (продюсерского) кино. Голливудские студии включились в борьбу за эту весьма перспективную область кинорынка.

«Новый Гулливер», режиссер Александр Птушко

В 80—90-е годы помимо Дона Блата одним из основных конкурентов на анимационном рынке был Джеффри Катценберг, который тоже долгое время работал на студии Disney и даже занимал там должность президента. Именно при нем были сделаны знаменитые «Русалочка», «Аладдин», «Красавица и чудовище», «Король Лев». Однако вскоре Катценберг был вынужден покинуть Disney и в 1994-м стал одним из основателей кинокомпании DreamWorks SKG[3], успех которой впоследствии принесли не только игровые ленты, но и работы в области полнометражной анимации.

В 1997 году компания заключила договор о сотрудничестве со студией Pacific Data Images, специализирующейся на создании спецэффектов и CGI-анимации[4]. Вскоре было создано новое анимационное подразделение, ори-

[2] До 1991 года на «Оскар» в номинации «Лучший анимационный фильм» выдвигались только короткометражные ленты, а полнометражные конкурировали на общих условиях с игровыми. «Красавица и чудовище», получившая колоссальный успех у зрителей и множество положительных рецензий в профессиональной прессе, стала первым анимационным фильмом, который был удостоен «Оскара» в номинации «Лучший игровой фильм». Спустя четыре года «История игрушек» стала первым полнометражным анимационным фильмом, получившим приз Киноакадемии за лучший сценарий.

[3] Аббревиатура SKG обозначает фамилии основателей студии — Стивена Спилберга, Джеффри Катценберга и Дэвида Геффена.

[4] К 2000 году DreamWorks поглотила Pacific Data Images, вследствие чего появилось объединенное анимационное отделение DreamWorks Animation, занимающееся выпуском рисованной и CGI-анимации. В 2004-м оно было преобразовано в самостоятельную студию DreamWorks Animation SKG.

ентированное на выпуск CGI-анимации. И уже в 1998 году на рынке появились сразу два полнометражных фильма — «Муравей Антц» (режиссеры Эрик Дарнелл, Тим Джонсон, Лоуренц Гутерман), выполненный на основе компьютерных технологий, и «Принц Египта» (режиссеры Саймон Уэллс, Стив Хикнер, Бренда Чепмен) — традиционная рисованная анимация в стиле последних лент Disney. Они составили достойную конкуренцию фильмам Disney/Pixar[5].

Соперничество компаний превращается в настоящую дуэль. «Муравей Антц» конкурировал со схожими по тематике пиксаровскими «Приключениями Флика» («Жизнь жуков») Джона Лассетера и Эндрю Стентона. В 2001-м пиксаровская «Корпорация монстров» Ли Анкрича и Питера Доктера противостоит «Шреку» Эндрю Адамсона и Вики Дженсон, выпущенному DreamWorks. На снятую в 2003-м ленту «В поисках Немо» Эндрю Стентона и Ли Анкрича компания DreamWork отвечает выходом «Подводной братвы» (2004) Бибо Бержерона, Вики Дженсон и Боба Леттермана. «Суперсемейка» (2004) Брэда Бёрда соперничает с «Шреком-2» Эндрю Адамсона и Конрада Вернона.

«Великое противостояние» так и не выявило победителя. В 2002 году «Оскар» достался «Шреку»; в 2003-м и в 2004-м его получили пиксаровские фильмы, а зрительские симпатии и новые рекорды по кассовым сборам принадлежали фильмам DreamWorks. Но важно другое: эти компании коренным образом изменили представление о роли полнометражной анимации в кинобизнесе и в ее производство включились ведущие голливудские студии 20th Century-Fox, Warner Bros., Paramount, Columbia и другие. Впрочем, они не смогли оспорить господство лидеров на кинорынке.

«Шрек», режиссеры Эндрю Адамсон, Вики Дженсон

А между тем в полнометражной анимации назревали существенные перемены. В большей степени они касались не столько художественно-эстетической области, сколько сферы технологий, претерпевшей за два последних десятилетия почти полную модернизацию. Традиционную рисованную анимацию потеснили компьютерные фильмы. На место прорисовщиков, фазовщиков, заливщиков пришли программисты, дизайнеры и CGI-аниматоры. В связи с возможностями CGI-анимации творческие установки Джеффри Катценберга и студии DreamWorks в целом были ориентированы на поиски новых форм и новой эстетики. В плане же развития технологий CGI-анимации и спецэффектов тон задавала студия Pixar во главе с ее руководителем Джоном

[5] Студия Pixsar создана Стивеном Джобсом в 1986 году, после того как он выкупил у Джорджа Лукаса компьютерное подразделение студии Lucasfilm, уже в то время возглавляемое Джоном Лассетером. Сотрудничество Disney и Pixsar началось еще в 1987 году, и только лишь в 1991-м было подписано соглашение о совместной работе над тремя полнометражными фильмами, выполненными в CGI-анимации. После успеха «Истории игрушек» руководство Disney убеждает представителей Pixsar в продолжении сотрудничества и в 1997 году подписывает новый договор на выпуск уже пяти совместных лент, причем это соглашение не распространялось на сиквелы. Роль Disney сводилась лишь к финансовому обеспечению проектов и дистрибьюторским функциям, вся творческая сторона лежала на Pixsar.

Лассетером. В полнометражной анимации наступил новый этап, который можно было бы назвать этапом преодоления постдиснеевского стиля.

Конечно же, цифровые технологии использовались и в двухмерной рисованной анимации. Это касается не только обработки и заливки изображения, компоузинга, создания спецэффектов и объемной среды. Такие эффекты, как головокружительный полет ковра-самолета в «Аладдине» или паническое бегство в «Короле Льве», были бы невозможны без применения компьютера. Но разработчики цифровых технологий стремились к созданию фильма, где изображение было бы полностью генерированным.

Одной из первых полнометражных картин, созданных в CGI-анимации, стала «История игрушек» (1995) Джона Лассетера (Pixar). Трехмерная компьютерная реальность, столь отличная от традиционной рисованной диснеевской, вызвала настоящий фурор.

Цифровые технологии, обозначив новое направление, вывели анимацию на иной уровень, существенно видоизменили ее. Сегодня в ней — нередко в ущерб художественной выразительности — преобладает визуальный аттракцион. Но CGI-анимация и подобна аттракциону. Стремясь удивлять зрителя снова и снова, создатели фильмов делают ставку на техническое совершенствование и разработку нового программного обеспечения. Преодолев короткометражный формат и освоившись в области полнометражной анимации, компьютерные технологии определяют новую стилистику и устанавливают новые художественные критерии. Фильмы перестали быть просто детскими сказками, теперь это зрелище, одновременно интересное и детям, и взрослым. При этом их содержание лишено прежней назидательности, а сюжет построен в разных плоскостях: в нем есть и то, что понятно простому зрителю, и то, что может привлечь «продвинутого» киномана. Среди излюбленных приемов, наполняющих драматургическую схему, — кинотаты и пародирование знаменитых фильмов, культовых киногероев и известных мотивов классического и современного кино. Нередко во внешне незамысловатый и, казалось бы, традиционный сюжет включаются эпизоды, где обыгрываются актуальные темы из области современной политики, массовой культуры, национально-расовых проблем, взаимоотношений с властью. И это опять-таки не проходит мимо внимания взрослых зрителей. В итоге анимационное кино расширяет свою аудиторию, становясь продуктом массового потребления. Отдельная хитрость — смена действующих лиц. Прекрасных принцев и принцесс сменили жуки, игрушки, роботы, монстры, доисторические животные, на экранах появились новые супергерои, игрушечные ковбои, танцующие пингвины, зеленые тролли, продвинутые крысы и т.п. — персонажи, которые благодаря компьютерным технологиям и современному наполнению характера все чаще воспринимаются как реальные, как живые актеры, как современники.

Полнометражная анимация прошла длинный путь от образов, нарисованных на бумаге, к полностью смоделированному в компьютере изображению.

Разумеется, это не могло не привести к реорганизации во всей промышленности. Студии переориентировали производство на выпуск проектов в технологии CGI за счет сокращения отделов рисованной анимации и переквалификации специалистов. Даже на студии Disney задумывались о закрытии рисованного отделения[6]. Были уволены или частично переучены около полутора тысяч специалистов, занятых в производстве классической 2D анимации, были приглашены пятьсот CGI-аниматоров. Уже самостоятельно, без сотруд-

[6] Особенно после выхода в свет пиксаровских «Приключений Флика» (1998) и колоссального коммерческого успеха «Истории игрушек-2» (2000). Последним убедительным доводом для перехода в цифровой формат стал провал фильма Рона Клементса и Джона Маскера «Планета сокровищ» (2003), собравшего 38 миллионов долларов при затратах 140 миллионов на производство.

ничества с Pixar, студия Disney включилась в разработку новых полнометражных фильмов, созданных с помощью компьютеров.

В «Динозавре» (2001) режиссеры Эрик Лейтон и Ральф Зонтаг соединили классическую диснеевскую эстетику с цифровыми технологиями, что, впрочем, не принесло кассового успеха. Попытка Disney отстоять репутацию лучшей анимационной студии была предпринята с выпуском ленты «Цыпленок Цыпа» (2005) Марка Диндала. В 2006 году на суд зрителей был представлен фильм «Дикий» («Большое путешествие») Стива «Спаз» Уильямса, а в 2007-м — «В гости к Робинсонам» Стивена Дж. Андерсона. Но и они не стали крупными событиями.

Преобразований не избежала и компания DreamWorks. В начале 2000-х годов Джеффри Катценберг отмечал, что «традиционная двухмерная анимация все чаще оказывается в зоне критики и не приносит ожидаемых прибылей, в то время как все более успешной и перспективной становится CGI-анимация; основные проекты DreamWorks в этой области и связаны с этим направлением»[7].

На фоне успеха «Шрека» традиционные двухмерные проекты DreamWorks «Синбад: Легенда семи морей» (2000, режиссеры Патрик Гилмор, Тим Джонсон) и «Дорога на Эльдорадо» (2000, режиссеры Эрик Бергерон, Уилл Финн, Дон Пол, Дэвид Силверман, Джеффри Катценберг) оказались провальными. Руководство DreamWorks Animation SKG объявило, что с 2009 года студия будет выпускать фильмы только в стереоскопическом формате. По мнению Джеффри Катценберга, необходимо выходить на новый уровень в развитии анимации, который напрямую связан с глобальными преобразованиями визуального ряда: это требования рынка и возможности новых CGI-технологий. Иначе говоря, своим приоритетным направлением DreamWorks объявляет выпуск полнометражной анимации, рассчитанной на стереопроекцию. Среди первых подобных проектов – «Монстры против Чужих», активная работа над которым сейчас идет на студии (режиссеры Боб Леттерман, Конрад Вернон; ожидаемый выпуск – март 2009 года).

Как отмечает один из ведущих теоретиков анимации Дж.Кейнемейкер, «У Голливуда есть странное свойство. Успех «Истории игрушек», «Жизни жуков», «Корпорации монстров», «Ледникового периода» и «Шрека» — это как кровь в воде. Заметив ее, все сразу понимают: вот оно, то самое, что модно и востребовано прямо сейчас. Это и есть компьютерная анимация!»

Чужие против монстров

В последнее десятилетие американская гегемония на рынке полнометражной анимации ослабела. Все более явную конкуренцию ей составляют европейские и азиатские фильмы, производство которых постоянно растет. Если с 1926 года[8] и до середины 90-х на экраны Европы вышло более 50 картин[9], то с 1997 по 2002-й европейские аниматоры сняли 34 ленты, а с 2002 по 2006-й — более 35. Данные цифры позволяют говорить, что в количественном измерении европейская полнометражная анимация значительно превосходит американскую[10].

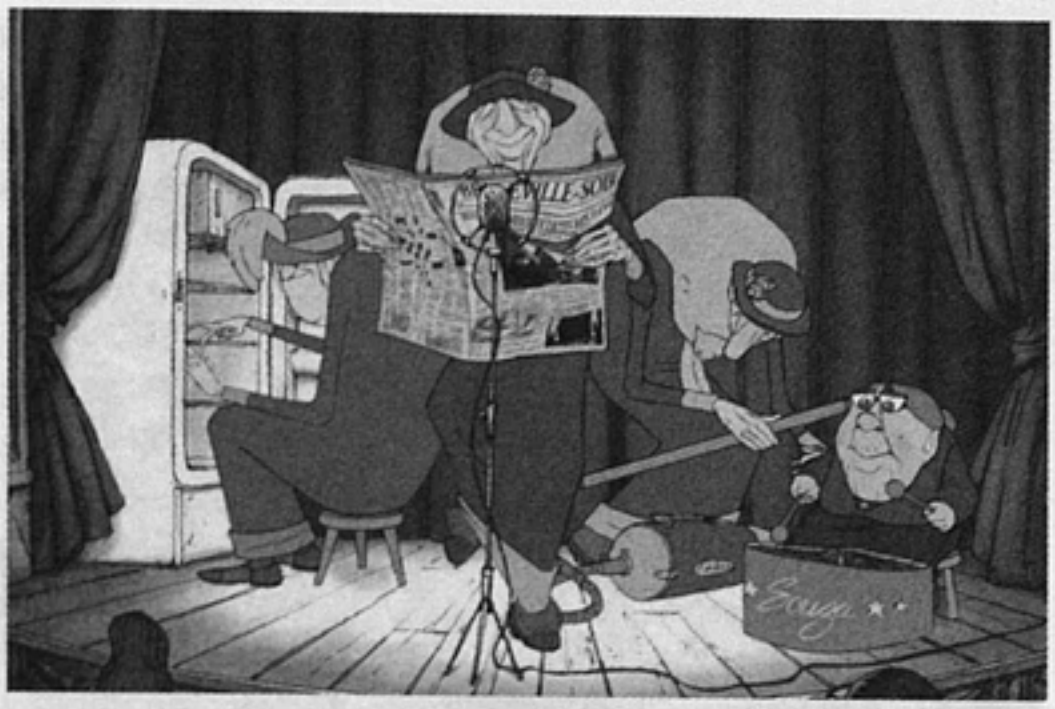
---

[7] Самым успешным проектом DreamWorks в начале 2000-х годов стал «Шрек», занявший после выхода на экраны в 2001 году третье место по сборам, общая сумма которых за год проката составила 267,7 миллиона долларов. Вскоре появились «Шрек-2» и «Шрек-3»; в запуске находится «Шрек-4», премьера которого планируется на 2010 год.

[8] В 1926 году выпущен фильм «Приключение принца Ахмеда» (режиссер Лота Рейнигер).

[9] Согласно сообщению Тима Весткотта в European Feature Animation Report, сделанному для Ассоциации европейской анимации в 2002 году. Говоря, что в 1926—1997 годы в Европе был выпущен 51 фильм, автор не упоминает ленты, созданные за этот период в СССР. Соответственно, данная цифра требует уточнения.

[10] В период 2002—2006 годов американские студии выпустили 24 полнометражных анимационных фильма.



«Трио из Бельвиля», режиссер Сильвен Шоме

Однако не многие европейские полнометражные мультфильмы имеют успешный прокат. Тому есть свое объяснение.

Во-первых, многие ленты выпускаются небольшим тиражом, а их прокат обычно ориентирован на внутренний рынок или определенную сеть кинотеатров. В крупных же киносетях их прокат ограничен количеством сеансов. При минимальных рекламных кампаниях это лишает любой фильм достаточных кассовых сборов, возмещающих производственные затраты.

Во-вторых, эти фильмы — за редким исключением — фактически не имеют зарубежного проката, а если и представлены за рубежом, то чаще всего в рамках некоммерческих культурных мероприятий. В результате, согласно опубликованному рейтингу, в списке десяти самых популярных полнометражных анимационных фильмов, вышедших с середины 90-х годов, оказался всего один европейский — «Побег из курятника» (2000, режиссеры Ник Парк, Питер Лорд), да и то созданный при участии компании DreamWorks.

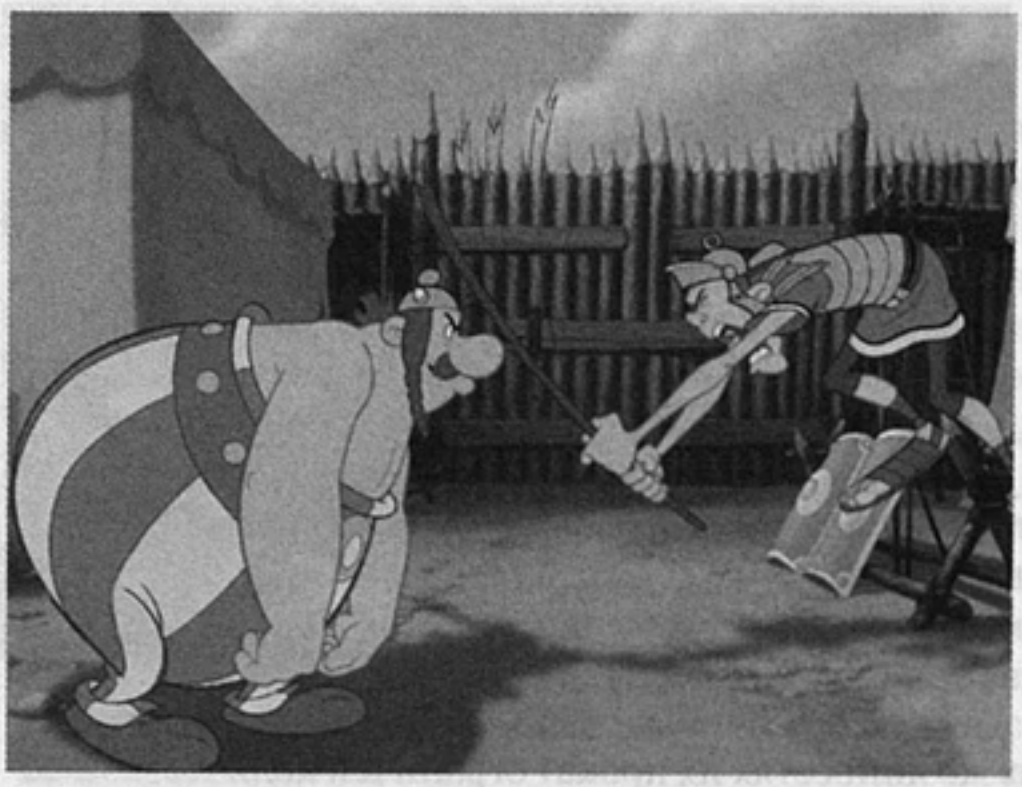
И все же многие картины, такие как «Кирику и Колдунья» (1998), «Предсказание лягушек» (2002), «Трио из Бельвиля» (2003), «Полярный медвежонок» (2004), «Уолис и Громит: Проклятие кролика-оборотня» (2005), «Кирику и дикие звери» (2005), «Таинственный остров» (2005), «Астерикс и викинги» (2006), «Гадкий утенок и я» (2006), «Артур и минипуты» (2007), «Ренессанс» (2007), позволяют говорить о новом художественном этапе в развитии европейской полнометражной анимации.

В Европе с одинаковым успехом развиваются и традиционная двухмерная анимация, и новые компьютерные технологии, которые осваиваются и переосмысляются с эстетической точки зрения. Создается художественное пространство стилистического многообразия и полиформатности.

«Кирику и Колдунья» Мишеля Осело, мастера французской анимации, — один из тех фильмов, в связи с выходом которых начинают говорить о новом этапе в развитии европейской полнометражной анимации. Успех в прокате, огромное количество наград на мировых фестивалях, включая Гран-при в Аннеси, BAA — национальная британская премия в области анимации (номинация «Лучший анимационный фильм Европы») — и премия международного фестиваля «Крок», — такого ни авторы, ни продюсеры даже не ожидали.

«Уолис и Громит: Проклятие кролика-оборотня», режиссеры Стив Бокс, Ник Парк

Признание и удачный прокат ленты Мишеля Осело позволили многим европейским продюсерам преодолеть скептицизм и понять, что не только фильмы CGI-технологии способны обеспечить коммерческий успех. Инвесторы



«Астерикс и викинги», режиссеры Стефан Фьельдмар, Джаспер Мюллер

начали более активно участвовать в реализации анимационных проектов, что обеспечило разработку новых моделей финансирования и стимулировало развитие европейской полнометражной анимации.

На экраны одна за другой выходят новые и новые полнометражные ленты. Критики тут же определили это явление как «эффект Кирику». Впрочем, не стоит связывать активность европейских кинопроизводителей и авторов только лишь с успехом картины Мишеля Осело. Многие из фильмов, которые появились сразу же после премьеры «Кирику и Колдуньи», были запущены в производство задолго до нее. Иначе говоря, европейские аниматоры уже с середины 90-х готовили почву для развития «новой волны» полнометражной анимации. Этому способствовала и выработка новых инвестиционных стратегий, в основу которых были положены принципы консолидации и совместного (при одновременной поддержке различных организаций — не только общественных и не только в рамках государственных программ, как это было прежде) финансирования проектов.

В отличие от американской кинопромышленности, основу которой составляют гиганты киноиндустрии, европейская аниматография представлена рядом небольших киностудий. Съемка полнометражных лент для каждой из них оказывается весьма проблематичной, так как связана с серьезными финансовыми, техническими и кадровыми проблемами. Первые изменения в этой области произошли в конце 80-х — начале 90-х годов, когда студии стали объединяться и совместно работать над проектами для европейского телевидения[11], что позволило выпускать фильмы в достаточном количестве и при этом снижать их стоимость и сокращать производственные сроки.

Новую телевизионную анимацию отличали не только традиционная литературоцентричность, разнообразие художественных стилей и отсутствие изобразительных стандартов, но и обращение к наследию европейской культуры.

«Артур и минипуты», режиссер Люк Бессон

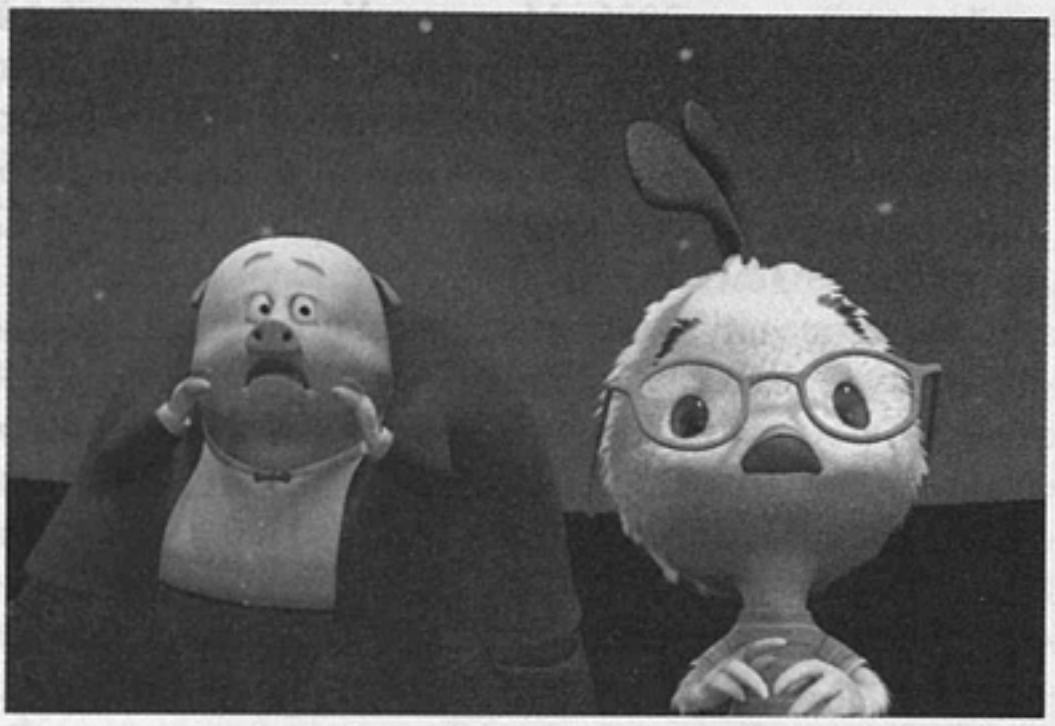
В Германии, Франции и Испании была сформирована достаточно крепкая производственная база. Анимационная промышленность в этих странах получила поддержку со стороны правительственных и общест-

[11] До 80-х годов большую часть анимации на европейском телевидении составляли ленты, выпущенные американскими и азиатскими студиями.

венных организаций, которые если и не участвовали в производстве, то всячески способствовали взаимодействию студий, поддерживая совместные проекты, устраивая семинары, тренинги и курсы с целью обучения и переквалификации специалистов.

Иначе говоря, развитие телевизионной анимации стало одной из основ в формировании современной европейской анимационной промышленности. К середине 90-х годов в кинопроизводстве Европы сложились условия для активного развития полнометражной анимации. По сравнению с американской и азиатской она отличается рядом характерных особенностей.

Одна из них — ограниченный бюджет. В период 1998 — начало 2000-х он не превышал 7 миллионов евро. Снимаемые в это время картины можно в основном отнести к малобюджетным — от 3,5 до 5 миллионов евро. К настоящему времени цифры значительно выросли. Так, создатели «Астерикса и викингов», одного из самых дорогих европейских фильмов, созданных в рисованной технологии, располагали 30 миллионами евро. А самый дорогой на сегодня европейский фильм, в котором соединены техника 3D анимации и игрового кино, — «Артур и минипуты» (2007) Люка Бессона, чей бюджет составил 65,2 миллиона евро. Но это — исключения. По части бюджетной составляющей европейские картины по-прежнему уступают американским[12].



«Цыпленок Цыпа», режиссер Марк Диндал

Другая особенность европейской полнометражной анимации — ее многообразие, и жанровое, и тематическое, и изобразительное, что связано с выбором и технологий, и техники исполнения. Но самое главное — ее адресная направленность и умение авторов общаться со зрителями разных возрастных категорий. Это при том, что одной из мировых тенденций в анимации стали фильмы для семейного просмотра.

Долгое время создание полнометражных анимационных фильмов для молодежи и взрослой аудитории было довольно рискованным. Но опыт последних лет показал, что можно и нужно расширять рамки, заданные американскими художественными и коммерческими стандартами. В Европе появились ленты, рассчитанные на эту категорию зрителей, — «Восточный парк» (2004) Арона Годера, «Ренессанс» (2006) Кристиана Волькмана, «Принцесса» (2006) Андерса Монгерталлера, «Освободите Джимми» (2006) Кристофера Нильсена, «Продолжение Белоснежки» (2007) Пича и другие. Они представляют новую область кинорынка, отвечающую демократичному характеру европейской анимации, хотя и сопряженную с большой долей коммерческого риска.

Для небольших анимационных студий, а их в Европе немало, заявивших о своих художественных приоритетах, финансирование — серьезная, но не единственная проблема. Есть еще и проблема кадровая. Руководители многих студий часто вынуждены либо приглашать специалистов со стороны, с других студий, либо самостоятельно заниматься их обучением и подготовкой. Обычно с завершением большого проекта или в «межкартинье» профессио-

[12] Ср.: «Мадагаскар» — 61 миллион долларов, «Тачки» — 70 миллионов долларов, «Шрек-2» — 75 миллионов долларов.

налы оказываются не у дел, происходит отток (точнее, перетекание) квалифицированных кадров. Стало быть, главная задача — непрерывное производство, позволяющее удерживать и не терять квалифицированный персонал с его навыками и умением работать в принятой художественной манере, в найденном творческом стиле. Когда этого не удается достичь в рамках одной студии, ни авторы, ни специалисты второго звена из профессии не уходят – в условиях единой Европы они востребованы в проектах других студий.

Европейской полнометражной анимации в целом не присущ локальный или национальный характер. Она многонациональна. Появление студий, выпускающих полнометражные анимационные фильмы, не зависит ни от традиций национальной школы, ни от положения дел в кинопромышленности той или иной страны.

В этом плане интересен пример Дании, ставшей одним из основных центров европейской полнометражной анимации. Этот статус Дания завоевала благодаря копенгагенской студии A Film, которая в течение многих лет успешно сотрудничает с аниматорами из Норвегии, Франции, Германии, Англии и Испании. Многостороннее сотрудничество открывает возможности для совместного производства таких финансовоемких проектов, как «Астерикс и викинги» (2006, режиссеры Стефан Фьельдмарк, Джаспер Мюллер), «Гадкий утенок и я» (2006, Михаэль Хэгнер, Карстен Килирих), «Освободите Джимми» (2006, Кристофер Нильсен)... Но помимо дорогостоящих фильмов на студии A Film с успехом снимают и малобюджетные полнометражные ленты, среди них датско-немецкая «Принцесса» (2006, режиссер Андерс Монгерталлер) или датско-латвийские «Три мушкетера» (2005, Янис Цинерманис, Герт Фредхольм).

Не менее внушительной выглядит испанская анимация, представленная фильмами таких студий, как Filmax и Dygafilm, — «Живой лес» (2001) и «Сон в летнюю ночь» (2005) Анхеля де ла Круса и Маноло Гомеса, «Легенда о рыцаре» (2004) Хосе Посо, «Пиноккио 3000» (2004) Даниеля Робишо, «Приключения мышонка Перса» (2006) Хуана Пабло Бускарини, имевших успешный международный прокат.

Важную роль в производстве европейской полнометражной анимации играют французские студии, на долю которых приходится почти треть всех снимаемых в Европе лент. Анимационная школа Франции всегда занимала особое место в европейском кино. Это связано не только с устоявшимися традициями, с яркими творческими личностями, но и с тем, что анимация активно поддерживается государством и получает достаточное внимание со стороны средств массовой информации и телевидения. Крупные телеканалы Франции принимают непосредственное участие в финансировании и рекламе анимационных проектов — и сериалов, и полнометражных фильмов. Разумеется, телеканал получает первоочередное право показа картин, снятых при его поддержке. Среди достаточно большого количества французских студий особое внимание заслуживает Folimage, взявшая на себя наряду с государством и телевидением часть затрат по созданию фильма «Предсказание лягушек» («Вселенский потоп») Жак-Реми Жирера.

Одна из последних мировых премьер французской анимации — «Ренессанс» (2006) Кристиана Волькмана. На стадии подготовки проекта и съемки пилотного ролика фильм финансировался 2-м телеканалом французского телевидения и французским отделением дистрибьюторской компании Pathé; позже 30 процентов финансирования взяла на себя компания Disney, причем это был ее первый опыт инвестиций в европейскую полнометражную анимацию; также в финансировании проекта участвовали компании Великобритании и Люксембурга.

Сотрудничество французских аниматоров с коллегами из Люксембурга не было случайным, так, «Лис Ренар» (2005) Тьерри Шиля создавался при участии студий Бельгии и Италии. Производство ленты осуществлялось на студии

Oniria. Здесь аниматорам помимо оказываемой поддержки со стороны правительства, заинтересованного в развитии анимационного производства в стране, были предоставлены выгодные финансовые условия, касающиеся в основном налогообложения.

Как в Дании и Испании, создание совместных проектов характерно и для немецкой анимации с ее отлаженной системой и свойственными ей финансовыми моделями и развитой системой кинопроката. Немецкое отделение компаний Warner Bros., Cartoon Film и Thilo Graf Rotkirch выпустило два полнометражных фильма — «Полярный медвежонок» («Приключения полярного медвежонка», 2001) и «Звезда Лауры» (2004) Тилло Роткича и Пита де Риккера.

О создании двух новых нестандартных проектов полнометражных фильмов заявили бельгийские аниматоры. Один из них — «Запусти меня к Луне» Бена Стассена (ожидаемый выход — август 2008 года) — представляет трехмерную компьютерную анимацию, снимаемую для компании IMAX, другой проект — «Паника в деревне» Стефана Обьера и Венсана Патара — запущен в производство весной 2007 года.

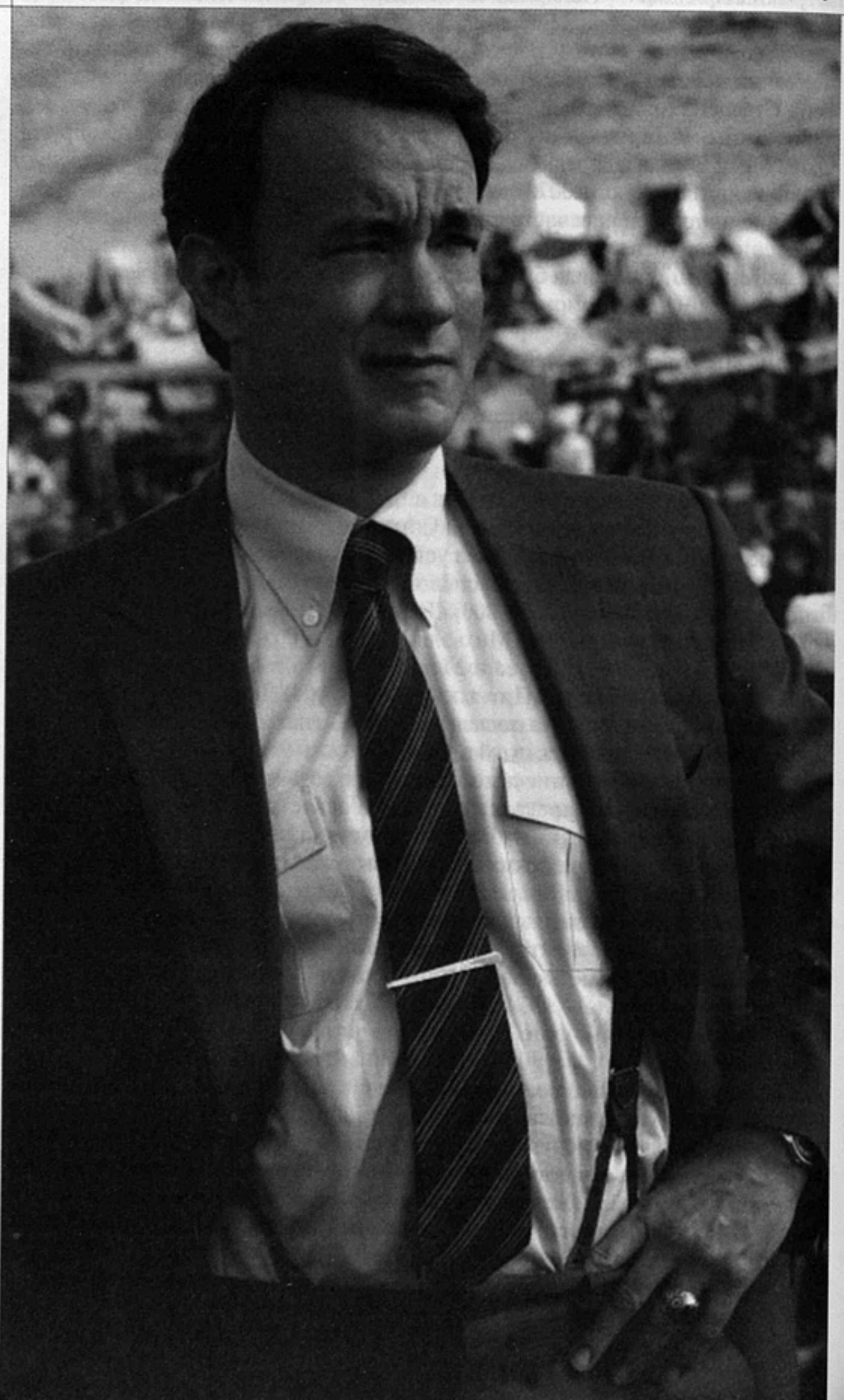
Как видно, большая часть проектов европейской полнометражной анимации — совместные, консолидирующие усилия нескольких европейских стран. Тенденция не была бы достаточно точно обозначенной, если не упомянуть о таком важном моменте, как участие в этом процессе анимационных компаний из Восточной Европы. К числу таких проектов можно отнести фильмы «Другой мир» («Мабиноги», 2002, режиссер Деррик Хайес), созданный при участии Великобритании, Венгрии и России, «Чарли и Мимо» (2004, режиссер Жан-Люк Франкос), снятый совместно с Францией, Литвой и Люксембургом.

Одна из существенных проблем европейской полнометражной анимации, как и прежде, связана с условиями и формами проката. Очень немногие фильмы имеют доступ к мировой аудитории. Лишь отдельные ленты, вышедшие в 2000—2004 годах, имели успешный зарубежный прокат. Помимо «Побега из курятника» к числу успешных на мировом рынке картин можно отнести «Трио из Бельвиля» (2003) Сильвена Шоме, «Помогите! Я — рыба» (2000) Стефана Фьельдмарка, Михаэля Хэгнера и Грэга Мэнверинга, «Живой лес» (2001) Анхеля де ла Круса и Маноло Гомеса, «Предсказание лягушек» (2002) Жак-Реми Жирера, «Пиноккио 3000» (2004) Даниеля Робишо. Ситуация несколько изменилась в последние годы. Однако 90 процентов прибыли, как и ранее, составляет местный прокат.

Современное состояние дел и тенденцию развития полнометражной европейской анимации определяет активное освоение CGI-технологий. Количество фильмов, созданных в этой технологии, неизменно растет. Одним из пионеров среди европейских студий, осваивающих CGI-анимацию, стала испанская студия Dygrafilm. В 2001 году она представила на суд зрителям ленту «Живой лес» — первый европейский полнометражный фильм CGI-анимации. С этого момента европейские аниматоры все чаще планируют проекты, ориентированные на CGI-анимацию. Помимо Испании производство фильмов на основе CGI-анимации активно осваивают Дания, Франция и Германия («Пиноккио 3000», «Сон в летнюю ночь», «Прыгай!», «Назад в Гаю» и другие).

Ведущие европейские компании все чаще обращаются к CGI-анимации, но при этом продолжают выпускать ленты с использованием рисованных технологий, создавая новую эстетику мультфильмов. Конечно же, успех будущих лент зависит не от выбранной технологии, а от продуманной, увлекательной истории, разработанных характеров персонажей и нового, самобытного художественного решения. Именно эти качества всегда отличали европейскую анимацию.

ОПЫТ



Том Хэнкс в фильме «Война Чарли Уилсона», режиссер Майк Николс

ТОМ ХЭНКС:

«Не надо во всем винить Чарлза Уилсона!»

БЕСЕДУ ВЕДЕТ ЖЮЛЬЕТТ МИШО

Жюльетт Мишо взяла интервью у знаменитого актера и продюсера в связи с выходом на экраны фильма Майка Николса «Война Чарли Уилсона». Эта картина, собравшая в мировом прокате 92,5 миллиона долларов, вызвала разноречивые отклики благодаря сюжету, напомнившему о временах «холодной войны»: в период советской оккупации Афганистана конгрессмен из Техаса Чарли Уилсон с помощью активистки-любовницы и сотрудника ЦРУ добивается увеличения ассигнований на военную помощь моджахедам, что привело не только к поражению СССР в этой войне, но и к его скорому распаду. Французская журналистка попыталась выяснить, что думает об этом и о своем персонаже исполнитель роли Уилсона Том Хэнкс, выступивший также продюсером фильма.

«ИК»

Жюльетт Мишо. Правда ли, что вы как продюсер были инициатором постановки картины «Война Чарли Уилсона»?

Том Хэнкс. Прежде всего я прочитал бестселлер покойного журналиста Джорджа Крайла, повествующий о судьбе Чарли Уилсона, о котором я прежде и понятия не имел. Во времена, когда русские бомбили Афганистан, я восхищался тем, как отряды моджахедов сумели разгромить советскую армию. Тогда я не подозревал, что Вашингтон снабжал их оружием. Не знал я и о том, что за кулисами этой войны стояла одна симпатичная подруга Чарли Уилсона.

Жюльетт Мишо. Чем привлекла вас эта история?

Том Хэнкс. Чарли Уилсон произвел на меня такое же впечатление, как в свое время Форрест Гамп. Кроме того, это был реальный человек. Его история напоминает сюрреалистический политический фарс. Книга превосходно написана и послужила прекрасной литературной основой для Аарона Соркина, политического журналиста, который был автором сценариев фильма «Достойные люди» и сериала «Белый дом». Мы попросили его написать коммерчески перспективную, то есть достаточно удобоваримую, экранизацию книги. Нам хотелось избежать проповеди и стремления преподнести народам исторический урок.

Жюльетт Мишо. Вы сразу выбрали в качестве режиссера Майка Николса?

Том Хэнкс. Да. Я давно мечтал поработать вместе. Майк Николс — мастер сатиры и к тому же умеет придать логичность самым невероятным событиям. Он не раз это доказал, достаточно вспомнить «Уловку-22» или «Близость».

Успеху нашего фильма способствует отстраненный взгляд Майка на мотивы поступков каждого персонажа — касается ли это моего героя, героини Джулии Робертс или агента ЦРУ, которого блистательно играет Филип Сеймур Хоффман. Майк Николс виртуозно обогащает сюжет мелкими деталями, придающими его фильмам энергетику и соленый юмор, делает их такими сочными и яркими.

Жюльетт Мишо. Легко ли вам было добиться согласия на участие в фильме Джулии Робертс?

«Война Чарли Уилсона», режиссер Майк Николс

Том Хэнкс. Эту миссию Майк взял на себя. Они уже нашли общий язык, когда снимали «Близость». Я знал, что если он возьмется за наш фильм, то и она согласится.

Жюльетт Мишо. Странно, что вам впервые довелось встретиться с ней на площадке...

Том Хэнкс. Действительно. Но мы знакомы много лет. Она озвучивала главную роль в мультфильме «Гроза муравьев», где я был продюсером. Но играть вместе нам до сих пор не приходилось.

Жюльетт Мишо. Как она чувствовала себя на съемках после долгого перерыва?

Том Хэнкс. Джулии хорошо известно, какой репутацией она пользуется в деловых кругах. Сегодня ей важно проявить себя зрелой актрисой. У нее муж, которого она любит, трое маленьких детей. Правда, в период съемок у нее были только близнецы. Она забеременела именно тогда, так же, как это случилось во время съемок «Близости»! (*Смеется.*) Ей нет необходимости поддерживать статус, он не оспаривается. Джулия соглашается на проект, если только он того стоит. В личности Джоанны Херринг ее что-то заворожило. Она увидела в ней смешную, загадочную женщину, исполненную старомодным желанием улучшить мир.

Жюльетт Мишо. Роль Чарли Уилсона идет вразрез с вашими имиджем героя и порядочного человека. В этом фильме даже есть сцена, где вас видят обнаженным в окружении стриптизерш.

Том Хэнкс. Эта сцена была необходима. Но вообще-то не стоит преувеличивать мое якобы славное реноме, мне приходилось играть разных персонажей. Другое дело, что, когда я играл убийцу в «Проклятом пути», говорили: «Да, он киллер, но симпатичный». А теперь наверняка скажут: «Да, этот тип трахает девушек, он напивается каждый вечер, нюхает кокаин, но все же это никак не отражается на его карьере, и он чертовски обаятелен!»

Жюльетт Мишо. Реальный Чарли Уилсон как-то участвовал в съемках?
Том Хэнкс. Да. Джулия Робертс предпочла познакомиться с реальной Джоанной Херринг как можно позднее, чтобы не поддаться ее влиянию. А я заранее встретился с Чарли Уилсоном, ныне отошедшим от дел. Он наверняка предпочел бы, чтобы его играл красавчик типа Кевина Костнера. (*Смеется.*) Но говорил, что ему наплевать, каким его покажут, ибо сам сюжет его устраивал полностью. Для него главным было то, чтобы правдиво были отражены мотивы его поведения. Чарли сокрушался, что Америка проиграла войну во

«Война Чарли Уилсона»

Вьетнаме и Корее против Советского Союза. Мой герой желал нашей победы в Афганистане, он стал на сторону граждан этой страны, к которым испытывал искреннее сочувствие. Причем, действуя как большой ребенок, он не лицемерил. В отличие от многих политиков.
Жюльетт Мишо. И этот человек вызывает ваше восхищение?
Том Хэнкс. Видите ли, он сумел сделать невероятное. Не без помощи Чарли Уилсона через девять месяцев после поражения Советского Союза в Афганистане пала Берлинская стена.
Жюльетт Мишо. А вас не смущает, что это открыло дорогу радикальному исламизму и терроризму?
Том Хэнкс. Западный мир со времен Александра Македонского и до Лоуренса Аравийского никогда не понимал Восток. Но если уж кого-то судить за 11 сентября, то начнем с учебного летного центра в Майами, где эти негодяи научились, как взорвать башни-близнецы Международного торгового центра. Потом проклянем ту молекулу спермы, которая дала жизнь Усаме бен Ладену. Наконец, осудим также манипуляции Белого дома и американских СМИ, которые скрывали правду от телезрителей, предпочитая держать их в коконе неведения. Так что не надо во всем винить Чарлза Уилсона!

Studio, 2008, janvier, № 242

Перевод с французского А. Брагинского

П У Б Л И К А Ц И И

«Огни»,
режиссер
Соломон Шустер

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Соломон

Почему-то никак не могу вспомнить, где и при каких обстоятельствах мы познакомились. Что странно. Знакомства обыкновенно запоминаются, а вот обстоятельств знакомства с Соломоном почему-то вспомнить так и не могу. Такое впечатление, что в моей жизни он существовал всегда. Со дня его ухода прошло уже достаточно времени, но так же, как не помню момента нашего знакомства, не могу заставить себя считать его ушедшим. Совсем как у Булата Окуджавы в песне про Лёньку Королёва: «Я Москвы не представляю без такого, как он, Короля». Вот так и я не представляю себе ни Ленинграда, ни Петербурга, ни Москвы без такого, как он, Соломона.

Соломон Абрамович Шустер, без сомнения, был одной из самых колоритных и запоминающихся фигур в русском, советском и постсоветском художественном мире ушедшего XX века и в особой степени в культурном мире Ленинграда, теперь Петербурга. Мир этот, столь блистательно и неповторимо сложившийся уже в начале XX века, сформировался как особый культурный и эстетический феномен именно «Мира искусства». Предполагали, что для мира воистину грядет русский Серебряный век, осененный великолепным русским авангардом. Позже, уже во второй половине столетия, все это вновь пытались наследовать как особую петербургскую традицию, стиль жизни, стиль формирования личности. Это, как мне кажется, в главном и образовало неповторимую физиономию Соломона.

Вероятнее всего, познакомились мы все-таки потому, что оба были режиссерами и в профессию пришли примерно в одно время, во всяком случае, в одну кинематографическую эпоху. Я сильно младше Соломона по возрасту, но в режиссуре оказался раньше и, честно говоря, по отношению к нему всегда ощущал себя в профессии старшим. Соломон к этому легко и безобидно привык, тем более что остальные его погодки и питерские товарищи — Илюша Авербах, Глеб Панфилов, Игорь Масленников, Леша Герман — тоже по какой-то причине в режиссуре ощущали себя сильно старше Соломона. Он в нашем ремесле всегда был цветком экзотическим, странным. Как ни кощунственно это звучит, но все-таки, если честно, Соломон всегда больше хотел быть режиссером, чем был им. На это утверждение Соломон, конечно же, обиделся бы, хотя бы только потому, что ему действительно очень нравилось это занятие — режиссура. Сколько я его знал — Соломону страшно, вожделенно, может быть, более всего в жизни хотелось быть именно кинорежиссером. Его бесконечно увлекали даже все внешние приметы профессии, к которым лично я всегда относился с тягостной ненавистью. Мне и сейчас противно вспоминать о том, что частью нашей профессии является, к примеру, необходимость время от времени орать в мегафон какие-то дурацкие призывы, кошмарные словосочетания, команды: «Левая сторона идет направо, правая сто-

рона идет налево, и все вместе двигаются вперед!..» Согласитесь, бóльшую дурость представить трудно. А Соломону все это доставляло огромное удовольствие. Каждый раз, когда приходится снова и снова кричать: «Внимание! Приготовились! Мотор!» — почти всегда испытываю неловкость за эту пошлятину. Если можно кому-то перепоручить все эти высокомерные командные нелепости, за эту возможность стараешься ухватиться. А ему — вот ведь! — умнице и эстету, крики эти были отчего-то маслом по сердцу!..

Но, конечно же, не в этом дело. И серьезное, невидимое, неэффектное внутреннее существо нашей профессии тоже Соломона пленяло. Ему так нравилось строить в воображении образную систему будущего фильма, анализировать взаимоотношения неких придуманных им людей, которых часто, увы, по какой-то странной нелепости собственной судьбы он, повторю, в жизни и умница, и тонкий психолог, в кино иногда не очень-то понимал.

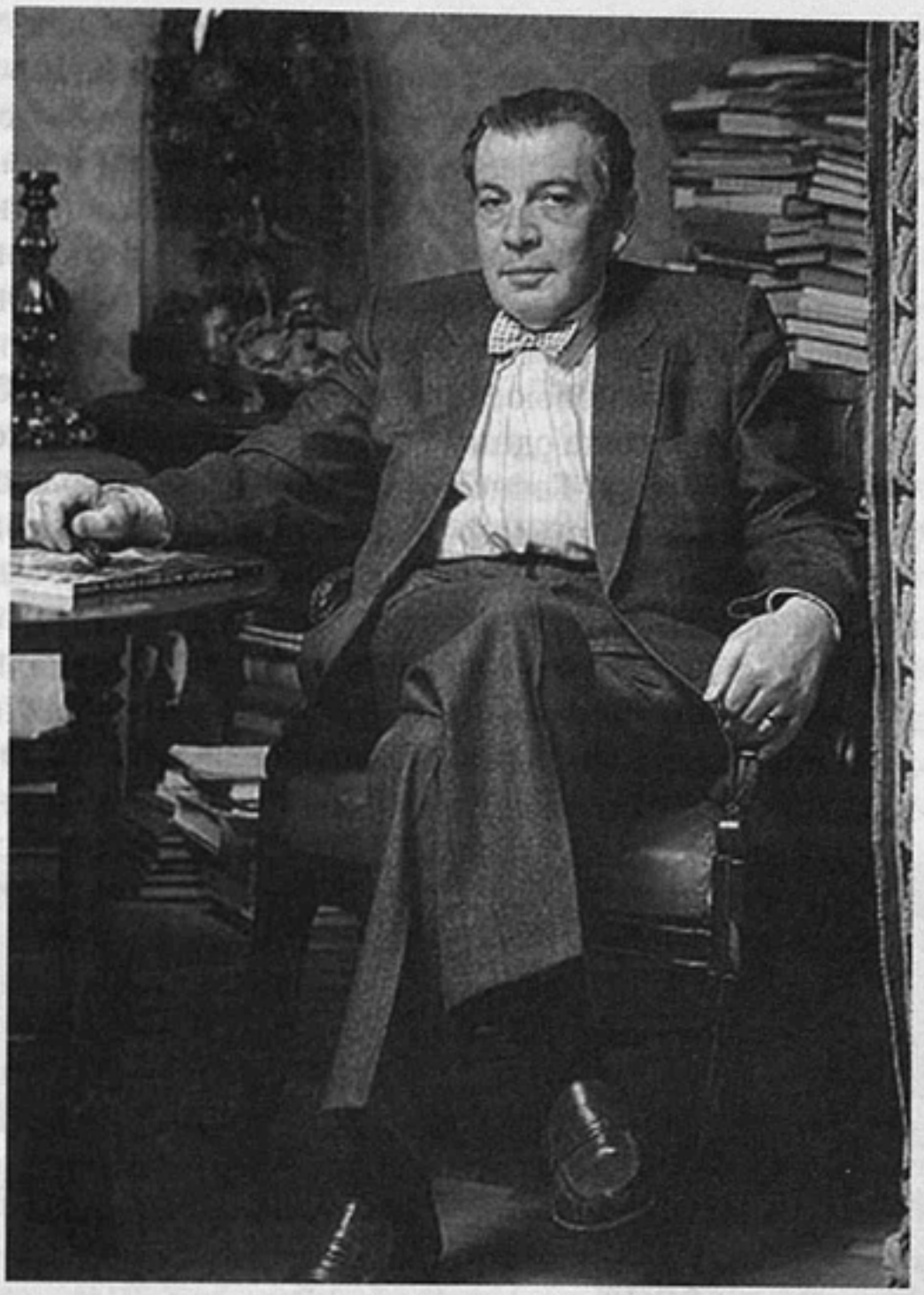
Потому в режиссерской биографии Соломона, по гамбургскому счету, взлетов особых, в общем-то, не было. Ничего ошеломляющего он так и не снял, но, заметьте, не снял и ничего скверного, чего можно было бы стыдиться. Всю свою взрослую жизнь Соломон снимал свои скромные, достойные, спокойные, всегда очень «шустеровские» картины. Так же, «между прочим», не шумно и внешне не эффектно он однажды, к примеру, профессионально сделал дело, которое никогда, конечно же, не забудется.

Когда умерла Анна Андреевна Ахматова, Соломон вместе с Семеном Арановичем (тоже, увы, уже покойным) каким-то образом ухитрились украсть на Ленинградской студии кинохроники камеру и пленку и подробнейшим образом, поверх всех самых строжайших запретов снять ее похороны. Разумеется, материал этот совершенно бесценный! По воле случая и я был на этих похоронах. Никогда не забуду их удивительную атмосферу. Анна Андреевна скончалась в Москве, из Москвы в Питер «грузобагажом» привезли ее гроб. В Никольском соборе от гроба с железным скрежетом долго отдирали цинк. В храме чужаками толпилось огромное количество иностранных корреспондентов. Беспрерывно вспыхивали блицы фотоаппаратов, все начинало походить на сцены из феллиниевской «Сладкой жизни». Иосиф Бродский, тогда еще рыжий, взнервленный, молча подошел к какому-то «папарацци», так же молча, но крепко вырвал у него из рук камеру и с грохотом ударил ее об пол. К моему изумлению, камера разлетелась на мельчайшие куски. И лицо Льва Николаевича Гумилева, стоящего у гроба матери, тоже никогда забыть не смогу... Все происходило необыкновенно просто, достойно и, надо сказать, величественно.

Потом Шустер с Арановичем долго и непросто сберегали и прятали этот материал. Соломон уже учился у Григория Михайловича Козинцева в той самой знаменитой питерской мастерской Высших режиссерских курсов. Увы, позже, что-то в середине 80-х, началась огорчительнейшая тяжба. Сеня Аранович вдруг где-то публично заявил, что материал этот лично его и никакой Шустер к нему никакого отношения не имеет. Соломон, конечно же, почти по-детски, смертельно разобиделся и в ответ тут же публично заявил, что это Аранович сошел с ума и что съемка ахматовских похорон это именно его, Шустера, инициатива и, соответственно, его материал. Дело нешуточно грозило судом, личные их отношения — чуть ли не дуэлью. Я понимал, как для Соломона все это было важно: в сущности, это и был главный режиссерский поступок его жизни. По его просьбе я сочинял от Союза кинематографистов какие-то смешные письма, увещевал решить дело миром. Но они с Арановичем поссорились и так до конца жизни и не разговаривали. Печально, печально, ах, как все печально! Вот давно уже нет ни Семена, ни Соломона, нет Гумилева, Бродского, нет Анны Андреевны... Но остался тот Семенов и Соломонов бессмертный ахматовский материал.

Кто хоть раз в жизни видел Соломона Абрамовича Шустера, уже никогда не смог бы забыть его неповторимый облик. Неизменная бабочка, костюмы от Кардена, пальто с меховой изнанкой, трость... Все, кого я с ним когда-

нибудь познакомил (а знакомил я с ним, не без удовольствия, многих — Курёхина, Гребенщикова, Сережу Африку, Тимура Новикова и иных очень и очень разных людей), навсегда были сражены уникальным впечатлением, производимым его воистину великолепной художественной фигурой. Когда мы, допустим, с Курёхиным или с Гребенщиковым заводили речь о какой-нибудь публичной «поп-механической» кампании, они сразу, не сговариваясь, восклицали: «И обязательно позовем Соломона! Соломон нас украсит! Без Соломона эффекта не получится!»



Соломон Шустер

Они, люди с художественной хваткой, хорошо понимающие своего зрителя и слушателя, сразу превосходно чувствовали уникальную отдельность, как бы «вырезанность» из камня или из дерева этой скульптурнейшей фигуры. Хотя был Соломон довольно невысокого роста. Некоторые «добряки» даже утверждали, что наличествовал у него как бы и небольшой горб. Я лично никогда этого горба не видел, не замечал, поскольку, как говорил уже, Соломон всегда был одет в безукоризненные костюмы, безукоризненные сорочки, безукоризненные ботинки, начищенные до безукоризненного блеска. Он никогда не носил бабочки, застегивающиеся на защепке под воротом. Искуснейшим образом он непременно завязывал их сам.

Слава Говорухин, по гордости редко кого о чем в жизни просивший, мне однажды сказал: «Познакомь меня, пожалуйста, с Соломоном». «Зачем тебе, Слава?» — удивился я широте говорухинских интересов. «Хочу у него научиться завязывать бабочку...»

И мы со Славой славно поехали в Ленинград, взяли купе на двоих, долго за полночь выпивали, весело говорили о том, о сем, получалось — о жизни, но цель-то у нас была единственная — научить Говорухина завязывать бабочку. Я присутствовал на одном из этих уроков — зрелище впечатляло: Слава стоял с мучительно закатанными в потолок глазами, откинув голову и высоко задрав вверх подбородок, сомнамбулически пытаясь повторить почти сакральные движения, с артистической легкостью совершаемые перед ним добрейшим Соломоном. Я видел, что Слава время от времени был близок к самоудушению. Соломон же с неизменной вежливостью, доброжелательностью, чрезвычайным благорасположением подбадривал: «Поначалу и у меня не все получалось. Не следует волноваться. Не бойтесь. Вы, несомненно, способны. У вас непременно получится».

Когда мы уезжали из Ленинграда, Слава в раздражении сказал, что «ни хрена никогда не получится». В отчаянии, ненадолго перейдя даже на мягкий рей-

тинговый мат, что бывает с ним крайне редко, Слава утверждал, что ни за что не сможет обучиться так вразнобой и одномоментно крутить головой и руками. Тем не менее, спустя какое-то время встретив меня, он уже с облегчением сказал: «Знаешь, я все-таки, спасибо Соломону, научился!..»

Но все-таки вряд ли, несмотря на несомненную талантливость, Слава это делает так, как некогда Соломон, — с балетной изящностью, легкостью, без зеркала, с закрытыми глазами. В том, что он умел делать по-настоящему, в том, в чем разбирался по-настоящему, Соломон был человеком, конечно же, невероятным, не побоюсь сказать, великим. Не ошибусь и не преувеличу, если назову Соломона одним из самых выдающихся коллекционеров-собирателей нашего века. Точнее, собирательство это было уже следствием: прежде всего, он был одним из самых великолепных, знающих, тонких, образованных, наделенных невероятной интуицией искусствоведов, историков культуры, прежде всего культуры российской. Образован в этой области Соломон Абрамович был феноменально, познания в материальной культуре имел обширнейшие, но в сравнении с тем, как он знал, как понимал, как чувствовал живопись, все прочее блекло. Живопись распознавал он гениально. За какие-нибудь четверть века Соломон собрал одну из самых внушительных в мире коллекцию русского авангарда. Все, что я говорю сейчас о нем как о собирателе, в равной мере относится и к его жене Жене, тоже, увы, уже ушедшей, удивительной женщине, казачке, очень верной Соломоновой подруге.

Когда-то Соломон рассказал мне про то, как стал коллекционером.

Отец Соломона был, если не ошибаюсь, знаменитый питерский врач-гинеколог (это, как я понимаю, было у него вроде Соломоновой режиссуры), главным же его делом было собирание живописи, по преимуществу западноевропейской. Однажды мне довелось видеть у Эрмитажа немалую очередь. Очередь у Эрмитажа — явление по тем временам нередкое, но тут зима, вьюга. Какая же, думаю, невероятная тяга к искусству в такие собачьи холода! Интересно, чего вывесили? Читаю плакатик: «Выставка. Дар семьи Шустеров Ленинградскому государственному Эрмитажу». Это была посмертная выставка отца Соломона, который девять десятых своей коллекции завещал великому музею.

Так вот, как рассказывал мне Соломон, отец все время пытался пристроить его к собирательскому делу, но поначалу из этого ничего всерьез не получалось. Первые ростки хрущевской демократии кинули мальчика прямым ходом к питерским стилягам. Ни малейшего интереса, кроме здорового, денежного, Соломон к коллекции папы долгое время не испытывал. Отчаявшись образумить уже вполне великовозрастное дитя, перевалившее к тому времени за двадцать, отец в порядке, быть может, даже последней воспитательной меры послал сына в Москву к Павлу Кузнецову — купить для коллекции пять-шесть кузнецовских полотен. В те первые послесталинские годы гениальный, всеми забытый Павел Кузнецов жил в полном прозябании. Но писать продолжал и писал по-прежнему замечательно.

Плейбоем приехав в Москву и проведя в ее злачных местах главную часть семейной командировки, Соломон тем не менее под конец собрался выполнить поручение отца. Пришел к Кузнецову, сказал, что отец просил купить несколько его работ. Работы тогда Кузнецов отдавал буквально за копейки, жить было не на что. Зная Абрама Шустера как достойного собирателя, он с готовностью согласился продать свои работы, предложил выбрать пять-шесть из тех, что стояли в углу мастерской. Соломон послушно пошел в угол, перебрал десятка полтора полотен. «Знаете, — наконец, ненахально сказал художнику Соломон, — я у отца видел несколько книжечек о вас. По ним у меня было несколько иное о вас представление, другое чувство...» Кузнецов внимательно посмотрел на юного стилягу: «Хорошо, возьмите лестницу и полезайте на антресоли. Вы, действительно, видели не лучшие мои вещи...»

Соломон послушно взобрался на антресоли, провел там некоторое время, отобрал пяток работ, спустился с ними вниз. Кузнецов одобрил: «Знаете, и на мой вкус, вы выбрали пять лучших...»

Когда Соломон отвез добычу в Ленинград, отец, может быть, впервые всерьез похвалил: «Собирай дальше! Эти вещи сейчас никто не ценит, практически никто их не понимает, но, уверяю тебя, если ты всерьез этим займешься, со временем у тебя образуется одно из самых интересных и для России, и для мира собраний».

Так Соломон начал собирать. Мало того, он поступил в Академию художеств на искусствоведческий факультет, там познакомился с Женей. В первую очередь их обоих интересовал русский живописный авангард, и в конце концов личная коллекция семьи по качеству стала вровень с уникальной коллекцией Русского музея.

Поражала интуиция Соломона. Если, допустим, он впервые приходил в совершенно незнакомый дом, а там, в дальней комнате, под кроватью лежал уже лет десять — маслом к полу — достойный холст, то Соломон просто не мог на него не набрести, не нагнуться, не отыскать, не рассмотреть, не изучить, не понять. Это был даже не рентген, это было уже почти мистическое чутье на настоящее. И это составляло главную часть его жизни, тоже по-своему живописной. Он никак ее не афишировал, не любил про нее рассказывать, да и что рассказывать о повседневном быте! Но быт этот был воистину уникален.

«День приема по личным вопросам», режиссер Соломон Шустер

Соломон приезжал в Москву, звонил: «Сегодня занят делами. Давай повидаемся завтра. Приходи ко мне в «Будапешт».

После этого он куда-то шел и возвращался в гостиницу с десятком-другим шедевров в какой-нибудь пыльной заплеванной папке. «Откуда?» — изумлялся я назавтра. «Знаешь, валялись под кроватью в строительном вагончике, в Монине. А на папке рабочие чай пили...» В этой самой папке, скажем, лежала ранняя акварель Кандинского. Или сомовский рисунок. И ты благодарил Бога, что следы от чаепитий и разделывания кильки были все-таки на папке, а не на лицевой стороне лежавшего в ней листа. «Но как ты мог знать, что найдешь там это?» «Стечение обстоятельств, — туманно объяснял Соломон. — Умерла тетка такого-то, она была дружна с таким-то. А тот, в свою очередь, был сводным братом этого. А этот, может быть, даже я тебя с ним знакомил, — внучатый племянник мужа сестры Кандинского. Ну, я и подумал, почему не посмотреть?»

Таков был Соломонов быт. В каждый свой приезд в Москву он увозил с собой в Питер несколько великих произведений искусства. К тому же, ясное дело, каждый лист — это еще и очень серьезные деньги. В связи с чем Соломон вел очень независимый, комфортный, можно даже сказать, богатый образ жизни посередине социалистического нищенства. И этот образ жизни Соломон тоже обожал. В этом образе, как и в образе режиссерском, Соломону существовать было очень приятно. Приезжая, он всегда останавливался в том или другом роскошном люксе гостиницы «Будапешт». В московском «Будапеште» его все знали, уважали и даже, наверное, по-своему любили: Соломон давал немыслимые чаевые.

Я регулярно ходил в «Будапешт» к Соломону. Соломон встречал меня в роскошном персидском халате, неизменной бабочке, тут же звонил по телефону, приходила официантка в крахмальной наколке. «Валечка, — говорил ей Соломон, — принесите нам водки. Только сначала попробуйте сами. Если вы не отравитесь, будем пить мы». Немедленно крахмальной белоснежной скатертью накрывался стол: икра, разносолы, балык, свежий белый хлеб с золотистой хрустящей корочкой. Ледяная водка, действительно, уже опробованная официанткой Валей. Потом, как бы между прочим, из соседней комнаты Соломон выносил свое первое новое приобретение. Считалось, что я вроде бы неплохо знал живопись, но рядом с ним всегда чувствовал себя полным, законченным живописным обалдуем. Вещи, которые показывал мне Соломон, в большинстве своем были продранные, а то и вовсе рваные, грязные. Почти ни одной из них не помню хоть в какой-нибудь раме. Но через копоть и грязь, приглядевшись, ты вдруг начинал различать нечто.

«Угадывай», — предлагал Соломон. «Лентулов?» — «Близко. Но не он». Я думал. Называл еще какое-то имя. «Нет, на этот раз, я думаю, ты все-таки не догадаешься. Это дофутуристический Бурлюк...»

И каждая такая загаженная картинка могла быть центром экспозиции любого престижнейшего музея мира. Так собиралась его коллекция.

И все же при всем при этом Соломон настолько преданно любил режиссерскую профессию и настолько «хотел быть режиссером», что для людей, которых приглашал к себе в картину, устанавливал — не забудем, это было время полного «нивелирования материальных стимулов» — собственные Соломоновы гонорары. Знаю, что одной очень большой актрисе он в знак признательности — в качестве вознаграждения за участие в своем фильме — преподнес раннего Шагала.

Я уже упоминал, как в Доме ветеранов в Матвеевском неожиданно собралась очень дружная компания, состоявшая из тогда еще довольно молодых кинематографистов: Наташа Рязанцева, Тодоровский, его художник Валя Коновалов, Лариса Шепитько, Илья Авербах, Резо Габриадзе, Соломон... Все приехали туда на недельку с целью отрешенно поработать, а задержались на два-три месяца, так что администрация уже отчаялась нас оттуда выставить. Там, в Матвеевском, мы так много и содержательно общались, что

неожиданно для себя вдруг стали относиться друг к другу столь нежно и сердечно, что это даже стало напоминать в чем-то полузабытое вгиковское братство.

Каждый вечер мы у кого-нибудь собирались. Чаще всего почему-то у Наташи Рязанцевой, иногда — у меня. Поздно ночью приходил Шустер, ставил трость в угол, бросал на диван что-то завернутое в легкую бумагу. Мы, к тому времени уже довольно выпив, на явление Шустера особого внимания не обращали, хохотали по каким-то своим поводам, после чего, без всякого злого умысла, кто-то валился на диван, приминая шустеровский пакет.

— Алё, друзья, аккуратнее! Вы что? Зачем же жопой на офорт Рембрандта?

С любопытством открывали пакет. В нем, и правда, был листочек, исчирканный тем самым Рембрандтом...

У меня за время приятельства с Соломоном было множество забавнейших и по-своему поучительных случаев. Однажды, помню, я собрался подарить на день рождения что-нибудь хорошее, вечное, антикварное, так сказать, на долгую память. Тут Соломон как раз был в Москве и мне подвернулся. Лишних денег, как-то так складывалось, никогда у меня не было, но для этого случая я набрал, скопил, затырил целых четыреста рублей — по тем временам для меня просто адскую сумму (моя режиссерская зарплата была сто восемьдесят).

— Соломон, — попросил я его, — пойдем со мной по комиссионкам. Помоги мне купить подарок. У меня есть четыреста рублей...

— Да ты что? За четыреста рублей можно купить фантастическую вещь...

Мы споро двинулись в знаменитый тогда комиссионный на Октябрьской площади. В антикварных магазинах продавцы и товароведы не просто хорошо знали и уважали Соломона, они перед ним трепетали! Они понимали, что в облике Соломона к ним пришел даже не ОБХСС — пришел Страшный над ними Суд! Он с лету видел все — в частности, презабавнейшую и небескорыстную пестроту цен, которые они назначали. Комиссионщики в ужасе преданно пучили на него глаза, бессловесно умоляя молчать, никому не говорить о том, что он видит.

«Всегда со мною...», режиссер Соломон Шустер

«А можно посмотреть, что у вас в подсобке?» — иногда с провокационной небрежностью спрашивал он. «Соломон Абрамович, клянемся, клянемся, клянемся! Там для вас нет ничего интересного!» Тем не менее в подсобку Соломон шел, смотрел и, как правило, «интересное» находил.

На этот раз для начала мы заглянули в отдел фарфора, где стояли роскошные антикварные вазы с пятизначными и шестизначными ценниками. Зажав в потном кулаке свои честно заработанные четыре сотни, я показал Соломону на какую-то вазочку.

— Ты что, не видишь, что это — говно?

— Это ампир! — обижался я.

— Это говно! — настаивал Соломон.

Он пробегал глазами по полкам.

— Фуфло, ерунда!

— Но у меня четыреста рублей!

— Порви их. Или сверни в трубочку и засунь себе в задницу. Ты же не слепой, видишь — здесь нет ничего. Шаром покати! Пойдем поглядим советский отдел.

— Ты что, издеваешься? Я же тебе всерьез говорю: раз в кои веки мне нужен хороший подарок.

В советских отделах, я это знал, всегда стояли хрустальные вазы, даримые друг другу совслужащими на юбилеи и тут же относимые в комиссионку. Тем не менее я поплелся за Соломоном. Он бросил взгляд на «хрустальные полки» и ткнул перед собой тростью.

— Сколько стоит вот та чашка?

— Пять рублей, Соломон Абрамович!

— Быстро иди в кассу и заплати!

— Соломон! Едрена-матрена! Ты русский язык понимаешь: в кои веки раз я попросил тебя помочь мне купить хороший подарок!

— Я тебе говорю: иди в кассу и плати пять рублей. Только быстро и тихо!

Вздохнув, я послушно отслюнявил кассирше пятеху, понимая, что надо мной тоже зачем-то учиняется некое непонятное издевательство. Когда мы вышли с покупкой из магазина, Соломон завел меня в подворотню и велел немедленно развернуть пакет.

— Смотри сюда, — сказал он, вертя в пальцах только что купленную чашку. — Ей нет цены. Этой чашкой, можно сказать, завершились золотые страницы истории русского фарфора. Это «Роза и черт» Чехонина...

На обыкновенной чашке, очень простой и благородной формы, действительно, черным по белому были изображены роза и черт. Чехонин сделал эту чашку за несколько дней до своего ареста. Чашка и сюжет росписи описаны в сотне искусствоведческих трудов. За пять рублей я ее купил.

Приезжая в Ленинград, я очень любил ходить с Соломоном по бесконечным ленинградским комиссионным. Когда Митя, мой сын, подрос, он тоже нередко по случаю оказывался в нашей компании. Не раз повторялись истории, подобные этой, с чехонинской чашкой. Меня восхищала Соломонова манера разговаривать с антикварами, которые все были его друзья и знакомые: с одной стороны, он общался с ними корректно и уважительно, с другой — исключительно цинично. Но это был особенный, романтического свойства цинизм.

— Ну-ка, дайте мне поглядеть эту дрянь!

— Соломон Абрамович, это не дрянь. Это вполне породистая вещь, из очень хорошей семьи.

— И сколько вы хотите за эту породу?

— Соломон Абрамович, мы ничего не хотим! Она по каталогам стоит восемнадцать тысяч рублей.

— Ну давайте, рублей за триста я у вас ее куплю.

— Соломон Абрамович, вы шутите?

— Ну хорошо, возьмите пятьсот. Она больше не стоит.

— Соломон Абрамович, это невозможно.

— Ну хорошо. Пусть она стоит даже тысячу. Ну, а насчет восемнадцати-то это вы, конечно, сами придумали?..

И, нужно сказать, ему отдавали за тысячу. Половину того, что находится в виде скромной коллекции у меня в квартире, выторговал, посоветовал, указал пальцем мне Соломон.

Как-то зимой мы втроем бродили по Питеру: я, Соломон и Митя. Было промозгло, холодно, слякотно. Я уже купил себе какой-то старый железнодорожный фонарь, уже тогда думал, может, когда-нибудь пригодится для «Анны Карениной». По Садовой дошли до Невского, до Пассажа. Соломон предложил: «Зайдем в советский отдел!»

Я устал, Митя тоже устал, идти не хотелось. Соломон пошел в одиночку, мы ждали его на улице. Минут сорок Соломона не было. Ну что ему там в хрустальном советском отделе Пассажа делать?

Наконец Соломон вышел. Всегда великолепно умевший никак не показывать, что сделал удачное приобретение, на этот раз он сиял, держа в руке какой-то тухлый газетный кулечек.

— Что в кулечке? — с нехорошим завистливым предчувствием полюбопытствовал я.

— Сколько раз я тебе говорил — нельзя лениться, нужно ходить и ходить...

Соломон надорвал кулек. Под газетой празднично светилась фарфоровая скульптурная миниатюра — подписной оригинал сомовского «Маскарада», купленный только что буквально за копейки. Пассажные комиссионщики приняли сомовский фарфор за совдеповскую чернильницу.

Эти обаятельнейшие Соломоновы заморочки так затягивали, что иногда все просто запутывалось в мозгах. Однажды, тоже в Питере, я встретил на Невском замечательнейшую актрису и необыкновенно красивую женщину Иру Метлицкую. Она снималась в Ленинграде в какой-то картине. Меня привез банк «Эскада» на открытие своего петербургского отделения, дорога и пребывание были обставлены, как говорил О.Бендер, «с пошлой роскошью».

— Я закончила сниматься, улетаю в Москву...

— Зачем тебе лететь? Я сегодня вечером уезжаю поездом. У нас целый эсвэшный вагон, мы едем в нем вшестером — я, сын, банкир с женой, близкие товарищи банкира, ну, еще их охрана. Поехали вместе... Ты где остановилась? В «Октябрьской»? Жди меня в холле в двадцать минут двенадцатого, я за тобой заезжаю, и мы едем на вокзал...

— Ты это серьезно? Только учти, у меня денег нет — ни зарплаты, ни суточных нам тут не платят. Я сдаю билет и, если ты за мной не заедешь...

— Ты с ума сошла! Ну как я могу за тобой не заехать?

Разговор был в два часа дня — в пять у меня в номере «Европейской» раздался звонок.

— Слушай, — сказал в трубку Соломон, — в «комке» на улице Марата стоит белый стул. Восемьдесят долларов. Он в страшном виде. Но на самом деле это настоящий русский дворцовый стул, думаю, московский, сделанный еще до пожара 1812 года. Только успей до закрытия. До Москвы есть на чем его довезти?

— Ну, конечно, есть! У меня целый вагон пустой.

— Тогда немедленно поезжай. Стул тебе оставят.

Время было позднее, мы с Митей прыгнули в такси, забрали стул. У входа в «Европейскую» нас встретил швейцар, весь обшитый золотыми позументами.

— Почему несете в гостиницу мебель?

— Нельзя?

— Зачем же нельзя? Внести можно. Но вынести, вы уже не сможете. На вынос нужен специальный пропуск. Пропуск оформляет администратор. Но он уже ушел. Вы скажете мне: «Вы же видели, что мы внесли этот стул».

Да, видел. Но когда вы понесете его назад, меня уже не будет. Я сменюсь, придет другой. Он вас не выпустит. Потребует пропуск...

Речь человека в позументах была убедительной и нескончаемой.

— Что делать?

— Не знаю. Но стул, я вам дружески советую, не вносите. Иначе вы его не вынесете...

— Тогда ты садись на стул прямо здесь, у входа на панели, — сказал я сыну, — а я поднимусь, соберу вещи...

— Я есть хочу.

— Тогда давай сначала я буду сидеть здесь на стуле, а ты иди ешь. А вернешься — ты посидишь, а я буду собираться...

Я сел на стул рядом со швейцаром. Митя сходил куда-то, поел, принес и мне сосиску. Не вставая со стула, я съел сосиску. Потом на стуле меня сменил Митя. Я собрался идти внутрь за вещами. Время двигалось к отъезду.

— Сейчас придет банкирский «рафик», — давал я указания сыну, — ты залезай в него со стулом и ждите меня.

В номере я быстро собрал вещи, спустился вниз. Митя сидел на стуле.

— А где «рафик»?

— Уехал. Стул в «рафик» не влез. Но мы договорились, что они будут ждать нас у вагона. А мы приедем на такси.

Ловим такси — такси нет. Десять минут двенадцатого... Двадцать минут двенадцатого... Полдвенадцатого... Я понимаю, что мы практически уже погорели и сегодня никуда не уедем. Наконец без двадцати двенадцать поймали случайную машину, чудом воткнулись в нее вместе со стулом. Без пяти двенадцать уходил поезд, без десяти мы вылезли у вокзала и вытащили стул. Бегом добежали до перрона, поймали какого-то носильщика — помочь дотащить тяжеленный стул; в пятьдесят четыре минуты втаскиваем стул в тамбур спального вагона. Банкиры радуются, что мы успели... Куда девать стул? Положили в купе на спальное место, и тут меня прошиб пот. Стул лежал на гипотетическом месте преступно забытой мной в «Октябрьской» Иры Метлицкой! Ужас, ужас, ужас! И прощения мне нет и быть не может! И тут же, почти одновременно, я еще раз понял магическую силу антикварных заморочек Соломона. Ведь так непросто было вышибить у меня из головы Иру... Вот ведь вышиб. На следующий день я пришел в Союз кинематографистов к моему тогдашнему секретарю Рите Сендерович. «Рита, выручай! Я совершил страшное преступление. Найди Метлицкую, придумай что хочешь, но хоть как-нибудь за меня извинись. Все этот проклятый стул!..»

Отреставрированный белоснежный стул с золотой резьбой, потрясая красотой, стоит у меня в комнате. Думаю, он даже приобрел более праздничный вид, чем был у него до 1812 года. Стул стоит и простоит, верно, еще долго-долго. А вот Иры уже нет. Нет и Риты. Нет и Соломона...

За добро, а ничего, кроме добра, за долгое время нашего приятельства я от Соломона не видел, я тоже как мог старался платить ему добром. Иногда случайно.

Как-то Соломон в очередной раз приехал в Москву. В ту пору стали открываться первые кооперативные рестораны.

— Пойдем к Федорову, — пригласил Соломон.

Ресторан Федорова, по тем временам страшно дорогой, был тогда в большой моде. Мы заняли столик в центре небольшого зала, обслуживали нас роскошно, со всеми приличествующими случаю прибамбасами и китайскими церемониями; очень вкусно кормили, но все это тянулось немыслимо долго. Во время бесконечных ожиданий следующего блюда Соломон рассказал мне любопытную историю.

Предварю ее небольшим отступлением. У профессиональных собирателей, надо сказать, диковинный быт. Соломон, к примеру, как-то познакомил меня с четой, у которой в обшарпанной комнатушке висела люстра на несколько сот тысяч долларов. Под ней, смиренно сидя в драных туфлях на колчено-

«Сергей Иванович уходит на пенсию», режиссер Соломон Шустер

гих стульях, хозяева нарезали друг другу колбасу за два двадцать. Покупали они ее по сто граммов, на большее денег не хватало, поскольку каждая копейка экономилась на следующую покупку, не дешевле люстры. Наверное, от этого у собирателей и в личной жизни тоже происходят довольно занятные, можно даже сказать, удивительные вещи. Взять хотя бы их браки, столь сложные, обставленные таким количеством условностей и предосторожностей, что напоминают они скорее браки династические, поскольку и здесь сочетаются не просто люди, но еще и стоящие за ними колоссальные ценности. Думаю, великое Соломоново счастье заключалось и в том, что он встретил Женю в самом начале своего пути, до коллекции, которую собрали они уже вместе.

И вот мы сидим в федоровском ресторане, Соломон рассказывает:

— Знаешь, со мной произошла очень странная история. Не могу отделаться от непонятного чувства. И, знаешь, чувства скорее неприятного. А история вот такая. Мой товарищ, один вполне выдающийся коллекционер, владелец огромного собрания, буквально за три месяца до своей смерти женится на молодой очаровательной женщине. Меня как раз все эти месяцы в Питере не было, я был в Лондоне на «Сотбисе». И Жени, соответственно, не было — она была со мной. Ни на свадьбе, ни на похоронах так и не случилось нам у нашего приятеля побывать. Приехав в Питер, я все мотался по разным делам, не получалось нанести приличествующий визит вежливости молодой вдове. И вдруг она звонит сама. «Соломон Абрамович, мне нужно бы с вами посоветоваться...» Пришла юная женщина, совершенно сумасшедшей красоты. «Соломон Абрамович, вы знаете, мой муж умер, и я, естественно, хочу сохранить коллекцию. Но, как вы понимаете, мне нужно на что-то жить. Поэтому я отобрала три холста, но не хочу их отдавать абы куда. Не могли бы вы их мне достойно устроить?» Поглядели холсты, оказалось, изумительные подлинные вещи: одна Венецианова, другая Клевера, третья Саврасова... «Хорошо, постараюсь вам помочь». — «Я вам их оставлю». — «Но вы понимаете, что мне оставляете? Это, знаете ли, сумма вполне колоссальных размеров...» «Тем более, ну куда же мне с ними тащиться? Вы их пристроите, я вам позвоню, и вы мне просто отдадите деньги». — «Но, на всякий случай, где вы живете?» Она диктует адрес: «Петродворец, улица Ветеранов-подводников, дом 12». Через какое-то время я еду искать натуру. И, тут уж такое совпадение, именно в Петродворец...

Дожевывая качественную федоровскую свиную котлету, я про себя тихонько соображаю: «Тоже мне, нашел фраера, слушать про натуру! Ясно, что эта самая тетенька нашего Абрамыча впечатлила, так сказать, не на шутку. Ну и Абрамыч, не будь дурак, нормально отправился по указанному адресу. Ладно, давай дальше...»

— И понимаешь, — задумчиво продолжает Соломон, — она назвала «Ветеранов-подводников, 12», а дома такого и нет. Дом 10 есть, есть дом 14. А дома 12 нет вообще. Я не ленюсь, иду в домоуправление. Там говорят: «Такого дома с войны уже нет. Его в блокаду разбомбило, восстанавливать почему-то не стали, но и нумерацию домов тоже не поменяли».

— А где тетенькины картины? — спрашиваю я.

— Картины у меня дома. Как стояли, так и стоят.

Меня тут как осенило:

— Соломон! Ты что, охренел? А кто дома сейчас?

— Женя...

— И ты, едрена-матрена, сидишь здесь и жрешь отбивную? Немедленно дуй в Ленинград и сразу же, прямым ходом не куда-нибудь, не в какую-нибудь милицию, а только в КГБ. Там у них, я слышал, есть отдельная контора, занимающаяся только особо ценным имуществом. Вот тебе — к ним.

— Ты знаешь, у меня тоже нехорошее чувство...

— Какое нехорошее чувство! Тут полный абзац! Давай, чеши в Питер без остановки!..

Прямо из ресторана везу его в аэропорт, сажаю в самолет. Через два месяца Соломон возвращается. Рассказывает еще более интересную историю.

Ну, прилетает он в Ленинград и, действительно никуда не сворачивая, пилит прямо в КГБ. У них это называется Большой дом, что на Литейном. Его с большим вниманием слушают. Говорят: «Кажется, вы вполне вовремя к нам завернули. Вот что мы можем вам предложить. Пусть, на всякий пожарный случай, у вас некоторое время поживет наш сотрудник. Вот знакомьтесь, Сережа. Несмотря на юный возраст, уже старший лейтенант».

А надо сказать, все большие по размеру холсты из своей коллекции Соломон к тому времени уже подарил (!) Русскому музею. Скажем, хотя бы такое великолепное живописное произведение, как «Машков с Кончаловским, играющие в шахматы» размером примерно три на четыре метра — картина, по своей сумасшедшей красоте и живописности ничуть не уступающая Матиссу. Но и без этих бесценных вещей все равно не было таких сумм, которыми бы исчислялось то, что по-прежнему висело у Соломона дома.

И вот пришел Сережа. Для начала они с Соломоном выпили джину, сыграли в подкидного дурачка, посмотрели телевизор. Потом легли спать. Сережа устроился на кухне, на раскладушке, с пистолетом не расставался. Соломону перед сном дал одну наиглавнейшую инструкцию: «Ваша задача в случае чего идти к входной двери, спрашивать: «Кто?», но никому не открывать. Дверь буду открывать я сам, кто бы ни пришел».

Недели две они так вот пили джин и дулись в дурачка, Соломон на звонки тупо подходил к входной двери, аккуратно и ненахально спрашивал: «Кто?» Дверь же открывал Сережа. Но никаких таких особых гостей все не было.

Однажды под вечер они опять слегка выпили джину. Сережу сморило, он уснул на кухне. Часов в двенадцать ночи позвонили в дверь. Соломон, тоже слегка раскисший от джина, прошлепал к двери и по обыкновению спросил: «Кто?» Ему что-то там такое из-за двери ответили, не помню уже, что именно. Какую-то вполне правдоподобную фигню. И Соломон, потерявший по причине выпитого упругую чекистскую бдительность, взял да и открыл — звякнул цепочкой и клацнул замком. За две недели уже как-то ему и подзабылось, зачем, собственно, на кухне ночует Сережа и почему нельзя никому открывать.

Как только дверь открылась, Соломон получил нечеловеческой силы удар по голове — в прихожую ввалились шестеро. Сережа спал на кухне, сло-

жив руки лодочкой под щекой, Женя — где-то далеко в глубине квартиры. Конечно, все было бы унесено, да и кто знает, остались ли бы вообще и Сережа, и Женя, и Соломон живы, но, хоть верть-круть, хоть круть-верть, нравится не нравится — спи моя красавица, а КГБ все-таки была великая организация. Оказывается, тут же на лестнице, на чердаке, этажом выше Соломоновой двери сидела в засаде дублирующая Сережу целая комитетская бригада, о чем никто, по-моему, и Сережа, не подозревал. Как только шестеро ввалились в квартиру, другие шестеро, «наши», резво попрыгали с чердака, всех повалили, всех повязали. Так что смело считаю, что некогда и я, в известном смысле, спас своему товарищу, инородцу-коллекционеру Абрамычу, его Абрамычеву жизнь, одновременно сохранив для России бесценные культурные сокровища.

Потом начались бесконечные суды, пересуды, следственные хитроумности, при жизни Соломона так ничем и не кончившиеся. Главное, что хотели узнать: кто заказчик? Афера явно была не самодеятельной, придумана вполне толково: Соломон, вы помните, и на свадьбе не был, и жены своего товарища не видел, и все такое. Да и женщина — красивая, да и принесенные ею вещи — подлинные... Но кто все это придумал, кто спланировал, кто заказал ограбление, выяснить, кажется, так и не удалось...

Соломон долго болел. У него был диабет. По крайней мере, внешне по этому поводу он не слишком огорчался, и со стороны иногда казалось, что Соломон даже и любит болеть. Во всяком случае, и в этом факте своей жизни он умел обнаружить множество своеобразной комфортности, что ли: «диабетил» он очень артистично — ковырял вилкой «диетическое», отодвигал в сторону, со вкусом выпивал стопку-другую-третью запрещенной ему водки, закусывая свежайшей и тоже строго-настрого запрещенной холестериновой икрой. Болея, Соломон иногда начинал тоже очень артистично, комфортно и со вкусом как бы умирать. При одном из его «умираний» я присутствовал. Оказался в этот момент в Ленинграде, позвонил.

— Я очень плохо себя чувствую, — слабым голосом и почти без наигрыша сказал Соломон в телефон. — Приезжай.

«Умирал» он роскошно. Лежал у себя дома (если можно назвать «домом» эту мирового класса сокровищницу изобразительного искусства и других пластических материальных ценностей). Соломон лежал на диване конца XVIII века, накрытый шотландским пледом, в алом шелковом халате с золотыми разводами, при белоснежной рубашке с неизменной, от руки завязанной бабочкой. На ноге у него, оказывается, несколько дней назад открылась ранка, при диабете ранки заживают плохо, вдобавок к тому еще и ангина.

В доме полумрак. Рядом с Соломоном в приличной случаю унылой позе сидит Соломонов сын Марик, пребывавший на тот момент в такой же стадии духовного и эстетического развития, в коей пребывал некогда и сам Соломон «до посещения Павла Кузнецова». Соломон был стиляга, Марик — автомобилист. Предмет обожания — машины, особенно коллекционные. А Соломон обожал сына и терпеть не мог автомобили. Кроме тех, на которых ездил по комиссионным магазинам и тайным адресам. Время от времени Соломон с выражением дикого омерзения на лице покупал сыну Марику какой-нибудь очередной коллекционный «Хорх». Теперь, собираясь в очередной раз комфортно «отдать Богу душу», Соломон возлежал с полузакрытыми глазами. На лбу легкая, совсем не вонючая, а очень даже благородная испарина.

— Марик, — обращается Соломон к сыну еще более слабым голосом, нежели тот, которым разговаривал со мной по телефону, — когда я умру, а это, вероятно, случится довольно скоро, к тебе сразу после моих похорон станут приходить люди и предлагать продать коллекцию. Марик... — Глаза Соломона влажнеют. — Цифры, которые они назовут, покажутся тебе фантастическими. Но, Марик!.. — В слабом голосе Соломона слышится потаенный металл. — Прошу тебя, пожалуйста, не вздумай обращать внимание ни на какие цифры и особенно бойся поддаться их обаянию. Все равно, Марик, все эти цифры бу-

дут фуфло и обман. Если решишь продавать, то, завещаю, только по одной вещи. Начинай с наихудших. Хотя таких у нас нет.

Потом Соломон выздоравливал, брал трость в руки, усаживался в такси.

— На Наличную!

На Наличной в пору Соломонова расцвета располагался лучший антикварный магазин Питера. Соломон ехал с инспекцией — проверить, чего принесли за время его «умирания». Как всегда, выяснялось, что принесли многое, невероятное.

От всего от этого у меня складывалось твердое ощущение, что Соломон вечен. Ну, по крайней мере, не менее вечен, чем Петербург. Казалось, что в уныленький массовый маразм нашей жизни он забрел случайно, из совершенно иных, новых, будущих времен, волшебно сопряженных с праздничным прекрасным прошлым, и именно там, в некоем изысканном коллекционном будущем, — Соломоново истинное вечное пребывание. Но однажды в маленькой итальянской деревушке, затерянной в горах, где я гостил у Тонино Гуэрры, раздался звонок и мне сказали, что Соломон по-взаправдашнему умер. Всерьез. Навсегда. Мол, поехал вместе со своей коллекцией на выставку в Берлин и там без всякой подготовки и комфортного алого халата с золотыми разводами...

Останавливаясь в гостиницах, Соломон всегда перед сном с артистичным шиком раскидывал там и сям свои вещи. Я много раз видел эту картину в «Будапеште»: по всем люксовым апартаментам валялись Соломоновы брюки, пиджаки, галстуки. А тут, как рассказала мне Женя, он перед тем, как в последний раз лечь в постель, вдруг ни с того ни с сего аккуратно сложил брюки, повесил их на вешалку, рубашку — на плечики, пиджак — аккуратно рядом, на перекладинку — галстук-бабочку, выложил на стол бумажник, деньги, авиационный билет и паспорт. Часа в четыре утра Жене показалось, что деликатнейший Соломон вдруг как будто захрапел. А это была агония. Через несколько мгновений Соломон был мертв...

Черт его знает как, отчего и каким неведомым чувством Соломон, вероятнее всего, все-таки предчувствовал, что вот-вот умрет. Когда они улетали в Берлин, обстоятельства складывались так, что они почти опаздывали, торопились на самолет. А Соломон ни с того ни с сего вдруг заупрямился, вдруг захотел до отлета непременно заехать в Комарово на кладбище, на могилу своего старого друга Ильи Авербаха. Конечно, так, они не только считались, но и были, верно, друзьями, но все-таки, Илья, мне кажется, всегда считал Соломона всего лишь неким забавным экзотическим петербургским недоразумением. Соломон же Илью любил искренне, как мог, преданно и высоко ценил. Длинными осенними и зимними вечерами, долгой петербургской ночью они сходились часто у Соломона дома, играли в преферанс. Соломон часто проигрывал и, бывало, проигрывал крупно. Часто же, особенно Илье, — нарочно. Знал — Илья без денег. Деньги у Соломона просто так, ну, скажем, в долг, до получки, Илья бы не взял. Был горд. Ну а уж ежели честно выиграл, тогда извольте! Это уже совсем другое дело! Время от времени по этому поводу Соломон грустно качал головой.

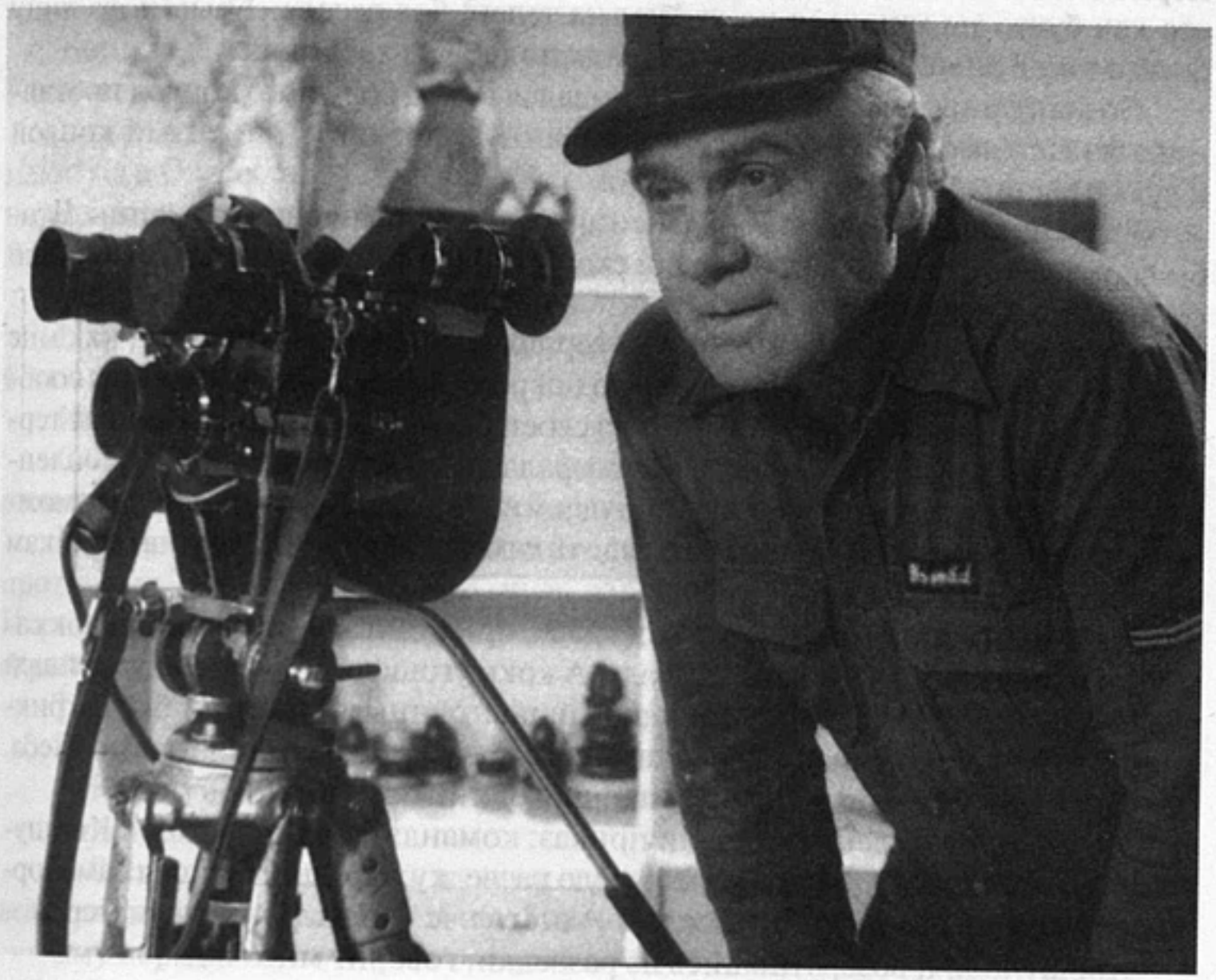
— Ну, скажи, не блядь ли Илюша, честное слово? Ведь не развалился бы, мог поддержать меня на худсовете! Ну хотя бы вспомнив, сколько я ему проигрывал в преферанс!..

И вдруг Соломон бросает все и зачем-то мчится на могилу Авербаха. Вроде как перед Берлином здесь с ним попрощаться. Оказалось, нет... Тогда уже спешил к Илье навстречу.

СЕМЕН ШКОЛЬНИКОВ

Тяжкий путь кинохроникера

Мемуары воен. оператора



Семен Школьников

Катерники севера атакуют

Всю войну Борис Маневич снимал с «Аймо» в руках на Северном флоте. Приходилось ему браться и за автомат. Он был отважный, бесстрашный человек и прирожденный кинооператор. С острым глазом. Кипучей энергией. Чрезвычайно оперативный. Надежный кинохроникер. На фронте чувствовал себя в родной стихии и ни о какой другой работе не помышлял. Много занятных и захватывающих эпизодов рассказал мне Борис, когда встретились и беседовали о минувшем. Одну из них я записал.

На Северном флоте я много снимал в морской авиации, морской пехоте, ходил в разведку и на задания с подводниками ходил. Но не было случая снять боевую работу торпедных катеров. Я доложил о своем желании командующему флотом адмиралу Арсению Григорьевичу Головко, чтобы он дал возможность снять какую-нибудь операцию с участием нескольких групп катеров. Сам знаешь, нам, операторам, подавай масштабные съемки.

Вскоре вызывают меня в оперативный отдел, и капитан первого ранга Румянцев направляет меня в хозяйство такого-то — там назревали интересные дела.

Пошел к катерникам. Встречен был душевно. Приписали меня на катер Виктора Комачковского. Народ на катерах был тогда, как и в авиации. В авиации, особенно на истребителях, работали самые молодые, на бомбардировщиках более зрелые летчики.

Воспоминания Семена Школьникова и его фронтовых коллег-операторов см. также: «Искусство кино», 2007, № 5, 2008, № 5.

Так и на флоте. На катерах работали прямо-таки пацаны. Например, командиру катера лейтенанту Виктору Данисловскому мы справляли всего лишь двадцатилетие. А матросы все молодые и безусые. Как раз в то время были получены новейшие катера с двумя торпедами на носу. Баренцово море, как известно, суровое и почти никогда не бывает спокойным, а эти катера могли свободно ходить при 5—6 баллах. И при этом давали скорость в 55 узлов — это примерно около 100 километров в час. Когда такой катер идет на полном ходу — это как будто ты мчишься по ухабам на телеге без рессор. Брызги по лицу бьют с такой силой, словно кто-то палит по тебе из дробовика.

По донесениям нашей разведки ожидался выход большого конвоя противника из Петсамо. Приказ: катерникам найти и потопить немецкий конвой и суда в районе Варды — это Норвегия.

Были приняты меры для сохранения тайны готовящейся операции. Чтобы скрыть ее от немцев, катера стали скапливаться у полуострова Средний по одному, максимум по два.

Можешь представить, как мне не терпелось поскорее снять эту, как мне представлялось, грандиозную морскую операцию. Но день за днем нам сообщали, что караван все еще не вышел из своей базы. Пришлось набраться терпения и ждать. Время от времени я проверял готовность моего «Аймо» и пленку. Обдумывал свои действия и манипуляции, с тем чтобы в условиях возможного боя как можно быстрее перезарядить камеру. Моим друзьям катерникам тоже не терпелось — рвались в бой.

А пока собирали грибы на полуострове, при отливах с надувных лодок самодельными гарпунами били камбалу. А коки угощали моряков вкуснейшей ухой с грибами. Единственными нашими постоянными гостями были крикливые чайки, которых боцман подкармливал остатками заплесневелого хлеба.

Так в томительном ожидании прошло одиннадцать суток.

На следующий день получили приказ: командирам дивизионов Коршуновичу и Алексееву произвести морскую разведку. В разведку ушел сам Коршунович и еще два катера. Мы ждем. А всего нас — четырнадцать катеров.

Коршунович, возвратившись из разведки, говорит мне:

— Вот вы приписались к катеру Домысловскому, а у него задание ставить дым. Его катер самый опасный, по нему больше всего будут бить. Дело в том, что как только наши катера будут обнаружены противником, Домысловский сразу вырывается вперед и ставит дымовую завесу, чтобы прикрыть боевой строй остальных катеров. Катер командира Быкова тоже ставит дым, только наш катер ставит вдоль строя, а катер Василия Быкова режет курс противника. Таким образом, немецкие корабли окажутся в дымовом треугольнике. В это время остальные наши катера выбирают позицию, врубают скорость, пробивают дымзавесу и идут на цель.

Командир дивизиона спрашивает:

— Может, пересядете на другой катер, менее опасный? Я уже и наждался, и ухи наелся, и стал фаталистом.

— Нет, — говорю, — раз я сел на этот катер, так и останусь. Будь, что будет.

Про себя подумал: «Ведь я с того катера больше увижу, а следовательно, есть шанс лучше снять эту операцию».

Я уже рассказывал, что на катерах служили совсем молодые ребята. И вот перед самым выходом на задание подходит ко мне молоденький морячок Вася Петровский и говорит:

— Товарищ оператор, что ж там у вас помоложе не оказалось оператора, чтобы идти с нами. Вам ведь трудно, вы пожилой.

Правда, голова у меня уже была лысая, но было мне тридцать четыре года. В наше время в таком возрасте участвуют во всех молодежных форумах, а тогда я считался для них уже стариком. Да что я! У нас был боцман-одессит, на пять лет старше меня, тридцать девять ему было. Ребята его шутя стращали: «Смотри, боцман, немцы дадут тебе прикурить!»

Он обращался ко мне и говорил: «Товарищ старший лейтенант, что эти салажатники понимают! Они же ничего не понимают. Говорят, немцы дадут мне прикурить. Чего они будут мне давать прикурить? Вот я им дам прикурить! Мы им торпеду всадим, вот это будет прикур. А что они могут мне сделать?»

Забегая вперед, скажу, что в этом бою он был ранен, правда, легко в руку, осколком разорвавшегося снаряда.

Возвратившись из боя, ребята подтрунивали над ним: «Ага, боцман! Что мы говорили? Немцы дали тебе прикурить!»

Боцман был человек добродушный, незлобивый, с одесским юмором. Говорит мне:

— Товарищ старший лейтенант, ну что эти сопляки, эти салажата понимают! Да в Одессе моя Сарочка, когда мы с ней бывало поругаемся, так она меня сильнее царапала, чем эти гады фашисты. А зато же мы им приварили. Я правильно говорю или не правильно говорю?

— Конечно, товарищ боцман, конечно, — подбадривал я его.

Наконец дана команда к выходу на боевое задание. Катера строятся ромбом — это противолодочный строй.

Идем.

С берега нам подают команды. Мы выполняем. В свою очередь рисуем обстановку, то есть докладываем на берег.

Идем на малом ходу. Глушитель опущен в воду. Идем тихо — здесь уже противник. Впереди Петсамо, чуть дальше Киркинес — оккупированная Норвегия. Мористее нам забираться нельзя, идем ближе к берегу, здесь скрытнее.

Темно.

Впереди наша разведка. Запрашиваем:

— Коршунович, Коршунович, сообщите свой квадрат.

Отвечает:

— Вас понял. Нахожусь в таком-то квадрате, наблюдаю конвой. Конвой ведет активную переписку. Я не обнаружен.

Ему передают:

— К вам идут остальные.

Начинает светать.

Я иду на переднем катере. Камера в руках — приготовлена к съемке. Как и все катерники, я привязан шкертом-веревкой, чтобы не смыло за борт.

Стою рядом с командиром. Он весь внимание. Спрашивает:

— Ты готов, Борис? Скоро противник!

Я отшучиваюсь:

— У вас один противник — фашисты, у меня три: фашисты — противник, вода — противник, зальет объектив и не снимешь, и темень — противник, ведь в темноте мне уже ничего не снять. Если к началу операции не рассветет и не рассеется туман, то я прокатаюсь с вами пассажиром.

Вдруг впередсмотрящий кричит:

— Товарищ командир, вижу корабль противника!

Командир:

— Смотреть внимательней, там должен быть и остров!

Слышу опять голос впередсмотрящего:

— Товарищ командир, вижу второй корабль противника!

— Смотреть внимательней!

— Товарищ командир, вижу еще корабль противника!

Командир долго всматривается в горизонт, потом как бы про себя говорит: «Скоро начнем». Потом включает радио и передает.

Увлекшись воспоминаниями о пережитом в той операции, Борис даже сегодня, после многих лет, громко, с присущим ему азартом передает команды и радиопереговоры командира катера во время того боя. Рассказывая мне, он буквально вошел в раж, и я продолжаю записывать его…

— Я КН-11, нахожусь в квадрате таком-то, вижу корабли противника.

В наушниках раздается голос с базы:

— Вас понял. Идите на сближение.

Вскоре слышим с другого катера:

— Я Коршунович, тоже вижу корабли противника. Они перегруппировываются и идут на юг.

И я вижу по горизонту массу кораблей. Мне сказали, их было 18 транспортов и около 30 кораблей охранения.

Тут нас заметил головной миноносец немцев и засемафорил:

— Кто идет! Сообщите позывные!

Думается, что они не открыли огонь сразу потому, что мы давно шли в их водах и неподалеку от берега. За нами уже Петсамо, Киркинес, где базируются их катера. Поэтому, может быть, нас приняли за своих, идущих к ним в подкрепление. Но положение таково, что нужно что-то отвечать, иначе по нам откроют огонь. А нам нужно выиграть время, чтобы сблизиться с ними.

Командир Домысловский кричит:

— Боцман, пиши! Пиши все равно что!

Скорее всего, противник какое-то время разбирался в галиматье, которую писал боцман.

И тут команда нашего командира:

— Поднять глушитель!

И мы врубили полную скорость. Катер задрал сразу нос и, как норовистая лошадь, встал на дыбы.

А боцман продолжал писать чепуху. Немцы не понимают, что им пишут, и, конечно, видят, что катера набрали скорость и стремительно идут на сближение.

Наш командир радирует на базу:

— Мы обнаружены, веду переписку с противником.

В это время с эсминца передают:

— Кто идет? Сообщите точные позывные! — И почти сразу: — Открываю огонь!

И тут загрохотало. Эсминец открыл огонь.

Наш командир командует:

— Дым!

Катер взял чуть мористее и несется вдоль каравана противника, а за нами огромный дымовой шлейф — дымовая завеса. Гитлеровские моряки открыли огонь с многих кораблей, но, не знаю почему, их артиллеристы мазали. Особенно мазал их крупный калибр. Бог знает, куда улетали их снаряды.

А мы продолжаем ставить дым. Я снимаю вовсю. Снимаю все, что еще видно из-за дыма. Ощущаю себя в каком-то хаосе. В ушах невообразимый гул от стрельбы и разрывов, рева моторов и пулеметных очередей. Потом уже выяснилось: хаоса, конечно, никакого не было. Бой был продуман и разработан до мельчайших деталей. Бой вели точно по намеченному плану. Это и понятно. Для меня это был хаос. Я ведь смотрел как кинооператор и видел то, что мог увидеть лишь с катера, с которого снимал.

Вдруг среди шума боя слышу радио:

— Я КН-6, я КН-6. Вышел на противника. Торпедировал. Наблюдаю взрыв.

— Я КН-17. Вышел на транспорт противника. Наблюдаю взрыв. Отвалил на обратный курс.

Я кричу командиру катера:

— Виктор! Елки-палки, мы ведь шли первыми. Они топят немцев, а мы...

Я ведь совсем забыл. Что мы-то ставим дым, а другие катера, укрываясь дымом, вылетают, как из-за занавеса, на караван противника и торпедируют. Обидно только, что из-за этого черного занавеса снимать не могу. Но наша-то задача — пройти до конца каравана, а он вытянулся на несколько километров. Когда мы подходили к концу каравана, а шли мы уже на виду у них,

смотрим, на нас устремился немецкий тральщик и открыл по нам огонь. Мы проскакиваем мимо него. Я просто похолодел, кричу: «Виктор! Опять мимо. Мне ведь это снять нужно...» А командир за штурвалом весь в напряжении, делает левый разворот. Катер резко разворачивается, меня прижало к правой стенке так сильно, что аппарат было не поднять к глазу. Мгновение, и наш катер слету оказался у левого борта тральщика.

Я снимаю. Слышу команду командира: «Залп!»

Обычно торпеды запускаются с небольшим интервалом. Расчет на поправку. Если первая торпеда прошла мимо цели, то вторую выстреливают уже с поправкой на цель.

В сложившейся ситуации у нашего командира не было времени на поправку, да и расстояние до цели опасно сокращалось, и он дает залп двумя ракетами одновременно. Отдача при этом была сильнейшая. Катер на полном ходу на мгновение почти застопорило.

Для меня все это было полной неожиданностью. Я-то в это время снимал. После залпа я свалился на палубу и не мог сразу подняться. Когда встал на ноги, смотрю по носу, но ничего не вижу, чисто. Нет объектов для съемки. Командир кричит: «Куда ты смотришь, смотри на корму!»

Оказывается, пока я приходил в себя, наш катер развернулся и дым остался за нами. Снимаю в сторону дыма и вижу в визир взрыв, значит, попали, думаю. Слышу, наши передают по радио: «Атакуем тральщик, наблюдаем взрыв, легли на обратный курс!»

Наш катер немцы берут под обстрел. Снаряд разрывается от борта в нескольких метрах. Осколками ранены пулеметчик, радист и наш боцман — одессит, о котором я говорил. Настроение у команды поднялось, да такое боевое, что я еще не видел ребят на таком подъеме. Восторженно кричат, поют. И раненые вместе с ними улыбаются — рады победе. Честно говоря, и я орал вместе со всеми от радости удачи. Освободившись от торпед, катер рванул вперед, как сумасшедший, будто радовался вместе с нами.

Вдруг радио: «Общая команда, общая команда! Отход!» И тут же голос по радио: «Коршунович и Алексеев, высылаем мальчиков для прикрытия. Не путайте, не путайте. Высылаем мальчиков для прикрытия».

Дело в том, что наша бригада торпедных катеров работает с летчиками на той же волне.

Неожиданно пулеметчики докладывают: «Контркурсом на нас идут два неопознанных самолета».

— Пулеметы, готовьсь! — командует командир катера.

Но слышим голос летчиков: «Молодцы, морячки! Молодцы, жёры! Идите спокойно по курсу, мы вас прикроем».

И над нами с ревом, почти на бреющем проносятся наши краснозвездные истребители, а за ними еще звено.

На полной скорости мы догоняем два катера, которые торпедировали конвой противника раньше нас. Теперь втроем идти веселее. Так втроем, под прикрытием истребителей, пришли на базу.

Вскоре подошли и остальные катера. Тепло, радостно встречали нас. Забросали цветами. Идем по пирсу, топтать цветы неудобно и жалко, приходится через них перешагивать, а то и перепрыгивать.

А нам кричат со смехом: «Герои, чего танцуете, как балерины, шуруйте прямо, по-флотски!»

После почестей нам приготовили баньку. Святое дело!

К чувству общей радости примешивалась и горечь — мы потеряли один катер. Правда, потопили четырнадцать кораблей противника.

Об этой операции много писали. Особенно восхищались советскими катерниками американцы и англичане — наши союзники. К нам позднее пришло много их газет.

Вскоре нас вызвали к командующему в Полярное. Все командиры катеров шли на одном катере, и я с ними. На подходе к пирсу наш катер дал из пу-

лемета четырнадцать очередей — по количеству потопленных вражеских кораблей. Играет военный оркестр, нас встречает сам командующий адмирал Головко. Крепко пожимая командирам руки, он доходит и до меня.

— А я считал, что корреспонденты снимают с берега, — говорит он и смеется.

В тон ему я отвечаю:

— Товарищ командующий, рад бы снять с берега, да за катерниками не угнаться. Только нацелишься на них объективом, а их уж и след простыл.

— Молодец, кинооператор, спасибо!

И жмет мне руку.

С большим волнением отправил я пленку в Москву для проявки и жду результат. Вскоре получаю сообщение: «Ваш материал «Торпедники» интересный, принят, сдан в фильмотеку».

Меня прошибло холодным потом. Почему в фильмотеку? Неужели так тяжело и с риском доставшаяся мне съемка не будет показана зрителю? Когда я снимал, ребята так надеялись, что кто-то из их родных, там в тылу, увидит своих мальчиков. Но материал сдан в фильмотеку — это значит в хранилище, и всё?

Вскоре приехал в Москву и прямо в редакцию с претензией. И тут мне объяснили, что запретил военный цензор. Оказывается, катера новейшие, и немцам они еще неизвестны. Пришлось согласиться, что поделаешь? Война!

Но через некоторое время эта снятая мною операция увидела экран. Но позже, когда был сделан фильм «10-й удар — Карельский фронт». В этот фильм включен и эпизод действий торпедных катеров. Мной отснятый.

Спрашиваю Бориса:

— Сколько же кассет ты успел снять в этой операции?

— Четыре! Всего четыре! — отвечает Борис.

Четыре кассеты — 120 метров пленки, а сколько труда, риска, нервов и напряжения, чтобы зритель потом увидел это всего за четыре минуты экранного времени.

Над рейхстагом знамя

Восьмой день шли бои на улицах Берлина. Несмолкаемый гул и грохот стояли над городом.

Так начал свой рассказ фронтовой оператор Иван Панов.

По горящим улицам нескончаемым потоком двигались танки, артиллерия, машины, люди.

Восьмой день мы не видели неба. Вместо него над нами висели плотные тучи дыма и пыли.

Восьмые сутки мы без сна. Сон стал недосягаемой мечтой.

Бои — день и ночь, ожесточенные, упорные. Каждое мгновение кого-то вырывает из наших рядов смерть, и он остается навсегда на чужбине.

Город подготовился к уличным боям: перекрестки перекрыты баррикадами. Угловые дома, подъезды, подвалы превращены в доты.

Бои идут в воздухе, на земле, под землей, за каждый метр, чуть ли не за каждое окно дома.

Со злобой и остервенением дерутся гитлеровцы, как загнанный в ловушку зверь, которому уже некуда деваться.

Кажется иногда, что все кончено, сопротивление сломлено, дом, улица, район очищены от врага, но гитлеровцы чердаками, тоннелями метро опять выходят нам в тыл и поливают нас из пулеметов.

Двадцать фронтовых кинооператоров, двигаясь с войсками, с самыми передовыми их подразделениями, снимают величайшую из битв на кинопленку: Кармен, Дементьев, Мазрухо, Посельский, Дульцев, Соколов, Шнейде-

ров, братья Алексеевы, Томберг, Левитан, Аронс, Венц и многие другие. Среди них и я.

Уже засняты нами тысячи метров пленки, а события все нарастают. Каждый вечер возвращаемся на базу, чтобы разрядить отснятую, зарядить новую пленку и, не успевая даже поделиться впечатлениями, разъезжаемся по городу снова. Снимаем, снимаем, снимаем...

В Берлине у нас был уже свой штаб, руководили которым полковники Л.Сааков и Ю.Райзман.

Они ежедневно получали информацию от командования и направляли каждого из нас туда, где ожидались наиболее интересные события.

Никогда, кажется, не изгладится в памяти 20 апреля 1945 года. Я — в районе Потсдамского вокзала.

Танкисты ведут бои уже на улицах, непосредственно примыкающих к имперской канцелярии.

Какие массивные, угрюмые, тяжелые дома в этих кварталах. Подъезды забаррикадированы. Окна заложены кирпичом.

Над крышами домов бушует пламя. От бомбовых ударов, артиллерийской канонады вздрагивают, растрескиваются, рассыпаются стены. Улицы завалены щебнем, запружены подбитыми машинами, орудиями. Все дымится, горит. Танкам продвигаться трудно. Они ползут, расчищая себе путь, подминая, что можно, гусеницами и с ходу, в упор бьют из орудий и пулеметов по окнам, подъездам, чердакам, откуда гитлеровцы засыпают их фаустпатронами.

Как уязвимы здесь даже самые маневренные из танков — наши прославленные «тридцатьчетверки», КВ.

Вспыхивает то одна, то другая машина. Танкисты еле успевают выпрыгивать из них. А кто-то и не успевает. На место подбитых из переулков выходят новые и новые машины, упорно пробиваются вперед.

Я лежу в подъезде, в куче какого-то хлама. У меня отказал аппарат. Вожусь с ним: руки — по локти в зарядном мешке.

Недалеко от меня за грудой дымящихся еще кирпичей — наш пулеметчик. Возбужденный боем, седой от пыли, он сидит, как китаец, подобрав под себя ноги, и, отчаянно матерясь, разворачивая ствол пулемета то вправо, то влево, строчит по окнам противоположного дома. Оттуда отвечает немецкий пулеметчик. Пули цокают по штукатурке стен. Известковая пыль клубится над нами. Пулеметчик на моих глазах становится все белее и белее. Рядом с ним лежит его убитый товарищ.

Я тороплюсь, хочу заснять дуэль пулеметчиков. Но аппарат заедает, отказывает. Через пролом разрушенной стены вижу, как из переулка, тяжело перевалив через завал, выползают три наших танка.

Взрыв — и один из них горит.

В окне противоположного от нас дома — гитлеровец. Он нагло, буквально на глазах у нас свешивается с подоконника с очередным фаустпатроном.

Вспышка. Взрыв. Горит второй наш танк!

Из открывшегося люка машины друг за другом вываливаются три дымящихся клубочка, скатываются на землю и, уже горя, катятся по улице в подъезд ближайшего дома.

Идущий следом третий танк разворачивает на немца орудие. Выстрел. Грохот. Окно застилается облаком дыма, обваливается стена...

В темноте подъезда слышу короткий разговор:

— Двумя следующими машинами — по этой же улице!

— Насколько, товарищ капитан, продвигаться?

— Пока не подожгут!

— Есть!

И через минуту из переулка на улицу выходят еще две боевые машины, развернувшись, с ходу начинают вести огонь по окнам домов.

Группа пехотинцев пересекает двор и мгновенно где-то скрывается. На улицах пехоты почти не видно. Она передвигается из дома в дом дворами, чердаками, подвалами.

К концу дня я перебираюсь в район зоопарка. Ожесточенный бой идет и здесь. Звери брошены, подыхают от голода. Уже много дней их некому и нечем кормить. До них ли сейчас.

В разрушенной клетке лежит с выдранной гривой умирающий лев. Красивое, сильное животное, положив лапу на шею мертвой уже подруги, темными звериными глазами следит за каждым моим движением, пытается подняться для защиты. Но лапы не подчиняются. Нет сил.

Неподалеку — опрокинувшийся на спину бегемот. В боку у него торчит хвостовое оперение неразорвавшейся мины. Он ворочается, как гора, и хрипло стонет. Помочь животным не могу. Снимаю — вот он злой лик войны, во всем, повсюду...

Вечером на базе встречаюсь с Сааковым.

— Ты где был? — спрашивает он.

— В районе 5-й ударной, а затем в 8-й гвардейской, в зоопарке.

— А войска 3-й ударной вышли к рейхстагу.

Отправляюсь в район 3-й ударной, в знакомый уже стрелковый корпус Переверткина.

С генералом встречаюсь неожиданно, в одном из подъездов. Докладываю:

— Приказано, товарищ генерал, снять рейхстаг.

— Что ж, — устало отвечает он. — Иди, снимай!

Осунувшееся, озабоченное лицо не спавшего уже несколько ночей человека, воспаленные, лихорадочно горящие глаза. Брови, щеки, виски серы от известковой пыли.

Закончив разговор с офицерами и отпустив их, генерал отвел меня в сторону, уже теплее, по-дружески разъяснил:

— Пытались взять рейхстаг еще на рассвете, с ходу — не получилось. Сейчас подбросили артиллерии, танков, начали атаку опять. Две небольшие группы из батальонов Неустроева и Давыдова ворвались в рейхстаг, ведут бои внутри. Остальных фашисты успели отсечь огнем. Залегли метрах в ста пятидесяти и не могут подняться! Шестого связного посылаю — не возвращается! Как будешь снимать — не знаю. Дам тебе провожатого, пробирайся пока к Шпрее.

От дома к дому, из подъезда в подъезд, проломами в стенах, дворами, где ползком, где короткими перебежками пробираемся с провожатым по Альтмаобитштрассе к реке. В подземельях сталкиваемся с берлинцами. Они сидят, лежат. Уныло безмолвные, безучастные, как каменные изваяния, укутанные шалями, пледами, одеялами, не обращают внимания на нас. Да и нам пока не до них!

Но вот пробитая снарядом стена магазина. Около нее люди с тюками, связками обуви, пачками мыла — растаскивают товары. Привил Гитлер вкус к грабежам — грабят даже своих, соотечественников.

Прямо на меня, на мой киноаппарат, идет, согнувшись под тяжестью кусков мануфактуры, пожилой и, как видно, интеллигентный немец. Увековечиваю его «подвиг» для его же потомков. У другого дома группа немцев разделывает кухонными ножами, растаскивает по кускам убитую лошадь. Запечатлеваю на пленку и это.

Около уцелевшей каким-то чудом водопроводной колонки — толпа: дети, старики, старухи с чайниками, кастрюлями, ведрами. Доносятся тревожные голоса:

— Вассер! Вассер!

Вода! Без пищи неделю прожить можно — без воды не проживешь.

Да, трагичен конец мании «мирового владычества».

Совершенно пустую площадь под градом пуль пересекает сухая, слегка прихрамывающая старуха, как привидение, как сама смерть. Что сделало ее

безразличной к смертельной опасности? Может быть, безутешное материнское горе? Я снял ее.

К перекрестку подошла «катюша».

Залп — море огня, грохот гулких разрывов, похожий на извержение клубящийся столб бурой пыли.

Когда пыль осела, я увидел через визир камеры выброшенное кем-то из окна привязанное к палке белое полотнище.

Из подвалов, трусливо озираясь, вылезали, карабкались через завалы гитлеровцы с поднятыми руками, ошалелые, полубезумные. Перестрелка прекратилась. Пользуясь удобным моментом, мы с провожатым пересекли площадь и через несколько минут были уже на набережной у моста Мольтке. Отсюда орудия прямой наводкой били по рейхстагу.

Угловой дом полон артиллеристов. Спрашиваем их, как перебраться через мост к рейхстагу.

Смеются:

— Прямехонько, товарищ капитан! Рукой подать!

— А коли всерьез, — добавляет один из сержантов, — держитесь с нами! Не пропадете! Нам ведь тоже туда!

Спускаемся пока в подвал. Артиллеристы угощают нас холодным консервированным молоком. Офицер с погонами старшего лейтенанта говорит солдатам:

— Через пять минут для нас артналет. Под его прикрытием будем продвигать вперед два орудия.

Команда: «Всем наверх!» Поднимаемся и мы. Стены дома начинают дрожать от канонады. Артналет начат — артиллеристы дружно выталкивают две свои пушки на набережную и катят их к мосту, потом уже под ответным огнем неприятеля, в облаке дыма и пыли, почти несут их на руках через мост.

Мы с солдатом, прячась за щитками орудий, преодолеваем мост вместе с ними, и уже на той стороне реки, плотно прижимаясь к земле, буквально прилипая к ней, ползем по изрытой снарядами площади к рейхстагу. Ползем, раздирая о камни мостовой колени и локти.

Взрыв! Нас осыпает песком и горячим щебнем.

Укрываемся под стальным брюхом подбитого танка. Локти, колени — в крови, штаны разодраны, сердце готово, кажется, выпрыгнуть.

Перед нами рейхстаг!!! До него уже не более 200—250 метров!

Чувствую учащенное, горячее дыхание солдата — провожатого.

— Он? — многозначительно спрашивает солдат.

— Он! — отвечаю я.

— Вот он какой! Закурить бы теперь, товарищ капитан.

Закуриваем, лежим молча, каждый со своими мыслями...

Невольно вспоминаю осень 1944 года. Войска 3-го Белорусского фронта вышли к границам Восточной Пруссии. Пограничный столб с надписью: «Ахтунг! Ахтунг! (Внимание! Внимание!) — Государственная граница Германии. До Берлина 1200 километров...» И кто-то из солдат успел размашисто, четко приписать: «Все равно дойдем!!!»

И вот дошли!

Всматриваюсь из-под танка в огромное мрачное здание рейхстага.

Хочется «схватить на пленку», но просматривается он из-под танка плохо; все пространство передо мной завалено деревьями, подбитой техникой, мешками с песком, какими-то ящиками, мотками проволоки. Осматриваюсь, ищу более подходящее для съемки место.

В ближайшем доме сохранились балконы на втором и третьем этажах. Вот бы куда пробраться!

До дома не более двух десятков метров. Но кругом кромешный ад. Все дрожит, гудит. В воздух взлетают вырванные с корнями деревья, рушатся стены.

Порой кажется, что раскалывается и валится на нас само небо. Но дальше может быть хуже. Обстрел площади все усиливается.

Вот падает один из знакомых артиллеристов, другой, третий. Расчеты, подбирая, оттаскивая раненых товарищей, продолжают вести по рейхстагу огонь прямой наводкой.

Хочу заснять их — не могу высунуть голову. Надо подняться — какая-то непреодолимая сила словно прижимает к земле.

От рейхстага к нам бегут два солдата, видимо, связные, которых ждет генерал. Вот они уже совсем рядом, и вдруг из какого-то колодца в упор по ним — автоматная очередь...

Первый солдат, очевидно, тяжело раненный, по инерции добегает до колодца, падает на него. Затаскиваем раненого к себе под танк, пытаемся оказать ему помощь. Но глаза бойца стекленеют.

Выждав удобный момент, мы все же добираемся до дома с балконами. Их, видимо, облюбовали и артиллеристы, пытаются затащить одно из своих орудий на второй этаж.

Опережаю их, вбегаю в одну из комнат — не то, в другую — опять не то, в третью — наконец-то!

Выхожу на балкон — рейхстаг передо мной как на ладони. Огромный, черный от копоти, широко раскинулся по площади своими массивными, тяжелыми колоннадами, лестницами. Над крышей — разбитый бомбами купол.

Окна заложены кирпичом. Оставлены только бойницы. Из них тонкими струйками выползает дым. Таким я и снимаю последнее логово фашистского зверя. И, как всегда, — неудовлетворенность. Кажется, что где-нибудь рядом есть точка для съемки лучше. Поднимаюсь на третий этаж, открываю дверь в такую же по расположению комнату... обалдеваю: у окна группа немецких автоматчиков, пулеметчик и фаустники...

Видимо, существует какая-то интуиция опасности: несмотря на грохот канонады, они разом все оборачиваются на скрип двери и тоже застывают на мгновение в оцепенении.

Кубарем скатываюсь по лестнице опять на второй этаж к артиллеристам. Сообщаю им о «соседстве».

Собираем группу автоматчиков, поднимаемся. Никого уже нет. Бросив в комнате своих убитых, гитлеровцы ушли. Выхожу на балкон, еще и еще раз с различной оптикой снимаю рейхстаг.

Вечером, с новой волной штурма, вслед за пехотой пытаемся с провожатым подобраться к рейхстагу еще ближе.

Становится темно. Снимать нельзя, но какая-то непреодолимая сила все равно гонит вперед вслед за всеми.

В темноте чуть ли не лоб в лоб сталкиваемся со связистом.

— Вот гадство! — ругается смертельно уставший солдат. — Линию перебило, а где?! Третий раз переползаю площадь, найти не могу!

Спрашиваем, далеко ли автоматчики.

— Рядом, — бросает он на ходу и исчезает в темноте.

Над головами проносятся снаряды, грохочет артиллерийская дуэль. От частых взрывов становится светло. И вдруг разносится раскатистое:

— Урра-а-а!!!

Поднялась пехота. При таком артобстреле?! Это кажется невероятным. Приподнимаемся на локтях, выглядываем из своего колодца. Вся площадь от края и до края во взрывах. Вспышки их словно мечутся из конца в конец и выхватывают на мгновение из темноты группы бегущих к рейхстагу солдат.

Вот они пробегают мимо нас, черные от порохового дыма и копоти. Следом бегут два санитара.

— Здесь есть ранен...

Конец фразы тонет в грохоте канонады.

Я вижу все и не могу ничего снять. Ночь! Если бы на три-четыре часа пораньше — все было бы на пленке! Трудно передать, как горько бывает в такие минуты. Сползаю на дно своего убежища; готовясь к утру, перезаряжаю пленку.

Взвинченный, почти оглохший от канонады, долго не могу прийти в себя. Руки дрожат, не могу найти рукава зарядного мешка. Солдат помогает мне. Только сейчас вспоминаю, что до сих пор не знаем имен друг друга, а кажется, что знакомы уже годы. Так быстро сближает людей опасность. Спрашиваю:

— Солдат, как тебя зовут-то?

— Солдатом, товарищ капитан, и называйте. Все мы здесь солдаты.

— А всё же? — продолжаю я. — Меня, например, зовут Иваном Васильевичем. А фамилия моя Панов.

— А меня Сашкой, — тихо отвечает солдат.

— Вот и познакомились.

Солдат смеется.

— Откуда же ты, Саша? — допытываюсь я.

— С Забайкалья. Весна скоро и там. Бабы, поди, суетятся. Пахать пора, а мужиков нет. Да и пахать, наверное, нечем. Неужто и они, как в Белоруссии, сами в плуга впрягаться будут?

Оба молчим.

Двенадцать кассет перематываем мы с ним на руках.

Ночь уже на исходе. Небо над рейхстагом начинает светлеть, становится рыжеватым. С трепетом жду рассвета.

Развеялись дым и пыль ночного боя. Вот оно, поле страшной битвы.

— Много нашей братвы осталось здесь, — раздумчиво говорит солдат. — Сделали свое дело и лежат!

Навожу аппарат на рейхстаг. Хорошо видны широкие каменные ступени, тяжелые входные двери между колоннами. Они исковыряны осколками снарядов и гранат. И все здание какое-то исковырянное, избитое. Взгляд невольно скользит по стенам и колоннам вверх.

И вдруг вижу на крыше, за карнизом фронтона, у скульптурной группы — всколыхнувшееся красное полотнище.

Как пламя, взметнулось оно на ветру.

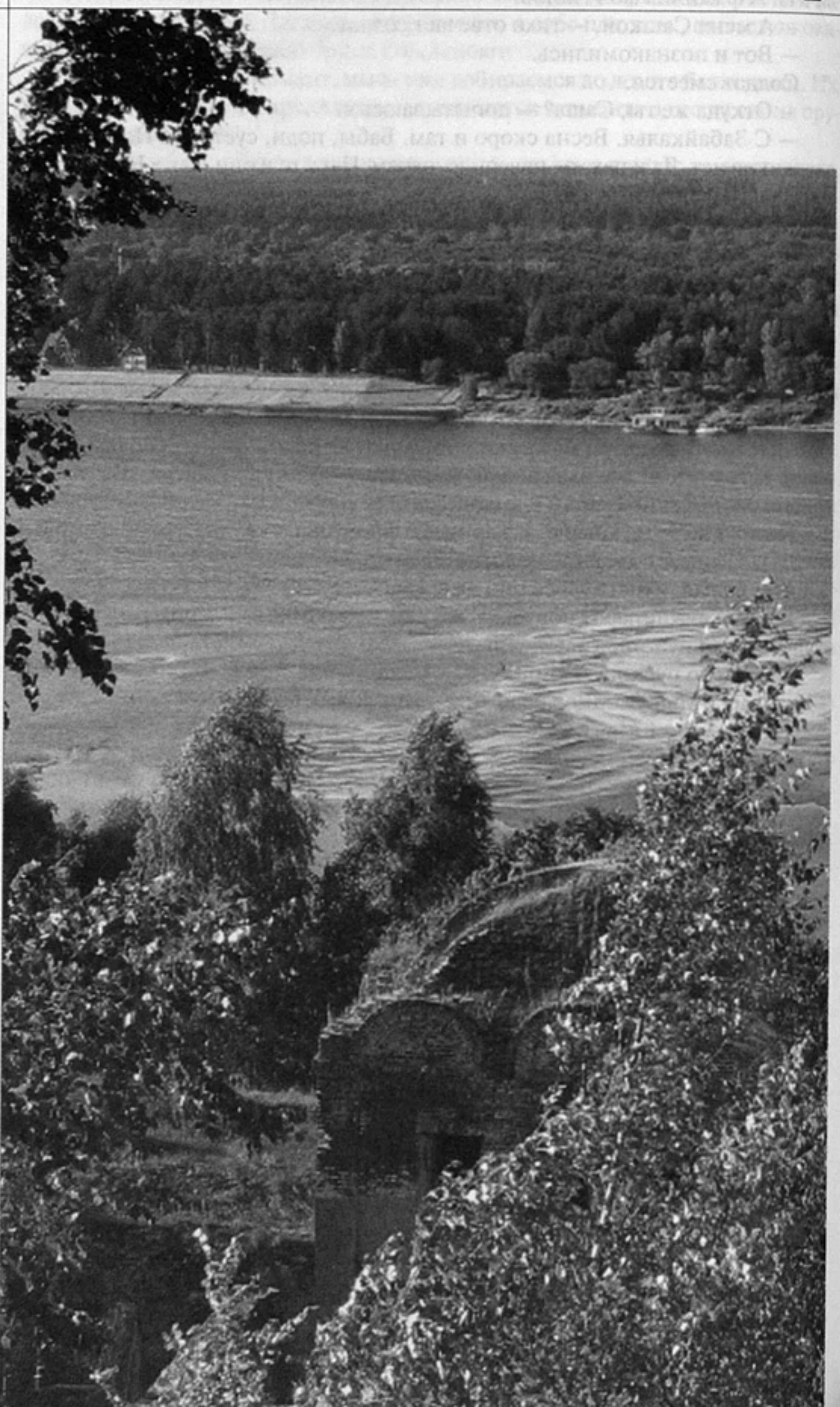
Вставляю в аппарат новую кассету и уже в рамке в сильном ракурсе снизу вижу полощущийся алый стяг.

Нажимаю пусковую кнопку.

Снимаю водруженное над рейхстагом Знамя Победы.

Раннее утро 1 Мая.

Ч Т Е Н И Е



ОЛЬГА ШЕВЧЕНКО

Пойма

СЦЕНАРИЙ

— Всего хорошего! — крикнул водитель, когда Мишка уже спрыгнул со ступенек грузовика.

Мишка, поеживаясь, кивнул в знак благодарности. После теплой кабины на улице было холодно. Водитель подтвердил свои пожелания тремя гудками, машина тронулась и скоро скрылась из виду.

Мишка остался в степи один. Поднял ворот бушлата. Погоны на бушлате были рядового арктических пограничных войск. Ему недавно исполнилось двадцать. Был он невысокий, с коротким ежиком белесых волос, с вытянутой тонкой шеей.

Мишка перешел на другую сторону шоссе и зашагал по боковой ответвляющейся дороге.

Дорожный знак, который остался у Мишки позади, указывал на то, что прямо были большие города, а вбок, куда уходил Мишка, была Ивантеевка. До нее оставалось пять километров.

Мишка шел посередине шоссе, под ногами белыми змейками извивалась поземка. Солнце уже село. На горизонте догорал красный закат. В степи начинало темнеть.

Когда дорога стала приподниматься вверх, Мишка побежал вперед. Через некоторое время он оказался на самой высокой точке шоссе. Отсюда уже открывался вид на поселок. Мишка остановился.

Поселок лежал внизу, в пойме реки, как в петле. В домах загорались лампочки.

Мишка немного постоял, посмотрел на огни в домах и бодро пошел вперед.

Он услышал приближающуюся машину. Голосовать не стал, отошел чуть в сторону на обочину. Машина проскочила мимо Мишки. Мишка удивленно взглянул на нее, это были «Жигули» новой модели. При нем такой машины в поселке не было.

«Жигули» проехали метров десять и затормозили, призывно сигналя. Тут же из машины, всматриваясь в Мишку, поднялся водитель.

Мишка, пока шагал, тоже пытался понять, кто это. Высокая меховая шапка, дубленка.

Водитель узнал Мишку первым, крикнул:

— Мишка, ты, что ли? А я гляжу, кто такой?

Мишке оставалось до машины несколько шагов, но и сейчас он не мог понять, кто стоял перед ним.

— Совсем уже? — спросили его от машины.

— Совсем.

Мужчина обошел машину и распахнул перед подходящим Мишкой переднюю дверцу пассажира. На сиденье рядом с водителем сидела коротко стриженная девушка в длиннополой шубе.

— Пересядь... — бросил мужчина девушке.

Девушка смерила его недовольным взглядом.

— Быстрее нельзя? — поторопил ее хозяин.

Ольга Шевченко — кинодраматург, редактор. Окончила сценарный факультет ВГИКа (мастерская А.Бородянского, С.Михальченко). Автор сценария фильма «Полное дыхание» (2007, с Ю.Рогозиным, А.Пендраковской; режиссер В.Пендраковский).

Неторопливо подобрав полы шубы, так что стали видны колени в тонких чулках, девушка встала, демонстративно отвернулась и, не глядя на Мишку, как будто его здесь и нет, прошла к задней дверце.

— Садись!

Мишку втолкнули на заднее сиденье. Он упал в кресло, неловко пристроил на коленях рюкзак. Пока хозяин обегал машину, он успел заметить, что на заднем сиденье кроме пересевшей туда недотроги сидит еще одна девушка, но одета она уже победнее, в пуховой платок и простой пуховик. Девушек Мишка не знал, но на всякий случай кивнул головой и сказал:

— Здрасти...

Недотрога ему не ответила. Только та, другая, кивнула в ответ.

Водитель плюхнулся на свое место и заорал Мишке на ухо:

— Чё, не узнаешь?

И тут Мишка узнал Ваську Агатова. Васька был старше его всего года на два-три, но дубленка делала его весьма солидным человеком. Мишка улыбнулся.

— Узнаю. Разжирел, как боров.

— А чего мне? Живу, не тужу. Всё в пользу.

Машина стала спускаться вниз, к поселку. Почти в каждом доме горели огни.

— Белые медведи как там? — неожиданно спросил Васька.

Мишке было неловко перед незнакомками отвечать на вопросы, буркнул:

— Нормально.

— Чего? — недослышал Васька. — Говори громче...

— У них все хорошо!

Дорога к калитке была не расчищена, и калитка не открывалась. Дом стоял весь темный. Мишке пришлось перелезть через забор.

Мишка подергал дверь дома, она была закрыта. Постучал в окошко, ему не открыли. Он потоптался у крыльца и от нечего делать решил пройтись к заднему двору.

Шагая по дорожке, он еще издали увидел на снегу отражение света из окошка сарая.

Мишка с замирающим сердцем остановился у входа в сарай. Из-за двери до него донесся звук ударяющихся струй парного молока о дно ведра.

— Стой, что ли! Стой, кому говорю! — услышал он голос матери, покрикивающей на корову.

Мишка стоял, затаив дыхание, не в силах открыть дверь. К его ногам подбежал кот, затерся у ног. Мишка узнал Тимоху. Тимоху чуть припорошило снегом, он отрывисто замяукал, прося пустить его внутрь.

— Где гулял? Почему опаздываешь? — негромко допросил Мишка кота.

Тимоха поднял голову, заглянул Мишке в глаза, ему хотелось туда, в тепло, а Мишка все никак не мог решиться открыть дверь. Кот снова беззвучно замяукал, не спуская глаз с Мишки, и Мишка тихонько приотворил ему дверь. Дверь предательски скрипнула, Мишка услышал испуганный голос матери:

— Кто там? Кто там ходит?

У Мишки сдавило горло, он ничего не мог ответить.

— Кто там?!

Он услышал в голосе матери страх и поспешил сказать:

— Это я, мам...

И переступил порог.

Мишка смотрел на седую прядь волос матери между своих пальцев. Мать обхватила его руками и всхлипывала на плече. С седой пряди Мишка перевел взгляд на сарай. Корова жевала, в клети возились поросята. Кошки расселись по верхним балкам. У двери валялся клок выпавшей соломы. Кажется, он был дома.

Еще в сенях он услышал, как храпит отец.

— Наяривает, — прокомментировала мать.

Мишка открыл дверь и очутился в доме.

Через кухню Мишка прошел в большую комнату. На ощупь, привычным движением включил свет.

Прямо напротив двери висела большая икона, а под иконой такой же большой портрет брата в черной траурной рамке. Икону и портрет окаймля-

ли фотографии брата. Школьные, младенческие, цветные из ателье и маленькие любительские. А вокруг фотографий были пристроены картонные иконки разных форматов с Богоматерью и многочисленными святыми. На Мишку со стены смотрели мертвые бумажные глаза. Это был «иконостас» покойника. Мишке стало не по себе, он поежился. Мать тут же возникла за спиной.

— Большой портрет я в районе заказывала... Вроде зайдешь, легче становится.

Вся большая комната, чересчур чистая, с накрахмаленными и выбеленными накидками на подушках, на диване, на телевизоре, белыми тюлевыми занавесками была отдана в услужение покойнику. Только отец, спящий на постеленном на пол старом ватнике, с задранной майкой и выглядывающими из-под брюк семейными трусами, был единственным живым уголком в этой комнате. Мишке даже не захотелось идти дальше в свою комнату. Он сел у стола на кухне. Сел неуютно, словно сейчас встанет и пойдет дальше. Мать засуетилась рядом с ним.

— ...А я думаю, кто это? У нас ведь тут что творится, скотину крадут, из сараев крадут, из погребов... Вот так подойдут, стукнут по голове, и всё...

— Ты сядь...

— Да чего же сидеть? Ты есть будешь?

— Нет. Я не хочу.

Они сидели у стола. Мать уже не плакала, говорила как-то монотонно и отрешенно. Мишка, чтобы успокоиться, гладил ее по плечу.

— Он в тот день с утра ходил куда-то по делам. Его как Агатов уволил, он больше не работал, но какие-то дела вел... Мы поросенка резали. До свадьбы три дня оставалось... Он помогал, с нами тут весь день был. Потом вечером ушел в клуб... И я его больше не видела... На ночь не пришел, я подумала, у своей этой заночевал. Потом уже к обеду растолкала отца, чтобы он пошел навоз вычистил. Он пошел и сразу вернулся, я подумала, ключи забыл. Заходит он ко мне и говорит: «Игоря больше нет». А я сначала и не поняла, как это нет? Эти, следователи, говорят — сам он. А у нас никто не верит... С чего бы? Он веселый весь день был. Свадьба скоро. Решился же он... Он там с краю лесочка висел, наши пошли за силосом и увидели... Стали говорить, отец отомстит. Потому что всё на Сергея указывает. Они вроде дрались в тот день. Его даже спрашивали вроде, а он так как-то говорит, что он и не жалеет совсем. Но я отца к Сергею не пустила... Зачем? А теперь другое, в церкви не хотят землю запечатать. Говорят, самоубийство — большой грех. Вроде, если бы кто из родственников кровных молодых согласился бы взять это на себя, то тогда бы и Игорю простилось. А кто же? Кроме тебя, некому. Вот, мы, Миш, тебя все и ждем...

Мать подняла глаза на фотографии из иконостаса и святых.

Мишка кивнул, соглашаясь со всем, встал.

— Ладно, решим все... Ма, я к теть Кате схожу.

— Давай. Зови всех сюда. — Мать вытерла глаза, все-таки слезы были.

— Я тут пока доубираюсь, отца растолкаю.

Мишка с удовольствием сбросил сапоги, влез в валенки, набросил старый отцовский ватник и выбежал в сени.

— Ты по задам иди... Она калитку запутывает! — крикнула ему мать вслед.

Уже совсем стемнело. Мишка шел задами, лавируя между припорошенными большими навозными кучами у каждого двора. Под галошами поскрипывал снег.

Прямо на дороге Мишке встретилась целующаяся парочка. Парень обернул девушку полами своего полушубка, прижал покрепче. Мишка осторожно боком обошел их.

— Не примерзнете? Смотрите, отдирать больно будет.

Ему не ответили, парочка все так же целовалась.

Во двор к тетке Мишка зашел с заднего двора. Во всех окнах дома горел свет. Стекла в рамах задрожали, когда Мишка застучал в окно кухни. Тут же

на окошке раздвинулись маленькие занавески, и в свете появилась недовольная тетя Катя.

— По голове своей так постучи... Иди к двери.

Мишка немного удивился неласковому приему и зашагал к входной двери.

Дверь ему не открывали. Мишка потоптался на крыльце. Собрался уже было идти обратно к окну кухни, но тут услышал, как поворачивается ключ в замочной скважине. Тетка распахнула дверь. Мишка заметил, что локтем правой руки она что-то придерживает под боком.

— Еще раз так стукнешь, обслуживать не буду, — грозно сказала ему тетя Катя. — Деньги давай.

— Здрасти, — выпалил Мишка.

Тетя Катя пригляделась и тут только узнала племянника.

— Миша! — Раскинула руки, чтобы обнять, и на крыльцо из-под наброшенного на плечи ватника выпала и разбилась бутылка с самогоном. — Миша!!!

Тетя Катя крепко обвила ему шею и что-то запричитала, что Мишка не мог разобрать.

В сенях тут же отворилась дверь, и из дома выбежали встревоженные дядя Юра, муж тетки, а следом Лешка, двоюродный брат Мишки. Лешка — с железным штырем в руках. Остановились, увидев обнимающуюся хозяйку, и только потом разглядели в темноте Мишку. Лешка отбросил штырь в сени. Дядя Юра в сердцах обратился к супруге:

— Чего ты кричишь, дура? Орет, лишь бы орать. Здорово, Миш! — Дядя Юра нашел Мишкину руку, прижатую объятием тетки по швам, пожал. — Мы уже подумали, ее тут режут. Понимать же надо...

— Тебя я не спросила, орать мне или нет, — отстранилась тетя Катя, утерлась.

— Мать к нам зовет, пойдемте, — вставил слово Мишка.

Лешка, брат, прорвался к Мишке, хлопнул по спине, крепко обнял.

— Леш, я на кладбище хочу, — сказал Мишка, когда тетка и дядя Юра ушли в дом собираться. — Пойдем, покажешь.

— Может, завтра? Там не видать ничего.

— Нет, пошли сейчас.

Мишка и Лешка так же через зады вышли на улицу. Лешка вдруг остановился.

Мишка проследил за взглядом брата. Он смотрел туда, где все еще целовалась парочка. Лешка двинулся вперед. Мишка поспешил следом, хотя ничего и не понял. Те двое заметили их. Девушка оттолкнула парня и что-то отрывисто крикнула. Парень бросился в переулок между сараями.

В ближайший переулок вбежал и Лешка. Мишка старался не отставать.

Парень бежал быстро, они не догнали бы его, но на парня бросился сторожевший сарай пес, и парень был вынужден вернуться, чтобы свернуть в свободный проход. Лешка нагнал парня первым и толчком сбил с ног, потом тут же ударил валенком в живот. Мишка немного приостановился, но разбираться было некогда, и он стал помогать Лешке. Их удары глухо разносились в узком проходе между деревянными сараями.

Вдруг Мишка покачнулся, это девушка прыгнула ему на спину, обхватила шею руками, впилась зубами в мочку уха и оттащила от парня. Мишка собрался с силами и стряхнул девушку с себя. Она спиной завалилась в снег. Лешка тут же схватил ее за воротник и повел прочь от парня. Мишка пошел за ними. Оглянулся. Парень, пока не поднялся, но уже сел, кажется, сплевывал кровь.

— Тебе сколько раз повторять, чтобы я тебя с этим нерусским не видел?

— А что, нерусские не люди?

Мишка понял, что девушка — это Маришка, его двоюродная сестра.

— Я тебе покажу людей.

Лешка ухватил Маришку за ворот плюшки, наклонил сестру к сугробу и лицом опустил в снег.

— Люди?

Маришка молча отбивалась. Лешка немного приподнял ее, подержал, а затем опять толкнул лицом в снег.

— Ну хватит, чего ты... — вяло вступился Мишка за сестру.

— Ничего, пусть остынет, а то горячая очень... Вот что с ней делать, дура дурой.

Маришка повернулась к Мишке, собрала растрепавшиеся волосы.

— Привет... — улыбнулся ей Мишка.

— Еще один явился, — недовольно буркнула Маришка, выплевывая изо рта снег.

— Он чей? — спросил Мишка у Лешки, когда они в темноте брели к кладбищу.

— Ничей. Нацмен, бурильщик с вышек.

— Так вроде симпатичный.

— Когда ты его рассмотреть успел?

— Ну если ей нравится...

Лешка перебил Мишку.

— Была бы она твоя сестра, я бы посмотрел, чтоб ты спел.

— Со мной служили два парня из Осетии, нормальные...

— И со мной служили нормальные. Только ты не путай кое-что кое с чем... Они сюда приехали, им тут закон никакой не писан. Творят, что хотят. Люди должны жить там, где они родились... Потому что у каждого свои законы.

На кладбище снега было по пояс. Первым пробирался Лешка, указывая дорогу. Мишка шел за ним. Они переступили через одну из кладбищенских оград. Лешка остановился. От памятника торчала одна верхушка. Мишка присел у столбика памятника, руками разгреб снег до фотографии. Когда показался верхний полукруг рамки, Мишка снял рукавицу и уже рукой отер снег с фотографии брата. Лешка зажег спичку. Поднес. На Мишку снова смотрели глаза брата. Эта была та же фотография, что и увеличенная на стене. Но здесь брат был как-то ближе. Его глаза, спокойная линия рта. Лицо открытое, лицо хорошего человека.

— Вот и встретились, — сказал ему Мишка.

Потом пошли обратно к поселку. Молчание нарушил Мишка.

— Найду — убью.

— Чего? — глухо протянул Лешка почти удивленный.

— Ничего.

— Дурак ты, Мишка. Кого ты будешь искать, кого бить? Кому от этого легче будет? Глянь на отца, он усох в два раза... А ты еще в тюрьму полезешь? Забудь ты про это. Если хочешь знать, Игорь сам виноват, что его убили.

— А ты думаешь, кто это?

— Да какая разница.

— Теть Катя писала, и мать говорит, там Воронов был замешан...

— Замешан, — ядовито повторил Лешка. — Я тебя предупредить хочу, ты тут поменьше слушай их всех... Ты вот тут несколько дней походишь, тебе тут такого наплетут... Серега с Игорем дрались в тот день. И всё. А чего там было, ничего не понятно.

— Значит, он?

— Да ничего не значит! Не знает этого никто, и никто уже не узнает.

— Я узнаю.

Лешка сплюнул.

— Семейка идиотов. Почему у всех родня как родня, а у меня дурдом на отдыхе?

Мишка смотрел на отца и мать, как они постарели. Отец был совсем опустившийся и боялся поднять на Мишку глаза. Рука его неудобно, как плеть, висела и только охотно протягивалась к рюмке. Маришка тоже пила, принципиально сидела на углу стола и думала о чем-то своем. Лешка был мрачнее тучи. Дядя Юра налил себе воды в кружку.

— Миш, я за тебя. Для тебя сейчас главное — здоровье. Тебе жить за двух. Это долго, и здоровье понадобится.

Все протянули руки и чокнулись. Отец и сейчас не посмотрел на Мишку.

Мишка долго не мог заснуть на материнских перинах. Рядом стояла койка брата. А когда Мишка впал в дрему, то почувствовал, что кто-то коснулся его щиколотки. Мишка подскочил. На его кровати сидел человек. Мишке гадать не надо было кто это, он понял, что это брат. Мишка застыл, боясь пошевелиться. Но тут фигура, сидящая у него в ногах, тихо всхлипнула, Мишка облегченно вздохнул.

— Па, ты чё?

Мишка дотянулся до выключателя, включил свет, сел рядом с отцом и положил руку ему на плечо. Отец был пьян, плакал как-то неумело и что-то

бормотал про себя. Мишке стало неловко, он никогда не видел отца таким.

— Па... ну чего ты... Хватит.

Отец не унимался. Мишке надоела вся эта кутерьма.

— Слушай, пошли спать... Пошли?

Отец как-то сразу согласился. Мишка хотел уложить его на второй кровати в комнате, кровати Игоря. Но отец активно запротестовал. Тогда Мишка завел его руку себе за шею и, придерживая, повел в большую комнату. Помог лечь на диван. Сам сел рядом с отцом, похлопывая его по спине, как маленького ребенка, и отец, кажется, успокаивался.

Со стены на Мишку смотрели многочисленные глаза брата и святых с картонки. Мишка специально отвернулся, чтобы не видеть «иконостас», но чувствовал, что ему все-таки смотрят в спину.

Мишка стоял на улице чуть наискосок от двора, так, чтобы его не было видно из дома.

На крыше дома вертелся флюгер. Сам дом такой же типовой, как и все на этой улице, но сразу заметно, что у этого хозяина все хозяйство крепкое. Крыльцо и все дворовые постройки из хорошего добротного дерева. Крыльцо выкрашено. Снег подчищен до асфальта. На крыльцо из дома вышла светловолосая женщина, опустила тазик с постиранным бельем и уже на крыльце наспех повязала платок. За женщиной из дома выбрался мальчик лет двух. Женщина помогла спуститься сыну по ступенькам. Затем принялась снимать замерзшие простыни с веревки, висевшие тут раньше. Волосы выбивались, и она подобрала их под платок. Мальчик большой сосулькой сбивал другие, висевшие на невысокой крыше погребка.

— Павлик, не надо... Паша, хватит, — ласково-строго останавливал мальчика мягкий голос женщины.

Мишка сам того не знал, но глаза его щурились, глядя на все это, и взгляд этот не обещал ничего хорошего. Снег падал хлопьями, но Мишка даже не моргал.

Из дома вышел хозяин, невысокий, коренастый черноволосый мужчина.

Увидев его, Мишка стушевался, развернулся, положил руки в карманы телогрейки, втянул шею и быстро пошел прочь от дома.

В вагончике на «орошайке» отмечали возвращение Мишки.

Присутствовали Николаевич и Петрович, два старых наставника Мишки. Николаевич и Петрович были вместе чуть ли не с самого рождения и уже не могли не возражать друг другу. В углу, помалкивая, сидел шестнадцатилетний Тимофей, после восьмого класса взятый на место Мишки. У двери Петровича дожидалась небольшая дворняжка.

— Ну вот, вся наша инвалидная команда в сборе, — Николаевич, уже порядком захмелевший, закусывал шоколадным батончиком и вводил Мишку в курс дела. — Мишка, веришь, два насоса на честном слове все лето. Пока до ума их довели, пришла осень. В сентябре сделали их, стали лучше, чем были новыми, в октябре уже все потащили... Спрашивается, чего собирали? Лучше бы я себе забрал.

— Кто тащил? Ты небось и тащил, — предположил Петрович, слепо щурясь и делая самокрутку из бычков.

Николаевич не счел нужным отвлекаться на обвинения в краже.

Мишка слушал молча, вытащил кильку из томата и протянул собаке.

— В этом году не соберем, — изрек Николаевич.

— Соберем, — заслюнявил сигаретку Петрович. — Куда денемся...

— В общем, я, Миш, так тебе скажу, работы тут нет. Да и не надо тут работать. Вам деньги нужно зарабатывать, пока молодые... Это мы, пенсионники, от жизни в отпуске. У нас потребности только в спирте. Мы себе накачаем. А вам как-то богатеть надо.

В вагончик вбежала девочка лет восьми.

— Здрасти...

Дворняжка запрыгала при ее появлении.

— Здорово, Настя, — ответил Николаевич.

Настя подбежала к своему деду, Петровичу, и отдала сверток, который принесла. Петрович развернул сверток и выложил на стол печеные пирожки, недовольно поморщился.

— Вчерашние дала? Ей или жалко?

Настя пожала плечами.

— Да она ничего не делала нынче. У теть Клавы корову сегодня вывели, собаку отравили, она глядеть пошла.

— Давно не было, — Николаевич нашел в кармане еще один полурастаявший батончик, поправил ему форму и протянул Насте. — Юрка Бутов говорит, в прошлый раз, как скотину вывели, он как раз видел с вышек бурильщиков, они шли.

— Видел, — по привычке возразил Петрович. — Да мало ли зачем шлялись?

— А чего им тут делать в два ночи?

— К девкам приходили. Или за самогоном.

— Семь человек? Это кто у нас такая мастерица, к кому у нас по семь человек ходят?

— Настя, ты беги, нечего тут тебе сидеть... — забеспокоился Петрович о внучке.

— Антоша, пойдем, — позвала девочка дворняжку.

Разговор смялся.

— Вроде бы надо бы, как мне кажется, еще добавить, — предложил Николаевич.

— Я схожу, — встал Мишка.

— Ты с деньгами?

Мишка утвердительно кивнул.

— Тогда иди в директорский, — посоветовал Николаевич.

— Зачем? К Агатову пусть идет, — возразил Петрович.

— У Агатова она жженая какая-то.

— Ну и чего? Зато в два раза быстрее.

Мишка закрыл дверь и продолжение спора не услышал.

Мишка вбежал по ступенькам кирпичного крыльца в магазин. У окна стояли старушки. Их вялый разговор при появлении Мишки оживился. Глазки вцепились в него.

— Миша, вернулся?

Мишка кивнул.

— Брат не дожил...

— Молодой какой был.

Мишка не хотел вступать в разговор. Из подсобки вышла продавщица. В ней Мишка узнал вторую девушку, ехавшую с ним в машине Васьки Агатова. Присмотревшись, Мишка заметил в углу магазина и недовольную недотрогу, она пересчитывала коробки с чаем и что-то записывала в тетрадь. Девушка-продавщица, подойдя к Мишке, улыбнулась ему. Но он опустил глаза, сделав вид, что не узнает ее.

— Две бутылки, — Мишка кивнул на водку. — И карамельки на остальное.

Под надсмотром чужих глаз Мишка рассовал бутылки по карманам, присыпал их карамельками прямо с весов. И вышел.

Насосы, поднимаясь над времянкой «орошайки», уходили по верху в пруд, а из пруда далеко в поле.

Мишка и Тимофей ворошили железный лом, сваленный у времянки.

Тимофей вытащил железный штырь средних размеров, окликнул Мишку.

— Смотри, Мишк, какой... его подточить, тогда вообще зверь будет.

Мишка взял штырь в руки, оценил, кивнул: ему тоже нравится.

Когда начинало темнеть, Мишка, совсем уже пьяный, остановился у двора дома с флюгером. Снял крючок, толкнул калитку ногой. Прошел по прочищенной дорожке к дому. Женщина, которую Мишка видел днем, домывала крыльцо. Мороза не было. Из ведра шел пар.

Мишка остановился в нескольких шагах, просто смотрел, как женщина моет пол. Она почувствовала, оглянулась. Немножко вздрогнула от неожиданности.

— Миша...

Мишка подошел ближе. Харкнул, собрал побольше слюны и сплюнул на еще не успевшее высохнуть крыльцо.

— Сам дома?

— Ты к Сергею?... Проходи.

— Пусть сюда выйдет, — твердо сказал Мишка.

— Сейчас позову.

Мишка смотрел на женщину в упор. Она сняла галоши и поспешила

в дом. Мишка развернулся от двери, проверил железный штырь под бушлатом. Сергей в домашней байковой рубахе приоткрыл дверь. Мощная шея, наполовину цыган, черные глаза, черные волосы.

— Здорово... Чего?

— Выйди, поговорить надо.

Голова Сереги исчезла. Было слышно, как он в темноте обувается. Наконец вышел.

— С приездом, — немного насмешливо сказал он Мишке.

— Ты думал за Игоря заступиться будет некому?

Серега усмехнулся в ответ. Мишка вытащил заготовленный штырь. Серега успел увернуться и схватить штырь за другую сторону. Потом штыря не оказалось у Мишки в руках, и он его увидел только очень близко перед глазами. Удара он почти не почувствовал, отлетел к забору, упал лицом на штакетник. Зоя молча выдирала штырь у мужа. Наконец Сергей отдал ей штырь.

— А ну, в дом! — услышал Мишка команду Сергея, как ему показалось где-то совсем далеко. — Чтобы я тебя здесь больше не видел. Понял? — Это уже относилось к Мишке.

Для большей убедительности Сергей придавил руку Мишки каблуком сапога. Послышались шаги к дому, громко хлопнула дверь. Мишка остался лежать в полной темноте. Наверху стучали голыми ветками деревья. Мишка полежал в покое, затем поднялся. Пошел к калитке, под ногами звякнул штырь, с которым он пришел. Мишка поднял его, чуть обогнул дом и с размаху запустил в светящееся окошко. И тут же, что есть силы, бросился бежать прочь.

Мишка промазал, штырь ударился о раму, не причинив стеклу никакого вреда. Он увидел это, когда оглянулся, но побежал еще быстрее.

Мишка спал на высокой перине, не удержался, упал свысока. Ударился о комод головой. Это уже и так было чересчур.

Мишка смотрел на себя в зеркало и не узнавал. Губа была рассечена, подбородок тоже. На лбу — синяк. Все лицо где припухло, где посинело.

Мишка открыл холодильник. Он почти весь был заставлен банками со сметаной и топленым маслом. Чертыхаясь, Мишка расшвырял банки и нашел то, что искал, — трехлитровую банку с огурцами. Слил рассол в кружку. Захватил из морозилки пригоршню льда. Затем сел за стол в кухне и стал грызть лед, запивая его рассолом. Разглядывал «иконостас» в дверном проеме в комнату. Было похоже, что все его жильцы смотрят на Мишку. Мишка приподнял кружку с рассолом, кивнул святым:

— Ваше здоровье.

В таком виде его и застал вошедший Васька Агатов.

— Здорово. Празднуешь? — оценил Васька внешний вид Мишки.

Мишка кивнул. Тут же ойкнул, голова разболелась.

— Ходить можешь?

— Угу.

— Пойдем к нам, отец хочет с тобой поговорить.

Машина Васьки свернула на улицу, в начале которой был клуб. Сразу за клубом стоял кирпичный магазинчик, недавно выстроенный, в котором Мишка встретил девушек. Васька ткнул пальцем.

— Это наше.

Они проехали еще немного. В одном из переулков показался киоск, сваренный из листов железа.

— Этот наш.

Еще один киоск стоял у самого дома. На видном месте был приделан звонок. Как раз когда Васька и Мишка подъехали, на кнопку звонка жали двое мальчишек. Васька остановил машину, распахнул дверцу.

— Чё надо?

— Жвачку, — ответили ему.

Васька вытащил ключи, в развалку, по-хозяйски направился к киоску.

В теплых сенях на полу стояли чисто вымытые три пары кирзовых сапог и три пары изящных, модных, с острыми носками ботинок.

На них Васька внимания не обратил.

Петр Иванович угощал щедро. На столе было изобилие: картошка вареная, картошка жареная, сало, колбаса, гри-

бы, оливки, киви, яблоки и дорогая водка. Таисья Васильевна, жена хозяина, оглядела стол: что бы еще поднести.

— Иди, мы сами управимся, — выпроводил ее хозяин.

Прихрамывая из-за больных ног, Таисья Васильевна ушла в соседнюю комнату.

Мебель в доме была простенькой, неновой. Из современных достижений в комнате красовался телевизор с большой диагональю. Васька захотел продемонстрировать и его, но по экрану телевизора шли рябь и полосы.

— Это сейчас плохо... — признал Васька, активно нажимая кнопки настройки на пульте. — А вот в шесть часов волны повернутся, и как на блюдце.

— Сядь, — прикрикнул приказным тоном на Ваську отец. — Не маячь.

На хозяине дома был костюм, на брюках острая стрелка. Видно, он недавно вернулся из города. Петр Иванович с прищуром смотрел на Мишку. Мишка заметил это, отвел глаза. Хозяин налил водки в стопку Мишки.

— Ты угощайся, извини, я за компанию не могу... Больше не пью.

Ваське пришлось наливать себя самому.

— С Серегой подрался? — спросил Петр Иванович.

Мишка промолчал. Только еще больше отвернулся, чтобы выглядеть менее побитой стороной.

— Чего полез?

— Захотелось.

— Закусывай... Чем заниматься думаешь дальше?

— Не знаю пока.

Уставившись в тарелку, Мишка крошил вилкой картошку.

— Я могу помочь. Мы еще с Игорем обсуждали это дело...

Мишка наконец посмотрел прямо на Петра Ивановича.

— Я в торговле не очень... Меня в школе по математике еле натянули на три... Это Игорь у нас...

— А я тебя в торговлю не зову. У нас сейчас участкового нет. Место свободно. У меня есть выходы в районе, могу поговорить насчет тебя. Как ты?

— Я же ничего не знаю...

Для Мишки предложение было неожиданным.

— А чего там знать? Оружие знаешь?

— Знаю.

— Главное — отслужил. Всему остальному тебя в пять минут научат, — Иванович усмехнулся. — Хорошая работа. Сам бы пошел. Живешь себе один. Начальство далеко. Бензина хватит раз в два месяца наезжать.

— И то не хватит, — вставил Васька.

— Телефонная связь плохая. Тоже не позвонят. А позвонят, так это их проблемы. Вы звонили — мы не слышали. Сама зарплата не очень... Но тут важно, не сколько будут платить, а сколько можно взять. У нас вон до пяти машин каждый день приезжают. С бумагами не все в порядке. Нет, должность хорошая, найдутся люди, кто будет нести.

Мишка молчал. Петр Иванович всматривался в него, пытаясь понять настроение.

— Ну, как тебе?

— Мне надо подумать. Спасибо, — коротко проговорил Мишка.

— Подумай, подумай... А спасибо не за что говорить, я это больше для Игоря делаю, очень он переживал, как у тебя все будет. Пристроить тебя к жизни вроде как обязанность моя перед ним.

Васька пошел провожать Мишку. Мишка по привычке хотел было свернуть вправо, к дому. Но Васька приостановил его.

— Пойдем в гости сходим, Анька звала тебя. Познакомиться хочет.

Мишка неуверенно посмотрел на Ваську.

— Давай, время детское...

Васька подтолкнул Мишку влево.

Домик был крайним на улице и во всем поселке. Он даже стоял не в конце улицы, а дальше, отдельно, через два разрушенных дома. Мишка неуверенно, оглядываясь, поднимался по ступенькам крыльца. Васька сбросил сапоги на крыльце. Мишка последовал его примеру, но из-за волнения все никак не мог разуться. Васька молча ждал и наблюдал за попытками Мишки

сбросить сапог, потом втолкнул Мишку в сени.

Приоткрылась дверь из сеней в дом, показалась светлая комната. В комнате сидели две девушки, простые и домашние, в одинаковых бордовых байковых халатах. Коротко стриженная недотрога сидела за столом и вела какие-то записи в тетради. Ее полненькая подруга гладила на том же столе постиранное белье. Увидев Мишку на пороге, девушки растерялись от неожиданности, переглянулись. Мишка и сам чувствовал себя не лучше. Васька по-свойски прошел в комнату, а он так и остался стоять в дверях.

— Мишка хочет познакомиться. Вот привел, — огласил Васька. — Ты чё там встал? Дверь закрой и заходи.

Мишка послушался. Васька достал бутылку водки, выставил ее на стол.

— Сладкое к чаю! — Сел у стола, попытался заглянуть в тетрадь, но девушка прикрыла ее. — Что, Анюта, бухгалтерия не сходится?

Аня промолчала, села на тетрадь, закурила, поглядывая на Мишку. Полненькая убрала утюг на плиту, подала Мишке стул. Мишка сел. В комнате наступила тишина. Васька обвел всех спокойным взглядом.

— Ну, чего вы? Беседуйте. Знакомьтесь.

— Ты на брата не похож, — Аня прямо посмотрела на Мишку.

Мишка согласно кивнул.

— Он в мать, а я в отца.

— Мы чуть родственниками не стали.

— Я знаю...

Люба выставила на стол четыре рюмки и вазочку с конфетами и печеньем.

— Вы на диете? — отреагировал Васька.

Люба демонстративно не ответила ему, обратилась к Мишке:

— Кто тебя таким красивым сделал?

Голос у Любы был мягким, как ее белое мягкое тело.

— Красивым — сам... Вы сестры? — решился спросить Мишка. Сравнил девушек, поправился: — Двоюродные?

Аня обняла Любку за плечи.

— Мы с Любкой роднее родных.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Лёнька. Он был очень высокий, стоя на пороге, согнул шею, потому что упирался о верхнюю балку двери. На большом туловище сидела маленькая, немного вытянутая головка олигофрена. Стесняясь, Лёнька улыбнулся, опустил вниз чистые голубые глаза.

— Ты з-здесь? — спросил он Ваську, растягивая слова. — А я тебя ищу, ищу везде.

— Лёньчик, заходи, — позвал его Васька.

Лёнька еще шире заулыбался от удовольствия, что его пригласили. Зашагал к столу, сел напротив Любы.

— Зд-дравствуй, Люба.

На Мишку и Аню Лёнька внимания не обратил.

— Привет, — буркнула Люба.

— Люба, ну давай, чего ты сидишь, — поторопил Васька Любу. — Греется же.

Мишка опьянел, но никак не мог решиться встать и уйти. Лёньчик смотрел на вырез Любиного халата все с такой же тихой улыбкой.

— Люба, Мишке надо помочь, — начал Васька. — Он с армии, ему все надо, трусы, майки...

— Да это-то, пожалуйста, — с готовностью отозвалась Люба.

— Не надо мне, — отрезал Мишка.

— Давай, Мишка, пока предлагают, — подзадоривал Васька. — Местный кутюрье, все шьют, никто не жалуется.

— Никто, — серьезно подтвердила Люба, — мне вся вышка заказывает.

— У меня есть, — пробурчал Мишка.

— Еще будет, — мягко уговаривала Люба. — Пошли, сейчас мерочки сниму. — Люба взяла Мишку за руку. — Пошли, пошли, что ж за неохота такая?

Лёньчик по-детски растерянно смотрел, как Люба уводит пьяного Мишку.

Мишка неотрывно смотрел на небольшую фотографию брата в модной пластиковой рамке, стоящую на комоде в спальне Любы и Ани, и не заметил,

как Люба близко-близко подошла к нему, обхватила талию метром.

— Как стебелек... — прокомментировала Люба мерку.

Она немного присела, смерила бедра Мишки, глянула на результат и только тихо глубоко вздохнула. Мишка набрался смелости и глянул в глубокий вырез Любиного халата.

Утром, когда Мишка зашел во двор тетки, Лешка выбивал мешки, белые облачка пыли вылетали из них. Мишка сел на сваленные под сараем доски.

— Ты откуда так рано?

На этот вопрос Мишка не ответил, задал свой:

— Маришке когда в школу?

— Это только она решает, когда ей в школу.

— Я еду в район... По делу... Надо меня припудрить как-то. А то смотреть страшно.

— Давай, у нее этого добра — комната. А зачем в район?

— На работу буду устраиваться.

— Чего? На какую работу? — не понял Лешка.

— Участковым.

Лешка удивленно взглянул на брата.

— Перепил, что ли?

— Так надо, — упрямо сказал Мишка.

Лешка забыл про мешки.

— Я не понял, с чего ты это решил?

— Меня Агатов устроит. Мы договорились с ним.

Каждое слово Мишки приводило Лешку к еще большему удивлению.

— Мишка, ты совсем дурак, что ли? Ты куда лезешь? Куда? Соображаешь?

— Куда мне надо, туда и лезу.

Лешка завис над Мишкой.

— Не поедешь ты никуда.

— Поеду.

Мишка ответил легкой улыбкой, по которой было понятно, что с ним могут делать все что угодно, но он все равно поедет.

— Зачем тебе это все? — Лешка искал слова, чтобы отговорить брата. — Да ты знаешь, зачем Агатов тебя туда сует? У него магазин и киоски. И у директора. Они собачатся друг с другом. Он тебя натравливать будет. Ты соображаешь?

— Пусть, — соглашался Мишка. — Меня это мало волнует.

Лешка сплюнул в сердцах.

— Я так понимаю, оградку Игорю нужно пошире делать, ты тут не собираешься задерживаться.

Маришка выставила Мишке стул.

— Садись к окну. Ближе.

Маришка достала косметичку, разложила на столе ее содержимое.

— Глаза закрывать? — спросил Мишка.

— Как хочешь.

Мишка закрыл.

Маришка начала колдовать над ним. Мишка, пользуясь случаем, решил провести с сестрой профилактическую беседу.

— Нечего злиться. Тебе наших, что ли, мало? Не обижайся, сама подумай, зачем ты ему сдалась? Они тут нефть покачают, и всё, и поехали дальше. А наши все здесь.

— Да на ваших страшно смотреть, нет рож кривее.

Маришка повыше запрокинула подбородок Мишке.

— Осторожнее, — пожаловался Мишка.

— Привет, — вдруг раздался негромкий голосок девушки. — Можно?

— Заходи, Катюха, щас пойдем, — пригласила Маришка девушку.

Мишке стало неловко.

— Что это вы делаете? — спросил голосок.

— Ничего, это брат мой. В человеческий вид его привожу.

Девушка прошла рядом и села чуть сбоку от Мишки на трюмо, до нее было не больше метра.

— Ой, где это так? — девушка наконец разглядела Мишку.

Мишка невзначай приоткрыл глаза, увидел колени в телесных колготках и тут же зажмурился.

Маришка, не жалея пудры, гримировала Мишку.

— Он сам, думаешь, знает. Сиди, не елозий, — прикрикнула. — Морда у тебя — не замажешь, сейчас всю пудру переведу.

— А тут вот еще какая-то вмятина...

Девушка почти коснулась лица Мишки.

У Мишки нервно задергался глаз.

— Может, хватит? — предположил он.

— Сиди...

Маришка не считала, что работа закончена.

— Да хватит!

Мишка от смущения встал и, не глядя ни на кого, вышел из комнаты.

Он столкнулся с Лешкой в калитке. Лешка разгружал комбикорм с подъехавшего трактора.

— Пошел я, — сказал Мишка брату.

Лешка сделал вид, что не расслышал.

Метрах в пятидесяти остановились «Жигули» Васьки. Машина засигналила. Мишка помахал Ваське, показывая, что он здесь, и пошел к машине. И тут Лешка окликнул его:

— Мишка! — Голос Лешки звучал тревожно, как будто предлагая брату в последний раз передумать. — Мишка...

Мишка оглянулся.

— Ты хоть оботрись, — посоветовал ему брат. — А то там подумают, что ты ориентации не самой правильной.

Мишка послушно взял в ладони снег и, вытираясь, размазывая пудру по лицу, пошел вперед к машине. Лешка видел, как Мишка сел на заднее сиденье, где уже сидел сам Агатов. Машина, немного побуксовав, покатила по дороге.

Мишка набил свой мешок и пошел помогать матери. Силоса в яме оставалось немного, зима закончилась. Снега даже в полях, которые начинались сразу за силосной ямой, не осталось.

— Сколько платить будут? — спросила его мать.

— Я не спрашивал, как всем.

От силосной ямы к поселку вела одна дорожка, сначала мимо пустых ферм, а затем вдоль небольшой редкой лесополосы. Тропинка, несмотря на весеннюю слякоть, была хорошо утоптана, слишком много народу ходило по ней каждый день.

У лесополосы мать остановилась, сошла с тропинки и подошла к дереву. Она перекрестила дерево, затем себя. Мишка помог ей снять мешок, опустил свой. Мать обняла дерево, подняла голову вверх к черной кроне.

— Вот и мы... — сообщила она дереву. — В воскресенье поедем в церковь. Станет тебе легче. Миша вот согласился грех твой взять на себя. Видишь, какой у тебя брат?

По тропинке к силосной яме с пустыми мешками шли поселковые, они поздоровались.

— День добрый.

— Добрый день, — ответила мать.

Мишка сухо кивнул, отвел глаза. Ему было неловко, что их застали тут, когда мать разговаривает с деревом. Когда поселковые отошли в сторону, он поторопил:

— Ладно, хватит, пошли, — и опустил ей на спину мешок с силосом.

Мать прогнулась, наклонилась и пошла вперед.

Мать шла по тропинке впереди, Мишка плелся за ней.

— Какой-то ты, Миш, не такой у меня... Сухой. Игорь вот всегда и поговорит, и успокоит, а ты нет... как отец.

— Какой есть, — буркнул Мишка.

— Когда же ты готовиться думаешь?

— А чего думать, я готов.

— А как же? Поститься надо, молитвы читать. Думать, вспоминать брата. Говорят, отец Василий строго спрашивает и, у кого нет согласия, говорят, отказывает. Он словам не верит, а как-то вот чувствует внутреннее согласие. Он мне сам сказал, если есть в вашем сыне внутреннее согласие, значит, сделаем...

— Да согласен я, согласен! Чё ты пристала? — наорал Мишка на мать.

Мать замолчала, они вышли на улицу, в дырявых калошах матери захлюпала вода.

— Миша...

— Чего?

— Да тебе жалко Игоря-то?

Мишка скривился, он устал от разговора с матерью.

— Жалко.

— Не видно что-то.

— А что, деревьям надо плакаться?

На этот раз мать замолчала совсем.

Красные резиновые сапожки обхватывали девушку по икре, немного проседали в грязи, она старалась идти уверенно, но сапоги скользили.

Мишка шел по поселку. Катя шла впереди в нескольких шагах. Мишка хмурился, не решаясь догнать девушку, и все смотрел на ее ноги. Катя поскользнулась у края лужи, Мишке показалось, что она сейчас упадет. Он даже дернулся, чтобы помочь, но как-то сразу и остановился, ожидая, что будет дальше.

Катя же сохранила равновесие, не оглянулась, прибавила шагу. Так они дошли вместе до площади перед клубом. Катя перешла через площадь и зашла во двор своего дома, Мишка прошел мимо, он шел по своим делам.

Подходя к дому Агатовых, он услышал странные звуки. Они доносились с заднего двора. Мишка пошел туда и у калитки остановился.

Петр Иванович бил Ваську, тот покорно прикрывался рукой от ударов отца. Петр Иванович притер Ваську к стене сарая. Бил от души, выкладываясь, пот тек по лицу. Не получая от Васьки никакого отпора, он еще несколько раз ударил его, потом остановился, развернулся и пошел прочь.

Мимо Мишки он прошел, как будто Мишки тут не было. Мишка услышал его одышку, успел заметить вымученное лицо и то, что Петр Иванович держится за сердце. Мишка направился к Ваське, присевшему на дрючок, на котором рубали кур, там еще и сейчас были окровавленные перья. Васька утирал разбитый нос. Он был зол.

— Вы чего тут? — спросил Мишка.

— Ничего... — ответил Васька и тут же весело улыбнулся... — Небольшие неприятности в бизнесе.

— Какие?

— Маленький еще... — ответил Васька и тут же поднялся. — Слушай, иди к нему. Придержи его.

Мишка видел, как Васька быстро вышел на улицу, а на улице побежал. Мишка хотел войти в дом, даже стащил ботинок, но дверь открылась, Петр Иванович вышел на улицу, голова его была мокрой, видно, он вылил ушат воды себе на голову, мокрые волосы были расчесаны на прямой пробор.

— Здорово, — буркнул он Мишке и, не останавливаясь, пошел к калитке.

Выйдя за калитку, Петр Иванович направился к дому девчонок, туда же, куда побежал Васька.

Аня, Люба и Васька сидели вокруг стола, Петр Иванович стоял перед ними, кричал:

— Посажу, посажу обоих!

Васька ухмыльнулся, чтобы снять напряжение, улыбнулась и Аня, их улыбки окончательно разозлили Петра Ивановича.

— Ты чего смеешься, дура? Он, ладно, он мне родственник. Его трогать себе дороже, вернется совсем придурком, мучься потом с ним. А ты никто.

Аня пожала плечами.

— Сажай.

Петр Иванович не смог скрыть грусти в глазах, он тут волновался больше, чем все остальные.

— Не веришь? Думаешь, буду вокруг тебя кругами ходить? Не буду. — Прошел к столу, сел. — Чего тебе не хватало? Деньги нужны были, так и сказала бы, я бы тебе их дал.

— Просить неинтересно, — тихо ответила Аня.

— Петр Иванович, ты как-то нервничаешь много, — подал голос Васька.

— Тебе же запретили. Береги здоровье.

Петр Иванович встал, направился к двери, у порога рядом с Мишкой остановился.

— В общем, так, к магазинам больше не подходить. Все уволены. Все! — Он обвел пальцем присутствующих в комнате, затем остановил взгляд на Ане. — Ты на глаза мне не попадайся! — В заключение положил руку Мишке на плечо. — Ты — работай.

Петр Иванович вышел. В комнате повисло молчание. Васька посмотрел на Аню.

— Я думал, будет хуже.

Аня не ответила, ушла в комнату, не прощаясь. Люба поспешила за ней.

Васька перевел взгляд на Мишку.

— Ну чё, один ты у нас теперь при деле.

Мишка сидел чуть в сторонке от стола. Это был его первый день, его кабинет.

Но пока за его столом сидел следователь из района. Парень не намного старше Мишки.

— Так вы их видели?

— Видел... — признался Гудков.

— Рассмотрели?

— Да нет... Я не выходил. Так посмотрел...

— Сколько их было?

— Не считал... Возились они там... Может, три, может, десять.

Следователь добросовестно записывал показания.

— Никого не опознаете?

— Да далеко, темно, не видать...

— А когда это все было?

— Да вроде недели две назад.

— Не две, — встрял Мишка. — Двадцать четыре дня прошло. Я в тот день вернулся.

Мишка вышел проводить следователя. Тот пожал руку Мишке на прощание.

— У тебя первый день сегодня?

— Да.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Ну, служи.

Сел в машину. Машина почти сразу рванула с места, обдав брызгами белый столбик крыльца «Совета». К Мишке и Коле Гудкову, смотрящим вслед машине, подошел Николаевич.

— Всё? Отработали?

— Отработали... — тихо отозвался Коля.

— Ну что же, главное, не надорвались, — подытожил Николаевич.

Мишка вернулся в комнату, сел на свое место за столом, постарался придать лицу значимости. Открыл ящик, там валялись старая бумага и несколько скрепок. Мишка задвинул ящик.

Когда стемнело, Мишка подошел к дому с флюгером. У калитки со значением одернул свою новенькую форму. Зоя убиралась в сарае. Мишка крикнул с улицы:

— Зойка, выйди!

Зоя вышла, вытирая руки.

— Мишка, — Зоя понизила голос, — тебе чего?

— Поговорить надо с тобой.

Зоя оглянулась.

— Иди на зады, я сейчас подойду.

Мишка не стал возражать, вышел за калитку. Остановился, по-деловому широко расставив ноги. Зоя вышла почти сразу, кивнула головой, вопрошая, что ему понадобилось.

— Пришел вот спросить тебя, — начал Мишка.

— Про что?

— Как ты живешь?

— Как живу? Так вот живу.

— Да? — Мишка явно чувствовал превосходство. — Про Игоря часто вспоминаешь?

— Знаешь что, не твое дело, что я вспоминаю.

— А чье же? Сергей где в тот день был, когда вернулся? — Мишка одернул форму. — Ты смотри, мне сейчас врать нельзя.

— Не уходил он никуда. Я привела его от клуба, когда они дрались, и всё...

— Дрались из-за тебя?

— Да прям из-за меня.

— Просто так люди драться не станут. Игорь вообще никогда в драку не лез.

— А вот этого я уже не знаю. Что там, как там.

— Сергей что тебе потом говорил?

— Ничего. Он со мной про это не разговаривает.

— Слушай, Зой, — Мишка как-то сразу попростел и перестал играть в следователя, — а ты его спроси как-нибудь, между прочим. Вроде так, интересно тебе.

Зоя грустно улыбнулась.

— Не буду, Миш, я ничего спрашивать.

— Что так? — Мишка сразу снова посерьезнел.

— Не надо тебе никуда лезть.

— Чего, забоялась за своего?

— За тебя боюсь...

Калитка открылась, они вдвоем оглянулись. К ним, не спеша, шел Сергей. Из-за темноты лица его не было видно.

— Миша вот... — сказала ему Зоя. — Он теперь в милиции.

Сергей остановился рядом.

— Документы, что ли, проверяет? Не темновато?

— Да он так... — Зоя перевела взгляд на Мишку, — мимо пробегал.

Мишка молчал, он находился в полной уверенности, что сила за ним, и ничего объяснять не был намерен. Сергей это понимал.

— Зой, ты иди домой. Павлушка там один.

Зоя встревоженно взглянула на мужа, затем на Мишку.

— Иди, иди, нам поговорить нужно, — настаивал Сергей.

Зоя, семеня, пошла к калитке. Сергей смотрел жене вслед, потом сказал Мишке:

— Вот что я хочу тебе сказать, это были наши дела, тебя они не касаются.

— За что дрались?

Сергей в ответ помолчал и повторил:

— Все, что было наше с Игорем, было наше. Тебе это не надо. А у тебя и меня свои дела будут... Пива не хочешь? У меня в холодильнике есть.

— Если ты ни при чем, хорошо, значит, ни при чем. А если нет... то нет, — ответил Мишка и пошел дальше по улице.

Мишка стоял перед шифоньерным зеркалом. В шифоньере на вешалках висела одежда брата. Его рубашки, его брюки. А под защитой целлофана находился новый черный костюм, почти такой же, как у Агатова.

Одежда брата болталась на Мишке. Но матери, которая стояла рядом, нравилось. Она заставила Мишку перемерить все рубашки, но не выдержала, заплакала, ушла.

Мишка рассматривал себя в зеркале. Одежда брата делала его серьезнее, взрослее.

На следующий день они все трое — мать, отец и Мишка — стояли у могилы Игоря. Все трое были в «парадном», в специальной одежде, в которой выезжали только в город. Мать взяла горсть земли, положила в чистый платок, завязала. Понесла в руках. Отец и Мишка взяли сумки со сметаной и молоком, пошли за ней. Отец немного прихрамывал.

— Ты чего? — спросил его Мишка.

— Туфли давят, — поморщившись, пожаловался отец.

Туфли на отце были новые, блестящие.

Молочный ряд был длинный, бабы стояли прямо на тротуаре. Пока мать торговала, Мишка и отец просидели рядом. Больше молчали. Отец все смотрел на Мишку, курил. Спросил:

— Не страшно?

— Нет, — отрезал Мишка.

Мать купила три свечи у старушки на входе, одну взяла сама, по одной отдала Мишке и мужу. Поставила перед образами. Отец и Мишка все в точности повторили. Мать тронула Мишку за рукав, показала, чтобы он шел за ней.

У двери, уводящей куда-то внутрь, его ждал священник в черной рясе.

Отец Василий привел Мишку на свою половину.

— Садись, — указал на стул.

Тут у него зазвонил телефон, и он ушел разговаривать в соседнюю комнату. Разговор длился долго. Мишка устал ждать, осматривал комнату. А когда поднял глаза на дверь, то увидел, что отец Василий остановился и пристально смотрит на него. Мишка вздрогнул, таким тяжелым и страшным показался этот взгляд. Отец Василий взял стул и сел напротив Мишки.

— Что, любил ты брата?

— Да, — тихо ответил Мишка, отводя глаза.

— Как вы жили с ним? Дружно?

— Да, — так же сдавленно ответил Мишка.

— Не дрались?

— Нет, — Мишка наконец смог поднять глаза на отца Василия. — Игорь, он старше меня... и вообще не дрался.

— А что, грех брата взять мать уговорила?

— Нет, — запротестовал Мишка, — я сам, Игорю нужно помочь, я помогу.

— И что ты про это понимаешь?

— Про что?

— Про грех.

Мишка глотнул воздух — его поймали, — опять опустил глаза, пробурчал:

— Грех есть грех. За него наказывают.

Что пели в церкви, Мишка не мог разобрать ни слова. Отец и мать стояли

позади него. Мать рьяно крестилась, отец тоже осенял себя крестным знамением, но всегда опаздывая. Мишка тоже старался. Больше всего он смотрел на горсточку земли, лежащую на платочке невдалеке от него. Там что-то сейчас происходило.

Землю из платочка на могилу брата Мишка высыпал сам.

— Вот и все, — сказала мать. — Теперь тебе будет легко.

Мишка уже подходил к дому девчонок, когда его обогнал бензовоз с надписью «Огнеопасно». Бензовоз остановился у дома девчонок, из кабинки почти вывалилась Аня. Машина поехала дальше, Аня же пошла во двор, задевая калитку, даже издали было видно, что она пьяна.

— Как воняет нефть их, — возмущалась Люба, стаскивая с еле-еле сидящей на стуле Ани свитерок.

Мишка остановился в дверях. Кроме девчонок на кухне присутствовал Лёньчик, он делал вырезки из газет по лекалам, помогая Любе.

— Лёнь, воды принеси... Где ты валялась?

Мишка заметил, что вся одежда Ани была перепачкана липкой грязью.

— Мазут, что ли? Лёнь, поставь воду в большую кастрюлю и неси еще.

Лёнька с готовностью начал исполнять все приказания. Аня уже в одном бюстгальтере направилась к Мишке, обхватила руками и поцеловала.

— Анька, не трись об него. У него форма новая. Иди, — Люба, смочив полотенце в воде, толкала Аню в спальню, — иди, оботру тебя и ложись.

Аня успела послать Мишке воздушный поцелуй, и Люба затолкала ее в спальню.

Мишка сел у стола, подождал, когда Люба вернется.

— Что с ней? — спросил Мишка.

— Гуляет. Иваныча нет, теперь ей никто не указ.

Люба налила в таз воду, стала застирывать Анины вещи.

— А чего она к бурильщикам пошла?

— Дружит она с ними.

— Давно?

— А ты что, форму надел — сразу следователем стал?

Мишка усмехнулся, но продолжал:

— И ты с ними дружишь?

— Я знакомства вожу полезные.

— И как вы с ними познакомились?

— Чего же нам с ними не познакомиться? Они тут чужие, и мы чужие, получаемся друг другу свои. А знакомил нас Игорь.

Мишка удивился.

— А Игорь откуда их знал?

— Знал, он им товар возил, доверенное лицо он у них был... что ни попросят, делал.

— Понятно, — протянул Мишка.

Он вышел на крыльцо, шагнул вперед и тут же получил удар пустой бутылкой по голове. И рухнул вниз.

Когда он очнулся, над ним склонились встревоженные Люба и почти протрезвевшая Аня.

Мишка лежал на полу в кухне посреди огромной лужи. За спинами девчонок стояли пустые ведра, которые все были вылиты на Мишку.

— Слава богу, — сказала Люба, увидев, что Мишка открыл глаза.

— Привет, — улыбнулась пьяной улыбкой Аня.

— Что это? — спросил Мишка.

Аня засмеялась в голос.

— Лёньчик, сволочь, ударил тебя, — объяснила Люба.

— Это ревность, — смеялась Аня.

Люба поддела Аню локтем.

— Хватит, бери его за ноги.

Девчонки взяли Мишку и потащили в спальню.

— Ну, Лёнька, хорошо еще не сильно ударил, промахнулся, — Люба была напугана и серьезна. — На порог больше не пущу.

Аня села на кровать к Мишке, попыталась расстегнуть пуговицу.

— Давай снимай мундирчик.

— Не надо, — застеснялся Мишка.

Анька тут же поднялась.

— Стесняешься? Ну сам давай. Я отвернусь. Или не надо?

Мишка лежал под одеялом, одетый в бордовый байковый халат Любы, Аня протянула ему бутылку.

— А вот и «скорая помощь».

Мишка принял бутылку.

— Ты меня зря стесняешься. Я много чего такого видела.

Начали пить. Мишка глотнул первый, передал Ане.

На пороге появилась Люба.

— Ты бы поменьше говорила.

— А почему бы мне не поговорить? Он мне почти родственник.

— А вы откуда к нам? — решил расспросить Аню Мишка.

— Иванович завез по любви.

— А его ты откуда знаешь?

— А он мой принц.

Мишка внимательно слушал Аню.

— А у тебя родни нет?

— Почему нет? Есть. Живы-здоровы.

— А к ним чего не едешь? — спросил Мишка.

Аня рассмеялась.

— Да была я там уже... И там была, и где только не была... И где только не буду. Пока вот тут с тобой сижу.

— Ты где бродишь? — крикнула ему мать от крыльца. — Тебя ищут. У теть Люси Петраковой корову увели сегодня ночью. Беги к ним.

Мишка стоял в сторонке, старательно жуя жвачку и стараясь дышать в сторону. Тетя Люся Петракова плакала где-то тихо в сарае. Ее муж зло вырыл яму в навозной куче, бросил туда труп собаки и заваливал его. Сарай был распахнут. В самом дворе собрались соседи. Мишке надоело стоять, и, тронув хозяина за рукав, он сказал:

— Дядь Лёш, вы потом зайдите заявление написать на следствие.

Дядя Леша недовольно кивнул. Мишка развернулся и пошел к калитке. В этот момент ко двору на лошади подъехал незнакомый мужчина в дождевике. Мишка удивленно взглянул на него. Мужчина привязал лошадь у изгороди, вошел во двор, как-то по-свойски кивнул Мишке, но ничего не сказал, прошел к дяде Леше.

— Вы хозяин?

Петраков кивнул.

— Можно я осмотрю сарай?

— Смотрите, если надо.

Деловитость приезжего заставила Мишку вернуться. Приезжий взял в руку сломанный замок, но как-то без интереса. Сейчас Мишка мог лучше рассмотреть его. Он был уже седовласый, лет пятидесяти пяти. Мишка зашел в сарай за ним. Приезжий это заметил, но заговаривать с Мишкой не стал.

— Как они вывели? — спросил он у хозяйки.

— Да через сеновал... У нас там ничего не осталось. Пустой весь.

Приезжий открыл сеновал, в котором, и правда, была только солома, и то в одном углу. Мужчина вышел через сеновал, вернулся к калитке, отвязал лошадь. Мишка проделал точно такой же путь. Получилось, что Мишка ходил за ним следом, как привязанный, а сейчас не знал, что делать. Мужчина бросил Мишке:

— Ты новый здесь? — Припомнил: — Михаил?

— Я.

Мишка протянул руку, мужчина в ответ дал свою.

— Павлов Валентин Викентьевич, участковый соседнего поселка. — Мужчина закурил «Приму». — Ты местный?

— Да.

Мужчина одобрительно кивнул.

— Приятно было познакомиться. Значит, будем работать вместе.

— Будем, — согласился Мишка.

Мужчина сел в седло, повернул лошадь к Мишке.

— Михаил, в гости приезжай. Есть один небольшой разговор.

И, не дождавшись ответа Мишки, тронул лошадь.

Мишка посмотрел вслед этой странной фигуре в дождевике.

Мишка сидел в каптерке бурильщиков, проверял паспорта, тщательно всматривался в лица на фотографиях. Когда в руках у него оказался паспорт парня, которого он видел с Маришкой, Мишка одной только фотографией не ограничился. Пролистал весь, до конца, интересуясь в основном графой «семейное положение». Эта страница оказалась пуста. Мишка отложил паспорта, встал.

— Всё, мы свободны? Подделок не обнаружил? — спросил его вальяжный бородач.

Все время, пока Мишка смотрел паспорта, он наблюдал за ним.

— Нет, не свободны, — сказал Мишка, поправил форму. — Значит, так, у местных жителей есть нарекания на вас. Поэтому я бы советовал в поселок ходить по крайней нужде.

— По крайней нужде ходят в туалет, — заметил бородач.

Мишка строго глянул на него.

— В магазин, на почту. И не много. Человека по три. Зря по поселку не ходить.

— Мы зря не ходим, — ответил тот же бородач.

— А в клуб? — спросили Мишку с задних рядов.

— Я что, плохо говорю по-русски? Почта и магазин. Клуб — для местных.

— А брат у тебя был хороший человек, — ответили Мишке с тех же задних рядов.

Мишка пытался высмотреть, кто это сказал. Но понять так и не смог.

Лешка осторожно вывел из гаража новый блестящий мотороллер и так же осторожно стал протирать его тряпочкой.

Мишка настойчиво смотрел на него.

— Ну чего-чего... — Лешка тер обнаруженное пятно на мотороллере. — Заказы он им возил.

— Часто?

— Как закажут. Часто... Чё мужикам делать тут? Семьи, дом далеко. Без ничего народ. Накачают нефть да пить. Пока Игорь был, у нас вообще проблем с продажей не было, он почти все вывозил на вышки да на трассу.

— На трассу?

— Да. Дальнобойщикам... Что за люди пошли? Чё они все ездят, ездят... Лишь бы дома ничего не делать...

— А как он начал все это?

— Не знаю. С Агатовым связался сначала. Работал у него. Потом к нам пришел — предложил по-родственному продавать. Спирт у нас хороший.

— Ты точки на трассе знаешь?

— Нет. Я не интересовался. А он не рассказывал. Я не хотел тебе говорить, Мишка, ты и так заведенный, но у Игоря должны были быть большие деньги... Большие...

Мишка замолчал, задумался.

Лешка сел на мотороллер, кивнул Мишке.

— Давай садись. Поехали... Чудной он мужик, этот твой.

— Почему? — спросил Мишка.

— Да дурак.

— Почему?

— Да так... — Лешка вывел мотороллер за ворота. — Я не знаю точно, говорят, у него какой-то чин был высокий в соседней области, потом его, значит, турнули в район. А потом уж совсем сюда.

— Зачем?

— Не знаю... Может, сам приехал. Всех этих городских на землю тянет ближе к смерти. Належатся на диванах... а потом к сырой земельке, поработать.

Дом у Викентьевича был старый, деревянный, с печкой. Сразу было видно, что это дом городских людей, которые не захотели везти из города его атрибуты, у них все было на старинный деревенский манер, специальный. Мишка сидел за столом на кухне, волновался, не знал, куда деть руки. Ему было слышно, как в соседней комнате Валентин разговаривал с мальчиком лет десяти.

— Ничего не получается, можно я погуляю, а потом сделаю?

— Нет, сделаешь, тогда пойдешь.

— У этой задачи нет решения.

— Составь уравнение. Составь, как мы делали вчера.

Закипел чайник.

— Кипит! — крикнул Мишка.

Викентьевич вышел на кухню.

— Внук ваш? — спросил Мишка.

— Сын.

— Извините.

— За что? Мог быть и внуком, но вот так... он у меня поздний.

Викентьевич заварил чай и поставил на стол мед в небольшой вазочке.

— Вот мечта моя, иметь своих пчел...

Он стал нарезать крупными кусками свежевыпеченный хлеб.

— Мед — прибыльное дело, — только и заметил Мишка. Ему было неловко, он не знал, что говорить.

— Ну, чего сидишь? Угощайся... — Викентьевич подвинул к Мишке мед.

— А вы?

— И я сейчас, — Валентин Викентьевич, прежде чем сесть, опустил опару в кастрюльке. — Я еще сегодня пироги буду печь. Мы так всегда, на целую неделю напечем, а потом едим.

— А хозяйка ваша чего? Ничего не делает?

— Она у нас учительница. Всё в школе, там дел невпроворот, а у нас график вольный, вот я и занимаюсь. Хорошая работа.

Викентьевич сел за стол. Молча, с удовольствием намазал мед на хлеб.

— Коровы у вас нет? — Мишка изо всех сил старался поддерживать разговор.

— Нет пока. Ну, не все сразу. Постепенно все образуется. Хозяйство — это не в одночасье. Я зачем тебя позвал, хочу обсудить эти дела с кражами.

Мишка кивнул: давайте обсудим.

— Надо с этим что-то делать.

— А что с этим делать? Следователи скоро приедут.

— А толк какой?

— Никакого.

— Ну вот... — Викентьевич посмотрел на Мишку. — Район далеко, а мы близко. — Встал, достал из ящика обычную тетрадку в клеточку. — Вот смотри, я здесь три месяца... Первый случай был год назад. В общем, из четырех поселков было сорок выводов, из вашего и нашего больше, чем из других двух... У вас пятнадцать, у нас двенадцать. Тринадцать случаев на два других поселка. Так?

— Так.

— В один месяц может быть четыре грабежа, в другой один... Вот в августе три... в ноябре девять. Понятно, что темное время суток длиннее в два раза, земля уже приморожена, пройти легко. Системы у них нет. Действуют, когда есть подходящее время. Ну, и по сезонному фактору. Это что касается статистики, а теперь давай посмотрим на технологию. Они точно знают, у кого сколько животных, в каком они весе, знают, как зайти и выйти, сколько собак держит хозяин. Хорошо знают все дороги вокруг поселка. Это позволяет им вывести животное за поселок, где его режут. С машиной уже договорено. Думаю, машина не местная, а городская. Она увозит на базар уже мясо. Отходы зарываются в землю. Вот что мы знаем почти наверняка. Теперь нужно продумать, как мы можем вычислить этих людей?

— Как?

— У меня такое предложение: установить ночное наблюдение за поселками и выследить их.

Мишка не удержался, хмыкнул.

— Это десять лет можно следить. Откуда вы знаете, когда и где?

— Ну, десять — это ты хватанул. Гораздо меньше. Все нужно хорошо продумать.

— Не получится, — подумал и решил Мишка.

— Почему? — Викентьевич с интересом смотрел на Мишку.

— У нас как? У кого одна корова, две, а у кого четыре, шесть. Те, у кого одна, сразу скажут, зачем это мы будем сторожить того, у кого шесть. Не будут же они в шесть раз больше дежурить.

Валентин Викентьевич кивнул.

— Это правильно. Но нам и людей на посты много брать не надо. Всего человек десять от вас и от нас. И выберем их как раз из тех, у кого скотины много. У них, во-первых, прямая заинтересованность в безопасности. А во-вторых, они, скорее всего, не связаны с ворами.

— Не знаю, — Мишка нахмурился. — По-моему, это бурильщики крадут. Свои бы не стали.

— Можно принять как версию... Но все-таки, — Викентьевич закусил дужку очков, — не так все это просто. Как у них все легко, красиво получается. Вот животные, они же идут с ними. Режут они быстро, как мастера. Вот взять меня, я бы не смог. Потому что животные бы почувствовали: во мне другая кровь... не хозяин я. А тут они повинуются.

— Да ну что вы, — снова возразил Мишка, — это вы не то говорите, коровам, им все равно, разницы никакой, гони и всё.

— Это потому что ты тоже хозяин. Тебя слушают... Так что ты скажешь, Михаил?

— Не получится. Про это сразу же все будут знать в районе ста километров.

— Ну что же, — Викентьевич был невозмутим. — Пусть знают.

— А смысл тогда?

— В этом смысл и есть. Они будут знать, что есть сила, которая им противостоит. Это дело для меня только во вторую очередь уголовное... Если мы их остановим, это будет как лечение болезни профилактикой.

— Не знаю... Попробовать, конечно, можно. Только никто не согласится.

— Почему?

— Ну что я не знаю, что ли?

Мишка, сверяясь с образцом, заполнял положенную отчетность, когда в дверь стремительно зашел старший Агатов. Он был элегантен — стрелки на брюках, начищенные ботинки, яркий красный галстук. Скоро оглядел комнату, бросил Мишке:

— Чем занимаешься?

— Да тут заполнить надо. По зарегистрированным лицам...

— Когда надо?

— Да вот, надо.

— Поехали, мне в город нужно съездить, — крутанулся на каблуках и вышел.

Петр Иванович, развалившись, уютно устроился на переднем сиденье пассажира. Туфли блестели на солнце. Для Мишки была открыта дверца водителя. Мишка сел на место водителя, но как-то нерешительно.

— Записку, что ли, оставить, что я уехал?

— Кому ты нужен?

Навстречу их «жигуленку» ехал микроавтобус. Прямо на дороге микроавтобуса была большая выбоина, и Мишка специально притормозил, давая возможность встречной машине проехать по его полосе.

— Не тормози! — крикнул Петр Иванович.

И Мишка точно выполнил приказ.

Микроавтобус был вынужден остановиться и пропустить «жигуленок».

— Это директор едет, товар везет, морда татарская... только я чего-нибудь завезу, у него тут же то же самое, и хоть на пятьдесят копеек, но дешевле...

— Тут тормози, — Петр Иванович указал Мишке на выкрашенный зеленым дом в городке.

Мишка остановился. Петр Иванович вышел, бросив: «Жди».

Потом машина с Мишкой стояла у здания, выкрашенного в синий цвет.

Затем Мишка стоял у вокзала и какого-то вокзального склада.

Петр Иванович вышел из склада с какими-то бумагами, сел в машину, ударил по крыше так, что Мишка проснулся.

— Всё, домой. Только заедем поедим.

— Останавливайся, — приказал Петр Иванович.

Мишка послушно остановился. Петр Иванович вышел, Мишка остался сидеть. Агатов сказал:

— Ты чего? Пошли.

— Я деньги не взял, — процедил нерешительно Мишка.

Тот сморщился, не ожидал услышать такой ерунды.

Петр Иванович сам заказывал, и, как всегда, на столе было всего очень много.

Мишка ел, поглядывая по сторонам. Это была закусочная для среднебогатых местных клиентов.

На его форму косились, как Мишке казалось, не очень одобрительно. Но Петр Иванович ничего не замечал.

Чистенький официант принес на подносе головку чеснока, предназначенную специально для Петра Ивановича.

— Тебе эта хреновина нужна? — спросил Петр Иванович у Мишки про ножи и вторые вилки.

— Нет, зачем?

Петр Иванович тут же отложил ножи в сторону. Разжевал чеснок.

— Вот чего я не люблю, так это неблагодарности, все могу простить... а вот когда ты из них людей делаешь, а они потом о тебя ноги вытирают, это я... это меня из себя выводит... — Потом подумал и добавил: — Я человек добрый, могу, конечно, и простить... Нет, все, конечно, не прощу, но многое мо-

гу. Не знаю даже почему, может, наследственное... Вот Игорь, вот за что я его уважал...

Мишка тут же поднял голову.

— ...за то, что он понимал, как во мне все устроено... Он вообще с пониманием был человек. Слабый... по характеру... Умный. Но умные такие, они все слабые. Ему бы в институте учиться, он бы мог.

— Он поступал, балла не добрал.

— ...Игорь, он ведь... Ладно, только расстроюсь сейчас, — Петр Иванович хотел остановиться, но не мог, все равно продолжал: — Я-то понимал, что от него мало что там зависело, это она там намутила, замуж ей захотелось... Он как-то это, заблудился, что ли... Жил как не жил. Как не своей жизнью. Зачем он ей поддался?.. Хотя чего я про него, я сам... такой же, поддаюсь... Ну, ничего, мне сейчас только лучше. У меня трат стало в четыре... в пять раз меньше. А она теперь пусть покукует... А, ну ее...

Мимо них прошла, улыбаясь, повариха.

— Зина, ну борщ сегодня никуда не годится... — бросил ей Петр Иванович. — Вот так, Мишка, жалко мне его...

Мишка слушал и ел, сосредоточенно глядя на кончик ложки.

Мишка пришел домой, когда за окном уже было темно. И отец, и мать сидели на кухне. В доме на всю громкость было включено радио. Отец и мать молчали, перед каждым стояла кастрюлька со сметаной — пахтали масло.

— Воду можно взять?

— Бери, — ответила мать.

Мишка взял воду и налил в тазик.

Когда Мишка намылился, в окошко застучали. Мать выглянула в окно.

— Миш, тебя.

На улице стоял мрачный Васька. Он показал, чтобы Мишка вышел на улицу. Мишка на ходу наскоро вытерся и пошел к Ваське.

— Я смотрю, папа завел личного водителя? Ну чё, как съездили? — сразу встретил Васька вопросом.

— Нормально.

— Да? И где были?

Васька смотрел на Мишку прямо, тот замялся, не понимая, почему он должен что-то рассказывать.

— Что, все рассказывать?

— Все, по порядку.

— Купили пива — выпили. Пошли в туалет. Поехали дальше.

— Куда?

— Я не знаю, мне показывали, я ехал.

— А ты так: налево, направо — я пойму.

— У меня память плохая.

— А чё это ты гоношишься, Мишк? Чё ты нос задираешь?

— Слушай, отстань... — Мишка был не в духе.

Васька усмехнулся.

— Я, Мишка, что хочу тебе сказать: ты не понимаешь. Ты думаешь, он просто так тебя к себе приближает? Нет. Это просто папа любит так подманить человека, а уж потом... Я тебя предупредить хочу, для него нет своих, ни друзей, ни родственников. Он только себя любит. У него на первом месте он сам. И как только ты чего-то не сделаешь, чего хочет он, ты полетишь так же, как летел Игорь, как мы с Анькой, а может, еще дальше. Он тебя разотрет и плакать не будет. Он любит из себя душевного строить, но ты ему не верь. Его только интересует, как кого можно употребить. Сын ты, жена, шлюшка или пацан на побегушках... — Последнее определение относилось к Мишке. — Я бы тебе советовал подумать об этом... И знать, кого выбирать в друзья-товарищи... С кем ты будешь.

— Я сам по себе.

— Вот тут ты крупно ошибаешься. Никто не сам по себе. Все с «кемито». Все завязаны между собой. Так что и тебе надо выбрать, с кем завязаться.

Васька высказался, развернулся и ушел.

Мишка сидел в зале клуба в первом ряду. За ним, ближе к центру зала, рассеялись поселковые мужики. Их было немного, человек десять. Викентьевич расхаживал перед сценой.

— От вашего поселка — говорил он, — нужно шесть постов. По шести зонам. Я осмотрел местность, набросал небольшой план. — Он развернул схе-

матично набросанный план окрестности на школьном ватмане. — Шесть постов смогут контролировать все подходы. В ближайшее время им надо быть активнее, световой день растет, действовать не так безопасно... так что все нам на руку.

Его слушали отрешенно, непонятно, одобряя или не одобряя. Викентьевич прошел на середину зала и передал поселковым ватман.

— Посмотрите, пожалуйста, может, подскажете, если я что-то упустил.

— Красное, это чё такое? — спросили его.

— Это границы зон. А мы рядом будем смотреть за своими, так что территория двух поселков будет под наблюдением.

Поселковые сгрудились, стали рассматривать план.

Мишка лично закрыл дверь клуба на замок. Поселковые чуть отошли, но не расходились, обсуждая разговор теперь между собой. Викентьевич, как всегда, прикурил «Приму».

— А ты говорил, никто не согласится.

— Это только из-за вас. Вам доверились.

Сильный ветер выл в пустых зданиях ферм. Они собрались за самой крайней фермой, за ее стеной было потише. Викентьевич, усевшись на отвалившийся кусок стены, распределял, кому куда идти, на коленях он держал свой ватман, освещая его фонариком. Одиннадцать человек, включая Мишку, стояли перед ним полукругом.

— Вы сюда, там старая техника лежит, вот у нее... — показывал он первой паре дежурных. — А вы берите тот, что за прудом, дальний самый, в балочке устройтесь...

Когда распределение закончилось и все дежурящие разошлись, Викентьевич и Мишка остались вдвоем.

— Ну что, началось... — подытожил Викентьевич.

Мишка брел по степи, вслушивался в тревожную тишину. Все ему казалось, что он слышит шаги, он даже отходил чуть в сторону, присаживался на землю и прислушивался. Но никого в степи не было.

Чуть позже Мишка стал останавливаться чаще, прислушиваться, но уже по другому поводу — он не мог найти пост. Пост должен был быть здесь, но его не было. Мишка не выдержал, включил фонарик, посветил.

— Эй! — крикнули ему... — Мишка, ты?

— Я.

— Иди, мы тут.

Мишка пошел на голос.

— Вы чего здесь, у лома же договаривались?

— Тут посуше... — объяснили Мишке. — А ты чего свет светишь?

— Так вас нигде нет.

Мишка сел рядом с дежурящими.

— Костров, жаль, нельзя разводить. Холодынь какая. Земля еще совсем холодная.

— Хоть грелку бери.

— А ты чё ходишь, нас, что ли, стережешь? Отметки будешь ставить? — весело спросили Мишку.

— Да, экзамен буду проводить, — согласился Мишка. — Я б лучше сидел, чем ходить.

— Ходить теплее, — вздохнули дежурящие.

— Не, тоже холодно...

Мишке протянули рюмку.

— Держи-ка.

Мишка рюмку не взял.

— Не надо.

— Чего так?

— Да не нужно.

Замолчали.

Мишка поднялся.

— Ладно, пойду дальше смотреть...

Мишка пересекал проселочную дорогу в поле, когда услышал шум мотора машины. Она двигалась к поселку. Мишка чуть отошел от дороги, чтобы его не захватили фары. Мимо него проехала большая машина нефтяников, та самая: «Осторожно, огнеопасно».

Мишка спал дома. Его толкнули, Мишка проснулся, перевернулся, над ним стоял Васька.

— Поехали проедемся.

— Куда?

— С папой катаемся, а со мной брезгуем? Поехали, я сам вожу.

Они выехали на большое шоссе. Васька гнал машину.

— Мы куда едем? — Мишка все никак не мог проснуться.

— Катаемся, говорю же.

Они остановились у въезда в поселок, у новенького кирпичного небольшого магазинчика. Мишка не думал подниматься из машины, но Васька позвал его:

— Пошли со мной. Пошли, пошли.

— Добрый день, — серьезно-деловито поздоровался Васька с продавщицей, девчонкой лет восемнадцати. Мишка не ждал от Васьки такой серьезности.

У прилавка Васька не задержался, тут же прошел в подсобку. Мишка поплелся за ним. В подсобке за столиком сидела женщина лет сорока, при виде Васьки она привстала. Васька свысока кивнул ей, пусть сидит.

— Как дела? — спросил он.

— Дела неплохие.

Женщина подала Ваське общую тетрадь, сама еще раз пересчитала деньги в отложенной пачке.

— А чё пиво так плохо берут? — деловито поинтересовался Васька.

— Спирт пьют, зачем спирта дешевого навез? — объяснила женщина. — Колготки хорошо берут, колготок бы подвез.

Васька оглянулся, посмотрел, какое впечатление он произвел на Мишку. Мишка был удивлен, но виду старался не показывать.

— Колготки будут, по ассортименту я послезавтра заеду, — пообещал Васька.

Пошли обратно в магазин.

— Хочешь чего-нибудь? — Васька кивнул на прилавок. — Выбирай.

— Да нет, — Мишка пожал плечами.

— Ну, смотри, наше дело предложить, ваше дело отказаться.

В машине Васька ждал. Мишка помолчал и начал:

— Магазин твой, что ли?

— Мой. Мы с братом твоим устроили. Подворовали немного у папы. Мне-то он не доверял, а Игорю верил больше, чем себе... У Игоря уже все завязки были. Вот мы и подсуетились. Игорь хорошо дело вел, быстро поднялись. Сначала был ларек, теперь построились.

Васька, продолжая вести машину, вынул из своего кармана пачку денег, которую отдала ему женщина, и бросил Мишке на колени.

— Это вам проценты Игоря. Только все не бери, матери дай немного.

Мишка смотрел на деньги на своих коленях.

Мишка застал Аню на крыльце. Она сидела в полной невозмутимости, подставив лицо весеннему солнцу, приоткрыв ноги, загорала. Рядом стояла банка с кислыми мочеными яблоками.

— Ты одна, а Люба где?

— Вещи пакует Люба.

— Какие вещи? — не понял Мишка.

Когда Мишка зашел, Люба бросала вещи из шифоньера в дорожную сумку.

— Люб, ты чего?

— Поехала я, — отрубила Люба. — Пусть она тут курвится, я ее нянчить больше не буду.

Подошла Аня, облокотилась о спинку железной кровати, так же невозмутимо осмотрела сборы Любы.

— Да пусть уходит. Первый раз, что ли? До двери и обратно.

Люба выпрямилась над сумкой и заявила:

— Смотри, Анька, останешься совсем одна. Все тебя бросают... все от тебя уходят, все. Иваныч ушел... Игоря не удержала.

— Заткнись.

— Чем с тобой, лучше повеситься...

— Люба, а что про Игоря и Аньку ты там говорила?

Мишка и Люба плелись по дороге к шоссе. Мишка нес ее сумку.

— Да ничего. Он зашел к нам в тот вечер... Пьяный он был, побитый, мы его помыли...

— Подожди, он был у вас после драки?

— Мы его упрашивали, держали... Анька старалась. Он нет, уперся, гово-

рит, дело какое-то у него. Она ему: уйдешь, больше не придешь. Ушел. Я за ним пошла. Он какой-то был... Как-то все не так... Ну, я решила, пройдусь за ним, уже стемнело, морозы были сильные... Я его провела.

— Куда?

— До Иваныча... Постояла, слышала, дверь ему там открыли, я подождала — не идет, у них, значит, остался... Если б мы уговорили... Все было бы по-другому.

Приближалась машина, Люба подняла руку, машина остановилась. Люба села в кабину.

Мишка зашел на подворье тетки. Лешка возился с мотороллером, чистил, протирал, пылинки сдувал.

Мишка сел на скамейку.

— Чё молчишь, как дела?.. Когда службу бросишь?

— Брошу, когда надо будет.

— Кому надо?

— Мне.

— Не найдешь ты ничего, бросай.

— Это ты так думаешь.

— Да чё мне думать. Я и так знаю. Далеко продвинулся?

Мишка покачал головой.

— Нет.

Лешка кивнул.

— Так и будешь туда-сюда мотаться... А я тебе дело предлагаю. Бросай ты эту ерунду. Землю в аренду можем взять. Раскрутимся, — деловито утверждал Лешка. — Вон, ребята в соседнем районе четыре года на минусе сидели, а прошлой осенью прибыль взяли. На земле не получится, магазин можно открыть... коров взять. Надо что-то делать.

— Ты, Леш, делай, делай, — посоветовал Мишка.

— Одному плохо. Нужен компаньон. Вдвоем чтобы. С чужими начинать — одна подстава. Мне ты нужен. Зачем мне кто-то, если ты есть.

Мишка ничего не ответил брату. Посмотрел поверх забора, за улицей начинались поля. А там дальше был горизонт. Так было хорошо, что Мишка даже улыбнулся.

На крыльцо дома вышли Катя и Маришка. Маришка строго посмотрела на Мишку.

— Так, ты костюм Игоря мерил?

— Да, — отозвался Мишка.

— Брюки длинные?

— Длинные.

— Я же говорила, принеси, подошью. Свадьба в воскресенье, а у него костюма нет!

Мишка поднялся.

— Я принесу.

Мишка уже сделал несколько шагов к калитке, но Маришка остановила его.

— Миш, Катюху доведи до дома.

Мишка не знал, о чем разговаривать с Катей. Катя сама искала тему для разговора.

— А что вы там все сторожите?

— Так надо, — глубокомысленно заметил Мишка.

— Говорят, воров...

Мишка промолчал.

— Кого-нибудь поймали? — улыбаясь, спросила Катя.

— Пока нет.

— А когда поймаете?

— Когда-нибудь.

— Это когда же?

— На днях, — решил закончить разговор Мишка.

Они подошли к калитке двора Катерины.

— Спасибо, — кивнула Катя.

— Пожалуйста.

Катя ушла. Мишка послушал, как стучат каблучки по деревянному крыльцу, как скрипнула закрывающаяся дверь, сам набросил крючок на калитку. И поплелся по улице обратно.

Мишка вошел в дом Петра Ивановича.

— Привет, — Васька с бутылкой пива смотрел телевизор. — На доклад? О проделанной работе?

В комнату вышел Петр Иванович. Мишка такого Петра Ивановича еще не видел, мятого и опущенного, сгорбленного, в домашних вязаных носках. Было видно, что он только что встал с кровати, на щеке был след от подушки, волосы взъерошены. Петр Иванович торопливо пригладил волосы.

— Пойдем, Миш.

Они вышли на кухню. Когда Петр Иванович сел напротив, Мишка отчетливо увидел, что тот болен.

— Я болею немножко, — тихо сознался Петр Иванович. — Сердце отказывать стало. Ну, это ничего, мне такие таблетки прописали... — он взял с подоконника пузырек. — О, видал, какие! Желтые, американские.

— Дорогие? — участливо спросил Мишка.

— Да. Врач говорит — хорошие. Поднимут. Ну, это я без них знаю. Я так, маленько поваляюсь и поднимусь. Даже без таблеток бы поднялся. У меня отец пил до последнего дня и дожил до семидесяти трех. И то замерз.

На кухню с бутылкой пива вошел Васька.

— Дед почему такой крепкий был, потому что пил. И ты давай, чё выпендриваться?

Васька открыл холодильник, достал бутылку, открытую банку шпрот, пошел к столу.

— Тебя кто сюда звал? — строго спросил Петр Иванович. — Иди отсюда.

Васька выдержал паузу и нарочито спокойно обратился к отцу.

— Надо радоваться жизни.

Полная стопка оказалась перед Петром Ивановичем.

— Убери, — уже спокойнее сказал он.

— Ты чё, па, американским таблеткам доверяешь больше, чем русской водке? Зря.

Петр Иванович подскочил, ребром ладони резко ударил по столу.

— Хватит! Я сказал, что не буду!

Рука Петра Ивановича потянулась к сердцу и тут же отдернулась. Мишка увидел напротив себя глаза Васьки. Они радовались. Иванович бросил Мишке:

— Пойдем, Мишка, на пару слов выйдем. А ты тут приберись, — на Ваську он не посмотрел. Встал, выпрямил спину, ушел в сени.

Мишка тут же поднялся. Но Васька приостановил его.

— Сядь, что скажу, — его взгляд явно приказывал не торопиться.

Мишка сел. Васька медленно тянул пиво. На пороге встала встревоженная мать Васьки.

— Вася, вы чего?

Васька недовольно посмотрел на нее.

— Нормально все у нас, мы разговариваем. Иди, иди. Ложись.

Васька допил пиво, поставил пустую бутылку на стол. Еще помолчал, выждал.

— Теперь иди, — разрешил Васька.

Петр Иванович ждал Мишку на крыльце, дышал. Про дело он начал сразу.

— Миш, мне тут долг отдают, два года требовал... окорочками дали... просроченными... я уж думал, ничем не вернешь, нет, отдали... В общем, Мишка, мне, чтобы распродаться, надо, чтобы на площади окорочками не торговали, ты их шугани потихоньку, они недели две приезжать не будут.

На площади торговал «жигуленок» с прицепом, пока больше никого не было. У прицепа выстроилась очередь человек в десять. Мишка подошел к машине. Приостановился, разглядывая товар. В очереди Мишка заметил Катю. Хозяйка делала вид, что не видит Мишку. Мишка потоптался у прилавка и обратился к хозяйке:

— Почему торгуем мясо...

Хозяйка все так же продолжала взвешивать конфеты, как будто обращались не к ней.

— ...без холодильных установок? — четко проговорил Мишка.

Хозяйка, не поднимая глаз от весов, ответила:

— Мы только утром, до одиннадцати. Сейчас уедем.

— Мишка, да пускай, ты чё, — обратились к Мишке из очереди.

— Чего я? Запрещено. Сертификата на мясо, я так понимаю, у вас нет?

— Мишка, уходи, не задерживай нас.

— Пусть продают, Миш, тут дешевле, чем в магазинах, — доверчиво увещевали Мишку.

— Откуда вы знаете, где они их взяли, может, в них вредные микробы. Ветеринарную справку покажите.

— Они свежие, — уверила хозяйка Мишку.

— Сколько берем, все живы еще.

Мишка понял, что его сейчас заговорят, и перестал реагировать на очередь.

— Документы покажите, я сказал! — И для достоверности повторил: — Все документы.

— Муж покажет... — тихо ответила женщина. — Пройдите.

Мишка зашел за машину. Муж хозяйки достал из машины пластмассовую папку, вынул оттуда ворох отпечатанных бумаг с печатями. Протянул их Мишке. Мишка, взяв документы в руки, немного испугался, увидев печать на бумагах, стал вчитываться. Лицо его растерялось, как перед незнакомым языком, в глазах были только пункты, параграфы и печати.

Хозяйка тем временем возобновила продажу.

— Прекратить торговлю, я сказал! — крикнул Мишка.

— Чего же нам ждать? Может, ты до вечера читать будешь? — ответили Мишке из очереди.

— Да он разучился.

— Он и не умел никогда.

Мишка совсем уже растерялся, но тут краем глаза увидел пятисотрублевую купюру, которую протягивал ему муж хозяйки. Тут Мишка сразу взбодрился. Мужчина доверительно смотрел ему в глаза. Мишка тоже посмотрел на него прямо. Выдержал паузу, за которую мужчина поверил в его сговорчивость, и процедил:

— Чтобы через пять минут здесь никого не было.

— Конфеты-то с печеньем пусть продают, — запротестовала очередь.

— Через пять минут, я сказал.

Мишка стоял чуть в сторонке, наблюдая, как торговцы грузятся. Поселковые недовольно расходились. Кто-то тут же поднимался по крыльцу в магазин. Катя прошла с Мишкой рядом, но он, находясь при деле, не заговорил с ней.

На крыльце дома Мишка встретил Наталью Степановну, жену Викентьевича. Она торопилась в школу.

— Здравствуйте, — первой поздоровалась Наталья Степановна.

— Здрасти. Сам где?

— Он в сарае... в сарай идите.

Но Мишка уже слышал, что в сарае стучит топор. У порога сарая валялись свежие доски. Один улик был уже готов, стоял покрашенный, сох на солнце. А рядом стояли еще два остова для уликов. Нагнувшись, Мишка вошел в сарай.

Сарай был старый, сквозь доски крыши было видно небо. Викентьевич возился у клети. Мишка подошел к нему, подал руку.

— Здорово. Чего хмурый?

— Не выспался.

— А я вот с утра доделал первый улик. Видал там? А тут непредвиденные обстоятельства. Супруге в кредит двух поросят дают. Надо им обустроить жилище.

— А чего вы клеть делаете? У вас все равно больше никого в сарае нет. А крыша дырявая — зальет же. Они маленькие простудные очень.

— Ничего, крышу я немного подлатаю, а там лето. Лето переживем, к холодам тогда уже что-нибудь сделаем.

Мишка ухмыльнулся. Викентьевич заметил.

— Чего ты хмыкаешь?

— Да топор вы как-то держите не по-человечески.

— А как надо?

Мишка взял.

— А если мне так удобно? — Викентьевич показал, как.

— Ну, ваше дело.

— Михаил, ты чего такой мрачный? — от Викентьевича не укрылся агрессивный настрой Мишки.

— Плохо все.

— Что плохо? По-моему, так все хорошо.

— Что-то не получается у нас.

Викентьевич был даже немного удивлен словам Мишки.

— Как не получается? Пока мы сидим, ни одного вывода. Это хороший результат.

— Да, может, если бы мы не сидели, такой же результат и был.

— Может. А может, нет. Сейчас мы этого не узнаем.

— Вам ваши поселковые ничего не говорят?

— Нет. А что они должны говорить?

— Ну, значит, между собой обсуждают, а вас не допускают.

— Да что обсуждают?

— Что все впустую.

— Нет, результат у нас есть.

— Что вы меня агитируете, вы их агитируйте.

Мишка направился к двери. В дверях остановился.

— Нам бы было лучше, если бы что-нибудь случилось.

Свадьба Лешки подходила к концу. Собрались в местной старой столовой. Гостей по понятным причинам становилось все меньше. Мишка в костюме Игоря как свидетель сидел во главе стола рядом с женихом и невестой. Занят был тем, что наблюдал за Катей. В это время праздник стал уже по преимуществу женский. Сели с частушками бабушки, встали девчонки потанцевать. Катя танцевала вместе с Маришкой и другими девчонками под уже нестройные звуки баяна.

В столовой появился Васька.

— А этот что здесь делает? — сказал Лешка недовольно.

Васька поманил Мишку на выход. Мишка вытер губы салфеткой и пошел следом за Васькой.

— Ты куда? — спросил его Лешка.

— Сейчас, — кивнул Мишка.

У входа Васька обнял Мишку, поцеловал чуть ли не в губы. Он был пьян. Мишка заметил, что в нескольких шагах Ваську поджидает Лёньчик.

— Ты чего? — отстранился Мишка.

— Мишка, я рад за тебя.

— Чего за меня радоваться?

— Прошел проверку...

Мишка непонимающе посмотрел на Ваську.

— Мою проверку прошел, понял? Я тебе зачем магазин показывал... Я хотел знать, чей ты человек...

Васька похлопал Мишку по плечу, как бы утверждая, что Мишка оправдал его доверие, и доказывая свое право на него.

— Выпьем... — Васька вытащил бутылку из кармана.

— Не хочу.

— Как хочешь, Мишк, — Васька обнял Мишку, — если ты захочешь, мы с тобой будем компаньонами, таких дел натворим. Я тебе предлагаю, Мишка, давай на пару работать... Мы папу сделаем быстро. Мне от Игоря досталось наследство: трасса, бурильщики, все его завязки — мои. Бросай свою ментуру, пусть папа умоется.

— Мы потом поговорим.

— Нет, Мишка, ты скажи...

— Ладно, ладно...

— Чего ладно? Ты скажи...

— Хорошо, хорошо... Потом поговорим.

Со свадьбы уходили девчонки, подружки Маришки и невесты. Среди них была и Катя. Мишка постоял, дал девушкам отойти и через некоторое время пошел за ними следом. Издалека он видел, как Катя попрощалась и свернула на свою улицу.

Мишка решил появиться эффектно и выскочил из темноты на повороте прямо перед Катей. Катя немного испугалась.

— Чего одна? — спросил Мишка.

— А так вот, одна.

Катя независимо пошла вперед, Мишка, отставая на полшага, поплелся за ней. Катя напряженно молчала. Когда она свернула к своей калитке, Мишка обогнал девушку и у самой калитки преградил дорогу.

— Пусти, — сказала Катя.

— А куда ты торопишься, давай посидим?

— Пусти.

— Сядь, посидим.

— Я уже насиделась.

Мишка притянул к себе Катю, обнял. Катя сбросила его руку.

— Не надо вот этого.

Дернула калитку на себя.

Мишка захлопнул калитку, подпер носком сапога.

— Тихо, тихо... куда?

Снова обнял, поцеловал. Катя долго сопротивляться не стала, ответила, обхватила Мишкину шею. На крыльце дома открылась дверь, стукнула щеколда. Включили свет. Мишка увлек Катю дальше в темноту.

— Катя, Катя, — позвали с крыльца.

Тишина.

Утром Мишка зашел в гараж к Ваське. Васька ремонтировал «жигуленок».

— Ну как, твое предложение в силе?

Васька выпрямился.

— Да. А что, есть сомнения?

— Мало ли чего наговорил по пьянке.

Васька усмехнулся.

— Я никогда ни при каких обстоятельствах ничего лишнего не говорю.

— Слушай, Вась, я про Игоря хочу спросить...

— Чего?

— Я просто хочу понять, что с ним было тогда? Мне говорили, он у вас тем вечером был...

Васька задумался, потом сел рядом с Мишкой.

— Не обижайся только... Игорь же, он немного пришибленный был. Вот Лёньчик, дурак дураком, но с ним все понятно. А с Игорем ничего понятно не было, чё-то бегал, суетился, а потом мы как-то сели так хорошо с ним, он мне и сказал, что не знает, зачем ему все это... У нас с ним сейфик небольшой был... там тысяч сто лежало. Пока не в деле были. Он их в костер зашвырнул.

Мишка внимательно слушал.

— Чего смотришь? Пришел и швырнул. Это было дня за три до всего этого. Мы тут убирались, ненужное все — в костерок. И Игорь пачку эту — и в огонь. Я сначала даже не понял, что это... Главное — он сказал, что это для интереса к жизни... Да я же говорю, он хороший был, умный, но тронутый не по-хорошему.

Мишка слушал.

Васька протянул руку.

— Ну давай...

Мишка дал ему свою руку.

Васька вложил ему в руку несколько ключей.

— От машины, от сейфика и от магазина. Принимай.

Мишка взял, положил в карман.

— Ну, а в тот вечер? Зачем он к вам?

— Это не ко мне вопрос. Меня не было. Мы с ним только в двери и встретились. Я к нему, он от меня... Чё приходил? Не твое дело. И пошел. С Иванычем, я так понимаю, он беседовал.

Мишка с отцом пришли в баню. В бане было много народу. Мишка взял общественные тазики, стоящие слева от двери, для себя и для отца. Прошлись по бане, высматривая место, где остановиться. Свободно оказалось только в самом неудобном месте на средней скамье. Все, кто шел за водой к кранам с лавок у стены, должны были проходить мимо них, и расходиться было тяжело.

— Па, садись...

Отец расстелил целлофановый пакет, сел на него. Мишка налил тазик воды, отнес отцу. Затем налил для себя. Стали мыться. Отец ушел в парную и почти сразу и вышел. Не выдержал.

— Сходи, — предложил он сыну.

— Нет, я потом. Давай спину тебе потру, потом...

Мишка стал тереть ему спину. Отец очень похудел, спина у него всегда была белая, летом до черноты загорали только лицо, шея и руки, но теперь она была не только белой, но и какой-то рыхлой, мягкой и беспомощной, проглядывали ребра. Оттого Мишка особенно осторожно тер спину отца.

Дверь бани открылась, и вошел Сергей Воронов. Тазик он принес свой, большой, оранжевый. Стал пробираться на место у стены, там подвинулись, и ему было где встать.

Мишка старался не смотреть в сторону Сергея, выплеснул на спину отца остаток воды.

— Па, я сейчас горячей поднесу.

Вода набегала из холодного крана быстро, а из горячего медленно. Когда вода набралась и Мишка повернулся, он увидел, как Сергей проходит мимо отца. Он тоже шел к кранам, чтобы набрать воды в свой оранжевый тазик. Мишка видел, как отец уступает ему дорогу, чуть отводя колени, но Сергей все равно довольно сильно ударил ноги отца краем таза.

Мишка плохо понимал, что с ним происходит, свой тазик он тут же бросил, вода пролилась.

Двумя руками с силой он толкнул шагающего на него Сергея, тот совсем не ожидал этого и рухнул на моющегося у стенки. Мишка с остервенением пихнул оранжевый тазик Сергея, тот с грохотом покатился по мокрому цементированному полу.

Мишка видел, как выражение недоумения сменилось на лице Сергея злостью. Но его тут же заслонила чья-то голая спина. Между ними встали люди.

— Миша, ты чего? — Прозвучал позади голос отца. — Перепарился? Пойдем, пойдем...

Мишка дал себя увести. Не без удовлетворения отметил, что Сергей сам не поднимался, ему помогали.

В раздевалке отец взялся вытирать Мишку.

— Да ты чё, я сам.

Мишка оттолкнул отца от себя.

К ним вышел Виктор Петров.

— Вы бы ушли... потом придете.

Отец кивнул.

— Уйдем...

Отец на мыльное тело натаскивал чистую рубашку и с какой-то осторожностью и даже боязнью смотрел на сына.

— Миш, Миш, ты одевайся.

Мишке стало жалко отца, он начал одеваться.

Стемнело. Мишка отправился на дежурство. Завернул за угол фермы и увидел, что сегодня сбор совсем небольшой. Сразу за углом сидел Викентьевич, отдельно от него в нескольких шагах всего четверо добровольцев. Мишка не поздоровался, просто остановился, вот он здесь.

— Чего делаете? — спросил он Викентьевича.

— Ждем, — ответил тот.

— Нас все меньше и меньше, — при Мишке поселковые заговорили.

— Да не будет уже никого, полчаса уже сидим. Если бы хотели прийти, пришли бы.

Викентьевич встал.

— Выходим на старые посты. Идите...

Четверо добровольцев встали и как-то неохотно пошли к плотине. Мишка смотрел им вслед.

— Не работает ваша система.

Викентьевич не мог возразить Мишке, молчал. Мишка махнул рукой.

— Ну, я пошел обеспечивать взаимодействие.

На окраину поселка выходили задние дворы и сараи последней улицы. Было холодно, Мишка поднял воротник, развернулся, пошел к центру. Влетел в лужу, чертыхнулся, включил фонарик. Конус света осветил лужу от сарая до сарая. Обойти лужу можно было только под самой стеной. Мишка так и пошел. Вдруг сильный удар повалил Мишку на землю. Тут же Мишке сели на поясницу, завели руку за спину, толкнули в шею, так что Мишка уткнулся носом в грязь. Мишка дернулся от боли и услышал:

— Лежи, а то сейчас проткну.

Мишка повернулся и почувствовал, что ему к шее приставили вилы. Он лежал не шевелясь. Руки быстро ощупали его, вытащили фонарик. Через несколько секунд фонарик включился, и его направили на Мишку.

— Ну-ка, повернись.

Мишка, лежа, повернулся, жижа потекла у него по щеке. Прищурился от света. Мишка видел, что над ним стояли две фигуры.

— Мишка, — раздался немного удивленный голос.

Двое смотрели на него. Мишка сел, стараясь всмотреться в людей.

— Ты чё тут ходишь? — спросил его тот, который держал вилы.

Мишка узнал этот бас.

— Дядь Вить, вы чего?

Мишка, все еще немного опасаясь, поднялся. Его не останавливали, но как-то настороженно смотрели. Вторым был Сашка Коновалов, тоже один из дежурящих.

— А ты чего здесь, а не в поле?

— А вы чего тут, мы вас ждали.

— А мы решили поближе сторожить, тут и теплее, и надежнее.

На меже между дворами под забором была устроена «лежанка» из старых телогреек и разорванных одеял. Мишку отпаивали, разлили по маленькой.

— На, — протянул стопку дядя Леша. — Не сильно испугался?

Мишку только сейчас начал бить озноб.

— Нет, — сказал он.

— А ты куда шел-то?

— Домой собирался.

— Дезертировал?

— А вы что сделали?

— Мы самоустранились.

— Сегодня только четверо пришли, а я пошел по постам и их не нашел, — по-свойски рассказал Мишка.

— Да ерунду какую-то придумал этот городской. Это же надо как-то соображать получше. Сколько сидели — и ничего.

— Да нет, — возразил Сашка, — придумано все правильно было. Только развалилось все. Людей бы побольше, хотя бы два раза в неделю дежурить.

— Отдежурились. Я порежу всех на этой неделе, останется одна корова и телята, до осени меня не тронут...

Дядя Витя разлил еще по стопке. Выпили.

— Ладно, я пойду, — сказал Мишка.

— Ты домой сейчас? — заинтересовался Сашка.

Мишка кивнул.

— У тебя сейчас тетка не отпустит?

— Нет, она сейчас спит. К ней лучше не ходить.

— Зараза, у меня завтра резаки с утра. А у меня там ничего нет.

— Да завтра сходишь.

— Моя купила два литра, как раз как резать будем... я немного потащил, почти ничего не осталось. А это завтра она хватится, скандал будет. Оно бы мне сейчас подменить.

— Нет, к ней лучше не ходить, — советовал Мишка, — она спросонья злая будет, все равно ничего не продаст. Пирогова продает. К ней хоть ночь, хоть полночь иди.

— А у нее мутный. Моя вон у тетки покупала. Она сразу поймет. Мишк, может, поможешь, тебе не откажут, — просил Сашка.

Мишка и Сашка шли молча, вытаскивая ноги из грязи, огибали заводь пруда.

— Надо было не торопиться, по другой дороге идти. Тут топко как.

Мишка не успел ответить. Впереди послышался кашель. Мишка приостановился, прислушался. К ним навстречу кто-то шел.

— Кто там? — лицо Сашки удивленно вытянулось.

Мишка молча показал на овраг. Они с Сашкой сошли с дорожки и потихоньку сползли по склону. Шаги возникли рядом. Мишка приподнялся, он увидел пять человек, ведущих двух коров.

— Кто это был-то? — спросил Сашка, когда они прошли.

— Не разглядел.

Мишка вышел на дорожку. Постоял, оценил ситуацию и бросился наперерез по берегу.

Остановился он у плотины. Воры должны были пройти здесь же. Мишка залег. Рядом с ним опустился Сашка, про которого Мишка и забыл.

— Быстро бегаешь. Сразу видно, недавно с армии, а у меня дыхалка не та уже.

Мишка показал Сашке, чтобы он замолчал. Воры выходили на плотину. Осторожно Мишка приподнялся на локте. За ним приподнялся и Сашка.

Они увидели Серегу и еще двух своих поселковых. Животные послушно шли с ними. Сашка даже негромко присвистнул от удивления. Наблюдая издалека, на открытом пространстве поля подходить ближе было опасно, Мишка увидел, что коров загнали в лесополосу за прудом.

Выждав, Мишка сам направился туда. Сашка отстал от Мишки, но Мишка даже этого не заметил. Азарт преследования захватил его.

На небольшой полянке уже вовсю работали топориком, разделывая тушу. Мишка близко не подходил.

Подъехал транспорт. Это были две легковые машины. Мишка, шепча, запоминал номера.

Мишка стучал в окошко дома тетки. Дрожал от холода. В окошко выглянул заспанный Лешка. Мишка махнул ему рукой, чтобы тот выходил.

— До утра твое дело не подождет? — спросил Лешка.

Он зевал, стоя на крыльце, поглядывая на Мишку сонными глазами.

— Нет, — коротко ответил Мишка.

В погребке стояла газовая плита. С третьего раза Мишка зажег плиту, руки дрожали. Через стенку было слышно, как Лешка прогревает мотор мотороллера.

Мишка хватал глотками горячий чай. Дверь скрипнула, нагнувшись, в погребок зашел Лешка, уже одетый и готовый к отъезду. Только смотрел он как-то странно, мимо Мишки. И был какой-то чужой, как будто отсутствовал год.

— Никуда не едем, — строго сказал Лешка. — Про Серегу едешь докладывать?

— А что? — Мишка потихоньку начинал понимать.

Лешка усмехнулся.

— Я тебя не выпущу. Сашка тебя заложил.

Мишка во все глаза смотрел на Лешку.

— Чего глядишь? Правильно все сделал. Ку-ку работает. Он молчать будет. Его теперь никто не тронет. А с тобой тут поговорить хотят.

Лешка толкнул дверь.

Тут же в дверь протиснулся Иван Куличев. Он стоял согнувшись. В погребке был невысокий потолок. Улыбнулся Мишке приветливо.

— Привет. Слушай, ты чего?

— Чего? — мрачно переспросил Мишка.

— Чего бунтуешь?

Мишка промолчал.

— Дела какие-то устраиваешь? Я понимаю, этот городской, ему выслужиться хочется, а ты чего скачешь? А?

Мишка сел на газовый баллон, он все никак не мог понять, как это получилось.

— Мишк, надо решить с тобой. Как ты думаешь, а?.. — Иван повернулся к Лешке: — Чё молчит?

— Думает, — перевел Лешка, как переводчик. — Соображает.

— Это полезно, — согласился Иван.

Замолчали все втроем. Иван не выдержал первый:

— Чё думать? Дружно надо жить. Зачем против своих идти?

Мишка продолжал молчать.

— Ты с чем не согласен, Мишка? Тебя же никто не трогает... Можем предложить тебе денег. Но не много. Мы сами, Мишка, не много имеем... Лешка, ты скажи ему?

Лешка стал кивать Ивану на дверь, чтобы тот уходил. Он сам поговорит с Мишкой.

Иван понял, кивнул, собрался уже уходить, но заметил мешок с мукой. Взял немного в горсть посмотреть.

— Где мололи?

— В Григорьевском.

— А, в Григорьевском хорошая мельница, но дорого... Так я жду.

Лешка кивнул.

— Ты тоже с ними? — спросил Мишка брата.

— Нет... — отрезал Лешка. — Я был с ними. На мотороллер заработал и ушел. У меня нервы не выдерживают.

— Чё не выдерживают, ссышься, что ли? Про тебя я не думал.

— Не думал? А как подниматься? Где подъемные взять?

— Вы поднимаетесь, а кто-то опускается.

— Ну и что? Кто-то сильно обеднел? Вон у Сарычева вывели трех, а сейчас у него четверо стоят.

— А тетя Тоня Круглова?

— Тетя Тоня живет с краю. Она под горячую руку попалась. Ничего, тоже жива, вчера орала под магазином. Я не понял, Мишка, а ты о ком заботишься? Они тебе кто? Братья, родственники? Кто?

— Работа у меня такая.

Лешка расплылся в улыбке:

— Работа? Агатову хвост заносить, вот и вся твоя работа. А вот скажи мне, если бы ты пришел и не пошел бы в свою милицию, а, как я и говорил, мы бы с тобой дело начали и нам бы деньги были нужны, разве ты бы не пошел с Серегой?

— Нет.

— Нет, потому что из-за Игоря. А так бы пошел... Был бы ты там. А хочешь, я тебе скажу, как я туда попал? Там ведь не всех берут, только тех, за кого поручатся. Ну что... Догадываешься?

Мишка смотрел на брата. Лешка некоторое время понаблюдал и жестко сказал:

— Да... Игорь.

— Как он туда попал?

— Попал! — Лешка усмехнулся. — Никуда он не попадал. Вот ты — попал. Я не знаю подробностей, мне не интересно, но они с Серегой это мутили... Я знаю, что Игорь за транспорт был и за сбыт. Чистенький такой всегда... Коммерс... Так что хватит, Мишка, хватит ерепениться. Всё.

— Не могли они вместе... — Мишка цеплялся за последние доводы, как за соломинку. — Они же дрались.

— И что? Это было из-за Зойки... Он звал ее уехать...

— Куда уехать?..

— Хрен знает куда... с ребенком насовсем... Отсюда... Эта клуша да — нет, да — нет... А этот тут жениться параллельно собрался... Я же говорю, у меня такое ощущение было. Что он тронулся... Потом Сергей узнал, и тут понеслось...

— Значит, все же это он?

Лешка удивленно посмотрел на Мишку, тот никак не хотел понять, на каком свете он находится.

— Слушай! Да все равно уже! Какая тебе разница!

Мишка не ответил, молча сидел, чуть покачиваясь. Лешка поглядывал на него.

— Давай за дело браться. Надо подумать, чем заняться... Посчитать, в долг взять для начала. И давай. Давай, давай... Я думаю так, взять в аренду старую ферму. Подремонтировать. Зимой скупить молодняк. По месяцу, пока дешевый... Осенью распродадим. Прибыль должна быть. Небольшая. Смотря какие корма. Зимой возьмем еще, продержим год, распродадим, там уже точно прибыль будет. За пять лет с долгами расплатимся, и всё, и уйдем в чистую прибыль.

Мишка прервал фантазии брата:

— А не боишься?

— Чего мне бояться?

— Ну как, мы вложимся, а с нами потом вот так же...

— Нас не тронут. Своих не трогают...

Мишка не дослушал, поднялся, пошел к двери.

— Я все понял. Скажи им только, что деньги мне не нужны.

Мишка спал. Мать растолкала его.

— Там к тебе пришли.

— Кто?

Мишка в сенях зачерпнул кружку холодной воды, выпил, чтобы проснуться.

Валентин Викентьевич стоял на улице, в дождевике.

— Слыхал? — спросил он Мишку.

— Заходите в дом, — пригласил Мишка, но на фигуру в дождевике не смотрел.

— У Полозовых сегодня вывели. Из нашего поселка.

— Да ну? А... Ваши, значит, тоже уже не ходят...

Мишка даже не спрашивал, а, скорее, знал.

Валентин Викентьевич смотрел на Мишку прямо. Глаза Мишки бегали.

— Мы-то с тобой есть. Надо продолжать. Другие подтянутся.

— Не подтянутся. И у меня это... как-то плохо... Грипп, что ли. Не знаю, когда теперь смогу.

Викентьевич кивнул.

— Ладно, иди в дом, раз болеешь... — Валентин Викентьевич развернулся, пошел к калитке. — Как выздоровеешь, заезжай в гости.

В калитке Викентьевич встретился с Васькой.

— Я до тебя. Надо с Лёнькой товар отвезти на вышки, — прокричал Васька издалека.

Мишка ждал у «жигуленка», пока Лёньчик раздавал товар.

Пришел за товаром и бородач. Бросил Мишке на ходу:

— Видишь, какой тесный мир, не мы к тебе, а ты к нам.

Мишка отвел взгляд.

Мимо Мишки прошел парень, знакомый Маришки, улыбнулся, кивнул:

— Добрый день.

Мишка ответил полукивком.

Когда Лёнька все раздал, собрались ехать обратно.

— А где деньги? — спросил Мишка Лёньчика.

— У Ва-аси, — пояснил Лёньчик. — Сначала берем деньги, потом везем товар.

Машина въехала в поселок со стороны дома девчонок.

Сам он ничего не заметил, но Лёньчик указал пальцем:

— А-яня.

Аня полулежала под забором двора, домой она так и не смогла дойти. Мишка наклонился к ней, Аня спала. Мишка чуть приподнял ее, посадил. Лёньчик помогал. Они подняли Аню и осторожно понесли в дом.

В спальне уложили на кровать. Мишка вытащил из кармана Ани ключ.

Мишка закрыл дверь дома.

— За-ачем? — спросил Лёнька.

— Пусть дома посидит.

Васька уже ждал Мишку у гаража.

— Тебя папа ждет, иди. Тоже по делам.

Иванович сидел у окна грустный, хмурый.

— Миш, я просить тебя хочу. Надо разобраться с самогонщиками. Все цены сбили, выручки вообще никакой. Ну так не годится. Ты чего ими совсем не занимаешься? Тебе же положено.

Мишка спокойно слушал, согласно кивнул.

Когда он вошел в дом к тетке, она пропускала молоко. Сепаратор был неисправен, пропускал молоко в сметану, тетя Катя была не в духе.

— Чего тебе не хватает? — общалась тетка с сепаратором.

— Здоров! — Мишка сел за стол. — Я к тебе.

— Чего надо? — бросила тетка мимоходом, не отвлекаясь от дела.

— Я с официальным делом. Пришел сказать, что торговать запрещено.

— Чего?

— Ничего. Торговля самогоном запрещена.

— Кем это?

— Она вообще запрещена государством и законом.

— А... — безразлично протянула тетка и снова свинтила барабан сепаратора. — Завтра же закрою.

— Я тебе серьезно говорю.

— Ну и я тебе серьезно.

— В общем, так, будешь замечена в продаже, буду принимать меры.

— Да какие же это меры?

— Сначала административные, будешь штраф платить, не закончишь — посадят.

— А за что ты меня будешь сажать?

На Мишку снова навалилась усталость, он только методично настаивал:

— Во-первых, я лично не сажаю, сажает государство. И не тебя одну, а всех вас, кто не по закону...

Тетка не дала Мишке договорить.

— Сажать он меня будет. Работа у него. А чего же ты Агатова своего не посадишь, у него всё по закону? У меня еще ни один человек не отравился. А у Агатова твоего, в его хваленом магазине, откачивать не успевают.

Мишка разозлился на тетку.

— Не ори! По-твоему все равно не будет! Есть закон, и его надо соблюдать!

— Закон? — Тетка развела руками. — Делать им в Москве нечего, придумывают всякую хренотень.

Мишка распахнул дверь, разговаривать у него больше не было сил, уже в дверях сказал:

— Я тебе сказал прекратить, а то будешь сидеть.

Мишка вышел через задние дворы. У сараев увидел парочку. Это опять были Маришка и парень с вышки.

Мишка остановился. Маришка и парень выжидали, как отреагирует Мишка.

— Что, выполз? — спросил Мишка парня.

Парень отрицательно покачал головой.

— Нет, пришел.

— Он уезжает, — объяснила Маришка. — Совсем.

Мишка махнул рукой: ладно, стойте, ему все равно.

Мишка зашел в дом Ани. На столе стояла бутылка водки, водки в ней оставалось не так много. Мишка брезгливо сдвинул грязные сковородки и посуду в сторону. Стопку прополоскал водкой, выплеснул и остаток выпил сам.

— Чего стучишь? — Аня, заспанная, помятая, стояла в дверях, халатик приоткрывал грудь. — Я думала — кто чужой.

— Ты чего грязь развела? — спросил ее Мишка.

— Не нравится, прибери!

Аня подошла к рукомойнику, нахмурилась, увидев себя в зеркале. Набрала воду в пригоршни.

Мишка составлял тарелки к тарелкам, чашки к чашкам.

— Анька, дура ты, будешь так жить — пропадешь.

— Да ладно, учит он! Куда пропаду? Жить надо легко, делать что хочешь. А так всего бояться, то не то, это не это, зачем так вообще жить? — Аня вытерлась. — Голова как болит.

Ушла в спальню.

Чайник под большим огнем начал гудеть. Мишка огляделся, тряпок — мыть посуду — не было.

— Анька! — крикнул Мишка. — Аньк!

Ответа не было. Мишка пошел в комнату Ани.

Аня лежала с открытыми глазами, глядела в потолок.

— Где у тебя тряпки какие-нибудь?

— Мишк, иди сюда.

— Чего?

— Иди.

Аня чуть приподнялась на подушках, развела руки.

— Пошли, чё ты там стал?

Мишка не шел, стоял. Анька рассмеялась.

— Вот ты всего боишься... все тебе что-то мешает...

— Чего мне бояться? — храбрился Мишка. — У меня чайник сейчас закипит.

Аня хмыкнула, но больше не позвала. Мишка потоптался, подумал и пошел к ней.

— Ну наконец-то, а то еще упрашивать его целый час.

Чуть позже они лежали рядом, Мишка спросил:

— Ты хоть любила его?

Аня сразу поняла, про кого спрашивает Мишка.

— Как тебе сказать?.. Чтобы девушке любить, нужно быть такой, знаешь, светлой и чистенькой, как эта твоя, с кем я тебя видела... А у меня другое. Я его стала любить, когда его уже не было. Я ни по ком в жизни так не тосковала. Только по нему.

Их разбудил стук в окошко, когда уже было светло. Аня приподнялась, выглянула.

— Мишка, твой отец!

Отец ждал Мишку на крыльце.

— Миша! — Он был очень взволнован. — Там к тебе из района приехали на «газике». Требуют тебя срочно.

Районные обедали дома у Мишки. Мать кормила их щами.

— Приятного аппетита, — пожелал Мишка.

— А мы уже всё. Пойдем выйдем, — сказали ему.

Мишка послушно поплелся за районными в сени.

Ни в сенях, ни на крыльце они не остановились. Мишка шел следом.

Рядом с двором стоял «газик». Мишка сел последний, захлопнул дверь.

— Павлова убили, соседа твоего... — только тут сказали Мишке. — Поедем, посмотришь, там сейчас эксперты, увидишь, как с убийством.

Машина сорвалась с места.

Тело Валентина Викентьевича лежало на дороге к фермам, невдалеке от того места, где они собирались. Накрыто оно было плотным полотнищем, виднелась только макушка. Районные ходили рядышком, рассматривая место.

Мишка стоял в нескольких шагах, где его поставили, и все смотрел на шевелящиеся седые волосы. Не выдержал, в несколько шагов преодолел пространство до тела, рывком сбросил полотнище.

Мишка недоуменно остановился с полотнищем в руках. Лицо было в запекшейся крови, так что посмотреть на Валентина Викентьевича ему не удалось.

Мишку дернули за плечо.

— Куда? Отойди.

Мишка поплелся прочь.

Мишка проснулся. За окном был яркий день. Мишка натянул одеяло на голову, отвернулся к стене, ничего не хотелось вспоминать.

На кухне что-то шумно жарили, Мишка прислушался, но вставать не стал.

Одеяло откинули. Над ним стояла Аня.

— Мишк, вставай. Хватит валяться.

Аня в солнечном свете была какая-то другая, не такая, как в последнее время. Расчесанная, прибранная.

— Красивая, — сказал ей Мишка.

— Одевайся! — Бросила в Мишку одежду. — Все постирано и поглажено.

— Спасибо, — буркнул Мишка, опуская ноги.

— Мне не за что. Стала бы я возиться. Люба приехала.

Люба жарила блины, готовые бросала то Ане, то Мишке. Люба раскраснелась у плиты, покровительственно поглядывала на Мишку и Аню.

— Хоть наестся!

Аня была весела.

— Бери со сметаной, — строго командовала Люба.

Мишка неожиданно встал.

— Куда ты? — встревожилась Люба.

— А Валентин Викентьевич где, не слышали?

Люба одного Мишку не отпустила, пошла с ним, чтобы поддержать.

Вместе они подошли ко двору Валентина Викентьевича. У калитки стоял грузовик, обитый черной материей, рядом столпились женщины. Мужчин не было. Мишка и Люба остановились, во двор не пошли. Отсюда Мишка мог разглядеть только красную крышку гроба, стоящую на крыльце. Во дворе стояли так и недостроенные улики.

Разговоры велись приглушенные.

— Увозят они его в город?

— Увозят. Сами тоже теперь уедут.

— Чего приезжал, жил бы в своем городе, жив бы был.

— Чего ему надо было.

— Мужиков нет, гроб кто нести будет?

— Милиция, где его?

Гроб начали потихоньку выносить из дома. Мишка решился, пошел во двор. Прошел мимо трех свежевыкрашенных уликов. Подставил плечо под один из углов гроба.

Гроб вынесли за калитку. Установили на грузовике, в машину сели жена и сын. Борта подняли.

Машина стала медленно выезжать с улицы в переулок.

Люба взяла Мишку под локоть, они и еще несколько женщин пошли вслед за машиной.

Показания насчет дежурств у Мишки снимал тот же следователь, который был в поселке в первый рабочий Мишкин день.

— И что он тебе сказал напоследок?

— Не помню... Кажется, сказал, чтобы я выздоравливал.

— А ничего не говорил, что он собирается делать?

— Не говорил... Я думаю, он даже один бы ходил дежурить.

— Да, додежурились.

На прощание следователь пожал Мишке руку.

— Ну давай, держись.

Мишка кивнул. Районный «газик» уехал, Мишка проводил его взглядом и только потом заметил, что у изгороди его ждет Катя.

Смотрит надменно, в новой курточке, яркие большие сережки в ушах — приготовилась.

Мишка виновато улыбнулся.

— Ты чего тут?

— Тебя жду. Тебя же больше нигде не увидишь.

Встряхнула головой, отвернулась, сережки запрыгали.

— Ты что, у них поселился?

Мишка нахмурился, на лбу собрались морщины, усталость накопилась в нем.

— Катюх, ты иди домой. Я зайду на днях, поговорим.

Катя оттолкнулась от забора.

— Нет, не надо приходить.

И неспешно пошла за калитку.

Мишка вздохнул, как старый усталый человек, он и правда очень устал, даже горбиться начал.

Мишка ждал Петра Ивановича в машине у городской больницы. Тот вышел из здания улыбаясь. Сел в машину.

— Что говорят? — спросил Мишка.

— Говорят, помру, но не так скоро, — негромко посмеялся своей же шутке. — Давай пообедаем и домой.

День был теплый, и в любимой забегаловке Ивановича была открыта веранда. Там он и выбрал крайний столик, откуда была видна Волга. Мишка сел напротив. Иванович не торопился приниматься за еду, больше смотрел на реку, любовался.

Затем глянул на Мишку, сказал со своей тихой улыбкой:

— Я воду очень люблю. Детство всегда вспоминается. У нас огород прямо на склоне реки был, капуста с голову росла... Да, вот такая, — показал, — вкусная. Я всю жизнь мечтал жить у речки. Выйдешь так, а она течет далеко-далеко. А ты тут все стоишь, стоишь... Богатым мечтал быть. Ну, кое-что удалось. Мне в жизни никто не помогал. Никто и никогда, не было такого

человека... Не помогают — ладно, но ведь мешают. Вот я с чего начинал, ты помнишь?

Мишка покачал головой, он не помнил.

— Я землю взял... Фермерство, говорят, давайте, берите землю, поможем. Взяли. Только тем, кто первый был, для показухи помогли в районе, а всем желающим — нет, никакой помощи. Они план выполнили, пять фермеров на район есть, отчитались куда надо, а я седьмой, а седьмой никому не нужен, болтайся сам... Сам так сам... Я всю жизнь не любил подчиняться, начальников не любил, ну, в армии еще это как-то понятно, кто-то должен руководить... А в гражданской жизни... Зачем я буду ему подчиняться, когда он дурак, а я знаю, как надо делать? Вот я и решил: пусть помощи не будет, но я все равно буду сам себе начальник. Ну, там позвонили из района директору: у тебя есть такой вот, хочет тоже человеком быть, дай ему землю. И вот он мне дал солончак... за прудом, знаешь, бурьяну и тому лень расти... Ну, а я? Я же лезу, мне нужно всем показать, что я — это я. Думаю, чернозема навезу, навоза набросаю, главное, вот эти двадцать га — мои. Тракторов у меня нет... а я раз, в район, пять бутылок водки, на большее денег не было, и на наше совхозное поле, и говорю: мужики, видали, чё есть, давай ко мне на солончак... Мужики все бросили и на этих тракторах, на государственном бензине, поехали пахать мою землю... Вспахали, потом еще сеяли... и, Мишка, я бы там хозяйствовал, но солончак и есть солончак, он не рожает, моей спеси там мало, встречается такое место в жизни — не пробьешь. Два года я там бился. Долгов полно. Уперся, а чё упираться? Дурак был молодой, надо рассчитываться с долгами, и тут уж я стал водку самопальную возить. Как они ее там готовили, я не глядел... А водка — это такой двигатель торговли, я тебе скажу! Вот так я и стал человеком... Если бы Игорь был жив, мы бы такую империю устроили... Помощник нужен хороший. На Ваську, на того положиться нельзя. Игорь, вот, была голова...

Мишке очень хотелось сказать, и он сказал:

— Вы же его выгнали.

Иванович махнул рукой.

— Это я сгоряча. Я когда узнал про них с Анькой, ну и разошелся... Меня она не любила... Да и Игоря тоже.

— А он к вам приходил... тогда.

— Да. Заходил. Я его обратно звал к себе. А он чё-то все крутил, крутил. Ни да, ни нет... И ушел.

Мишка зашел в магазин с папкой под мышкой. В углу, как всегда, несколько женщин остановились переговорить. С появлением Мишки все замолчали, проводили его глазами к прилавку.

— Теть Лид, вы мне за террористов не расписывались.

— Я в прошлом году расписывалась.

— В этом году тоже надо.

Мишка выложил на прилавок инструкцию для подписи.

— Вот тут и тут.

Мишка показал, где надо расписаться.

— Миш, они как будут идти? — отозвалась женщина в углу.

Мишка оглянулся.

— Кто?

— Террористы.

— Не знаю. Как им надо, так и пойдут. — Мишка принял подписанный лист, аккуратно уложил его в папочку, дал денег. — Буханку, пачку «Примы».

Зажав кирпичик хлеба и папку под мышкой, Мишка отравился к выходу.

Дверь на пружине хлопнула за ним, когда Мишка вышел на крыльцо.

Сергей и Иван Куличев поднимались в магазин. От такой неожиданной встречи Мишка немного вздрогнул, быстро отвел глаза в сторону. Это не укрылось от Сергея.

Мишка стал спускаться, занес ногу на ступеньку, и в этот момент поравнялся с Серегой. Сергей поддел Мишку плечом. Мишка сначала не понял, куда делась улица, почему она валится на бок, но это он не удержал равновесие и неожиданно, прижав папку и хлеб к себе, упал с крыльца в подсыхающую лужу.

Серега гоготнул. Пружина хлопнула за ним.

Мишка осторожно перевернулся, подогнув ногу, сел. Рядом в грязи валялись папка, бумаги, хлеб. Мишке

трудно было дышать, он сначала сглотнул, а потом выплюнул сгусток крови изо рта.

На крыльцо высыпали женщины, за ними показался и Сергей.

— Перепил... — прокомментировал он, глядя на Мишку.

Мишка, встав на колени, стал собирать и стряхивать бумаги.

Мишка, все еще в грязной одежде, зашел в дом к Ивановичу. В доме было тихо, и только на кухне вдоль стола Таисья Васильевна переставляла плохо слушающиеся ноги.

— М-миша, — тихо проговорила она, когда увидела Мишку. — Беги, они вышли... беги.

По тому, как она это говорила, Мишка понял, что что-то произошло между Ивановичем и Васькой. Он кивнул, сразу же выбежал на улицу.

Во дворе Мишка огляделся. Уже стемнело. Было тихо. Мишка бросился на задний двор.

Иванович и Васька стояли у забора и, кажется, просто разговаривали. Мишка направился к ним.

Васька говорил громко и много, Иванович отвечал тихо, односложно. Подойдя ближе, Мишка расслышал слова Васьки:

— Слушай, если у тебя в голове что-то есть, посчитай, сколько ей лет и сколько тебе. И сколько тебе будет через десять лет... Куда ты едешь, мать всю жизнь жила ради тебя...

— Вась, Вась, да ладно... ты пойми.

Мишка остановился совсем рядом, его заметили, но разговаривать не прекратили. Он уже давно был своим.

— У тебя здесь сын и жена. А ты куда едешь? — настаивал Васька.

— Так в том и дело, — Иванович положил руку Ваське на плечо. — И там у меня будет жена и еще кто-то.

Васька сбросил руку со своего плеча. Резко отошел.

— Слушай, ты совсем, что ли...

— Ты молодой еще, я с тобой бы про это лет через десять-пятнадцать поговорил. Так бывает, начинает человек жить, ну, не очень удачно, можно еще попробовать. Ну а мне тут что осталось? Считай, последняя попытка... Это ты у меня молодой, ты хочешь туда, хочешь туда... Когда молодой, много всего и как-то не особенно привязываешься... Вот я мать, ну, любил, все-таки, но потом только четыре стены вместе держат... Ты, Васька, не дурак у меня, ты поймешь... — Иванович все пытался обнять сына.

Васька недовольно высвободил плечо, отвернулся.

Иванович кивнул: он все понимает и извиняет сына. Опустил плечи, пошел мимо Мишки, так и не глянув на него. Мишка автоматически поплелся за Ивановичем.

У крыльца Иванович остановился. В дом не пошел, глянул на улицу, заулыбался.

— Я, Миш, уезжаю. С Анькой. Ребенок будет, тут жить нельзя.

— А вы куда?

— Да недалеко, в город. Я дом присмотрел на реке. Насчет тебя у меня все договорено, ты не бойся. Место за тобой... Ты тут Ваське помоги.

Мишка кивнул, вспомнил.

— Там Таисья Васильевна встала.

Иванович вздохнул, пошел в дом, в дверях сказал:

— Ты к нему иди сейчас.

Мишка вернулся на задний двор. Васька вышел из туалета.

— Видал цирк? — хмыкнул. — Правду говорят, к старости мозг усыхает, мыслительный процесс прекращается. Ну ничего, пусть едет, пусть.

Васька свистнул как-то по-особенному, Лёньчик появился почти сразу, видно, ждал за сараями.

Васька бросил ему свою связку ключей.

— Сходи возьми по бутылочке пива на всех.

Лёньчик поймал ключи на лету, потрусил к киоску.

Лёньчик принес пиво. Васька взял бутылку в руки.

— Ничего. Держать не будем.

Мишке послышался шум, стук в окошко, но он еще не проснулся.

— Что ты будешь делать, ни днем, ни ночью покоя нет, — услышал он возглас матери.

Потом мать сама растолкала Мишку.

— Мишка, вставай! За тобой. Агатова убили.

Мишка тут же подскочил, он все не мог понять, это сон или уже жизнь.

— Валяется между сараев. Тебя ждут.

— Кого убили?

— Да старого.

Мишка быстро стал одеваться, нога не попадала в штанину.

— Лёньчик-дурак, говорят, убил, — сообщала мать, что успела узнать.

Мишка с ужасом посмотрел на мать, движения его стали замедленными.

— Деньги отнял. Он еще вчера шел, руки в крови, из карманов деньги падают. Пьяный совсем. Его Катя Арефьева еще спросила, кого ограбил.

Мишка застыл на месте. Мать, недоумевая, посмотрела на него.

— Чего ты, одевайся, тебя же ждут там.

Мишка увидел народ у сараев. Протиснулся.

— Отойдите! — Стал орать Мишка. — Не подходить!

Иванович лежал ничком в узком проходе между сараями. С пробитой головой. Мишка тут же отвернулся.

— Станьте сюда, никому не подходить... В район позвонили?

Мишка, широко шагая, зашел в дом Агатова. Васька сидел за столом, щелкал семечки. Они посмотрели друг на друга. Васька пытался определить, с каким настроением пришел Мишка.

— А я все жду тебя. После вчерашнего голова не болит?

— Болит. Это ты?

— Чего? — усмехнулся Васька.

— Твоих рук дело?

— Тебе разве не рассказали? Лёньчик напал на папу. Неустойчивая психика.

— Прекрати! — сорвался Мишка от спокойного Васькиного тона.

— Думаешь, я? А чем докажешь?

Васька развел руками, показывая, что ничего нет.

— Ничем, — согласился Мишка.

— Ну так чего орать? Это был почти несчастный случай.

— Я-то знаю...

— И что?

— Не боишься?

— Чего? Что ты сделаешь?

Мишка, обессиленный, сел.

— Налить? — спросил его Васька. — Чего ты взбудоражился? Всем нам конец когда-нибудь будет. Жалко, конечно, папу. Но пожил — всё. Состариться не успел. С дедом рядом похороним.

— Ты за него не говори. Он жить хотел.

— Да прекрати ты, Мишка. Ты не так настроен. Его нет, понял? А я есть. Вот и делай выводы.

Васька доверительно положил Мишке руку на плечо.

Мишка тряхнул плечом.

— Брат тоже такой был. Чего-то там жить спокойно не мог. Ну, не можешь — не живи. Дело хозяйское.

Мишка сидел за столом в районной милиции, медленно водил ручкой по бумаге, писал заявление.

— Что, не понравилось у нас?

Мишка покачал головой.

— Нет, не понравилось.

— Чё так?

— Сложно очень. Займусь своим делом.

— Подожди, отойдешь. Два трупа на участке — это тебе просто крупно не повезло. Дальше будет тише.

— Нет, — помотал головой Мишка.

Мишка выставил бутылку на стол перед Любой.

— Помянем, тихо, по-семейному.

Люба промолчала.

— А Анька где?

— Уехала в город.

— Зачем ты одну ее пустила? — удивился Мишка.

— Она с Васькой. Туда и обратно, они на машине. Аборт поехала делать.

Мишка вздрогнул. Встал, ушел.

Лешка наливал Мишке, как больному, и смотрел, как на больного.

— Ты все правильно сделал. Все правильно. И то, что ушел, хорошо. Зачем тебе такая работа? Теперь ты свободен.

— Нет, ты понимаешь, ты понимаешь... Он меня не боится.

— Васька, что ли? Да плюнь. Не надо теперь тебе все это.

— И те меня тоже не боятся... Суки.

Потом отставил предложенную стопку. Повернулся. Ему как будто что-то увиделось вдруг.

— Ты чего? — Лешка даже немного испугался за Мишку, взял его за руку. — Ты чего, Миш?

Мишка повернулся к брату.

— Чего тебя бояться? Кто ты такой? Они все люди при деле. За ними еще люди стоят... А за тобой только одни трупы. И эти все твои покойники, они сами виноваты, если разобраться... Зачем этот городской к нам приехал? Что он нам тут хотел доказать? У нас свой закон есть. И Агатов... тоже, знаешь, сам виноват. Зачем уезжать? И Игорь... Все чё-то хотят. Туда-сюда. Нет чтобы делом заняться. Спокойно жить. Я тебе про это сколько уже говорю. Со всеми этими дружить надо, своими быть. Вот тогда все и наладится.

Мишка, пошатываясь, вернулся домой. Мать только покачала головой. Мишка направился к себе, но вдруг задержался в большой комнате у «иконостаса». Он посмотрел на спокойное лицо брата на большом портрете, нахмурился.

Когда мать заглянула в большую комнату, Мишка срывал со стены картонные иконки и фотографии брата. Мать подбежала к Мишке. С силой оттолкнула его.

— Не тронь.

Мать смотрела на него жестко, почти ненавидя. Мишка наклонился, чтобы подобрать фотографии.

— Уйди! — приказала она ему. — Не тронь. Уйди!

Мишка поплелся к двери.

Слоняться по двору Мишка не захотел, он вышел на улицу. Просто пошел побродить. Вышел за поселок, побрел к фермам. У ферм он остановился, сел. Здесь обычно собирались дежурящие. Мишка посидел. Поднялся, нигде ему задерживаться не хотелось.

По плотине он вышел в степь. Заглянул и в ближнюю лесополосу, постоял у дерева брата. Обнял ствол. Шумела покрытая листьями крона. Мишка содрал немножко коры, пожевал.

Мишка видел их. Почти все были ему знакомы.

Мишка вышел из зарослей на поляну на некотором расстоянии. Он ничего не делал, просто сел, наблюдая за происходящим.

Там, в нескольких метрах от него, продолжали разделывать тушу.

Из-за темноты на него не сразу обратили внимание, Мишку даже стала забавлять эта ситуация, он свистнул.

Тогда на него посмотрели все. Мишка поднялся, приветливо-нагло улыбнулся.

— Явление Христа народу. Чего пришел? — крикнул ему Сергей.

— Посмотреть хочу.

— И что дальше?

Мишка пожал плечами.

— Что надо?

Трое ушли с поляны за кусты, Мишка понял, что ему пошли отсекать дорогу.

— Мы вроде бы договорились? — напомнил ему Сергей.

— Нет, ничего не договорились.

— Как же?

Это уже вступил Иван Куличев.

Мишка стал пятиться к кустам, пора было бежать.

— А вот так.

Мишка бежал по плотине, освещенной холодным лунным светом. Улыбался.

С разбегу вошел в воду. Его догоняли. Он почему-то подумал, что в воде умирать легче. Ряска ровно устилала воду у берега. Мишка нырнул, а вынырнул почти на половине пруда. Оглянулся, его преследователи только-только входили в воду. Мишка расслабился, но тут же кто-то вынырнул в нескольких метрах от него.

Мишка помаячил на воде.

Потом еще раз ушел под воду.

Когда он снова появился над водой, то до ивняка на берегу оставалось всего лишь несколько метров, а рядом с ним никого не было. Они были там, на середине, перекрикивались, очевидно, его потеряли.

Мишка уже не оглядывался, не терял время, плыл к ивам на берегу.

Держась за тонкие ивовые ветки, карабкался на берег. Сердце Мишки бешено колотилось, в уши набралась вода. Ему показалось, что комья земли чересчур громко сорвались в воду, когда он выползал на берег.

Мишка тут же перескочил на другую сторону плотины. Побежал, теперь ему хотелось оторваться. Остановился, когда выдохся. Больше сил не было. В голове все гудело.

Мишка оглядывался, рядом с ним никого не было.

От бега и своего безумного поступка его охватило чувство радости и свободы. Он заорал во весь голос.

Мишка кричал, пел, перескакивал со слова на слово, кружился, совершенно не заботясь, что его могут услышать. Ему было уже все равно. Он чувствовал опьяняющую свободу.

Затем снова рванул по зарослям.

Мишка, не таясь, шел к поселку по дороге мимо пустых ферм. Было еще темно.

Дверь дома была открыта. Не включая свет, Мишка прошел в свою комнату. Храпел отец. Мишка разделся, лег и сразу заснул.

Мишку разбудил страх. Мишка подскочил и только через несколько секунд понял, что ему негромко стучат в окошко. На улице было еще темно. Мишка осторожно выглянул. Это был Лешка.

На крыльце Мишку ждали трое.

Бледная, постаревшая Зоя. Испуганный Лешка. И спокойная, решительная Маришка в потертой выцветшей плюшке, как королева красоты в норковом манто.

— Довыделывался... — сказал Мишке Лешка. — Тебя же прибьют...

Они держали совет в сарае.

Зоя поцеловала Мишку в щеку, заторопилась уходить.

— Вот что, надо тебе уезжать, — решил Лешка.

Мишка все еще не понимал, что все, что происходит, касается его.

— Куда ехать? — не понял Мишка.

Маришка сунула Мишке в ладонь листок.

— Это новый адрес Руслана. Он сейчас в Тюмени.

— Поедешь нефть качать, — зло сказал Лешка. — Ты ведь этого добивался?

— Я тоже туда скоро приеду, — заулыбалась Маришка, ей хотелось поддержать брата.

— Поедешь, как же! — грозно пообещал Лешка.

Мать Мишка разбудил сам, наклонился, негромко сказал:

— Мам, я уезжаю.

Маришка деятельно собирала Мишкины вещи. Вынимала из шкафа рубашки Игоря и укладывала их в сумку.

Мать и отец растерянно смотрели на сына. Мать пыталась стянуть волосы в пучок, руки не слушались, шпильки падали на пол.

Лешка зачем-то выключил свет. Скомандовал:

— Собираться на темную.

— Почему? — удивилась мать. — Миша, что это?

Мишка промолчал. Только Лешка повторил:

— Собираться в темноте.

— Почему в темноте? — просила объяснить мать.

— Открылась хорошая вакансия. Ехать надо сейчас. Ждать там никто не будет, — разъяснял Лешка отцу и матери такой быстрый отъезд Мишки.

Мишка шепнул Маришке:

— Я к Катьке забегу попрощаться.

Маришка кивнула.

Сонная Катя куталась в старый платок. Смотрела на Мишку широко раскрытыми глазами.

— Куда едешь? Я с тобой... Я с тобой хочу.

Прощались во дворе. Начало светать.

Мишка поцеловал отца и мать. Отец подумал, сказал:

— Миш, ты за деньгами не гонись, не понравится, возвращайся обратно.

Мишка кивнул, он обещает. Маришка просунула в карман Мишкиного пиджака письмо.

Уезжали вдвоем на Лешкином мотороллере.

У почты Мишка попросил приостановиться. Там его ждала перепуганная Катя с нехитрой поклажей.

Лешка удивленно посмотрел на Катю. Но возражать не стал. И так многое шло не так, как надо.

Девушку посадили в серединку, между собой. Пристроили в тележке ее сумочку.

Лешка проголосовал на шоссе. Несколько машин проскочило мимо. Но вскоре какой-то грузовичок остановился. Лешка полез в кабину сам. Через некоторое время спустился.

— Всё, садись, я договорился.

Мишка хотел обнять брата. Лешка отстранился.

— ...Злой я на тебя. Нечего прощания устраивать. Все ты потерял...

Катя и Мишка сели в кабину машины, свои сумки бросили в ноги. Мишка пытался поймать взгляд брата, но Лешка отвернулся.

Машина покатила по шоссе. До слуха Мишки донесся тихий писк. Это Катя начала потихоньку плакать.

— Прекрати! — Прикрикнул на нее Мишка.

Но девушка заплакала сильнее, уже не скрываясь.

— Хватит, я сказал!

Мишка сам готов был расплакаться.

Оглядывался на дорогу, на удаляющийся указатель. Еще было видно, как возвращается в поселок по боковой дороге мотороллер Лешки.

Мишка отвернулся.

— Хватит! — еще раз прикрикнул на Катю.

Но Катя никак не могла успокоиться.

— Остановите, — попросил Мишка шофера.

Машина остановилась. Мишка вытянул Катю за руку из кабины.

— Выходи.

Достал сумку Кати, поставил на землю рядом с девушкой.

Сам сел в кабину, хлопнул дверцей. Смотрел прямо, не оглядывался.

— Вроде машет, чтобы вернулись, — сказал шофер Мишке.

Мишка отрицательно покачал головой.

Машина прибавила скорость.

Мишка до напряжения в глазах смотрел на несущуюся под колеса дорогу, чтобы сдержаться и не заплакать. Но уже скоро она растаяла перед Мишкиным взглядом, превратясь в серенькую, скользящую массу.

ОВАКИМ ДИШДИШЯН

Вниз по Евфрату на плотах

Между обычаями и бытом арабов и курдов, живших в районе Синджара, были значительные различия. Курды жили по большей части в высокогорных местностях и на южных склонах хребта и вели в основном оседлую жизнь, в то время как арабы бродили с переменой погоды по обширным степям Междуречья.

Уже два года породистые арабские лошади в регионе были поражены эпидемией, но в деревне Шнгар еще оставалось более тридцати здоровых кобылиц (им давали особые имена по отцовскому или материнскому роду). Это вызывало зависть курдов и арабов окрестных деревень. Такие лошади не только не продавались, но были окружены большей заботой, чем члены семьи.

Во всем регионе Синджара только курды нашей деревни были мусульманами, в то время как все остальные курды на Синджаре и в деревнях, расположенных на южном склоне Синджара, были езидами. За несколько поколений до того времени командир направлявшейся на Мосул турецкой армии насильственно исламизировал курдов этой деревни, расположенной у подножия горы, близко к дороге и потому легко подвергшейся насилию. Жители же деревень, находившихся выше по склону, поднялись тогда на недоступные высокогорья, избежав столкновения с армией. Смена религии жителей села Шнгар хотя и вызвала некоторое отчуждение между ними и остальными езидами региона, но не изменила их быта и нравов. Они продолжали жить, следуя дедовским обычаям. Религия там присутствовала только номинально, не было ни мест для молитвы, ни обычая молиться.

Национальной розни между курдами и арабами на Синджаре не было. Я уже рассказывал, как в 1916 году курды Шнгара, объединившись с арабами Аль-Мандавутами, воевали с другими курдскими деревнями из-за пастбищ. Благодаря шейху Саиду сохранялось национальное единство курдов. Ходили даже слухи о его связях с англичанами в Басре и готовящемся восстании с их помощью против турецкого владычества.

Жили курды Синджара патриархальным укладом — общинами, племенами, родами, состоявшими из групп семей. Курдский язык оказался очень легким: за три месяца я свободно говорил по-курдски, в то время как в произношении арабского языка допускал ошибки, выдавая свое неарабское происхождение.

Курды отличались от арабов своей внешностью: довольно рослые, крепкого сложения, они энергичны и трудолюбивы. Курдиянки, особенно молодые, белокожи и красивы. В условиях климата Междуречья они сохраняли цвет кожи благодаря многослойной, совершенно белой одежде и белым покрывалам на головах. Цветом одежды их можно было отличать от арабок, носивших синюю одежду[1] и тоже довольно чистоплотных в быту.

Браки не ограничивались приоритетным правом близких родственников, а чаще всего заключались по взаимному выбору. Род или племя давали отцу или брату девушки от десяти до пятидесяти овец или других животных в качестве выкупа. Прожив среди них более трех лет, я убедился, что у курдов женщины пользовались большей свободой, чем у арабов: неоднократно бывал свидетелем тому, как даже пойманная с любовником курдиянка отделывалась осуждением родни — своей или мужа, — в то время как у арабов женщины расплачивались за то же самой жизнью.

Окончание. Начало см: 2008, № 4, 5.

[1] Езиды не носят синий цвет по религиозным соображениям.

Свадьбы по большей части справляли осенью. В празднестве участвовали члены рода, соседи, молодежь обоего пола. Исполнялись своеобразные курдские танцы и хоровые песни, люди, обладавшие хорошим голосом, выступали с сольным пением. К столу подавали в основном плов с отварной бараниной.

Одежду носили простую, из белой бязи. Женщины носили одежду в несколько слоев, а головы кутали в такую же белую ткань. Мужчины носили на голове войлочные колпаки, обвязанные тонкой разноцветной язмой[2]. Зимы, как таковой, не бывало, но в более прохладную погоду мужчины поверх одежды надевали двухцветные полосатые шерстяные аба[3] из тканей, сотканных их женами. И женщины, и мужчины в любую погоду носили обувь домашнего изготовления, подобную римским сандалиям. Состоятельные люди в прохладную погоду носили те же сандалии, но покрытые сверху (верхнее покрытие вязали сами — белой шерстяной нитью по кожаным перетяжкам).

На одной из вершин Синджара я видел железный круг, который вместе с построенным на нем домиком почитается как святыня. Старики считали это местом, куда пристал Ноев ковчег. Существование этого предания, вероятно, объясняется тем, что в Междуречье часто бывают наводнения, а Синджар — самая высокая точка на обширном пространстве края. Также, как это ни удивительно, северные склоны Синджара покрыты сплошь виноградниками, дикими рощами инжира, граната и сумаха, что совпадает с сообщением св. Писания.

Курды называли армян феллахами[4] и знали по истории, передаваемой из поколения в поколение, о существовании нашего народа и о его прошлом. Интерес к армянам сохранялся в особенности в горных селах, где еще говорили о том, что некогда мы были совместно подчинены одной государственной власти. Возможно, это были отголоски времен Тиграна Великого[5]. Ведь из истории нам известно, что в его империю входило Северное Междуречье.

Во время Великой катастрофы три брата — армяне, кажется, из Сгерда — вместе с матерью бежали, не имея ничего, в одних лохмотьях. Курды села Бегран на Синджаре приняли их. Община села не только обеспечила их домом, но каждое хозяйство подарило им одежду, вещи, животных. Они получили столько, что стали самой зажиточной семьей в селе[6]. Я видел их сам в Бегране в 1917 и 1918 годах.

Зима, которой почти не было, уступала место весне в феврале 1917 года. По утрам поля покрывались росой, и повсюду поднималась пышная растительность. С юга в сторону Синджара над нами пролетали бесчисленные стаи перелетных птиц. Их было такое множество, и в туманную погоду они летели так низко, что, кидая в них палкой, мы, мальчики, ловили их десятками и ели жареными на огне.

Только наши селяне собрались приступить к севу, когда пришло известие о прибытиии большой турецкой армии, остановившейся возле деревни Аль-Мандавутов, на расстоянии семи километров от нас.

Это известие вызвало большую панику среди курдов. В ту же ночь, вероятно, по указанию шейха Саида, курды покинули деревню: детей и жен отправили на мулах в горные села, а молодые мужчины двинулись вместе со стадами на восток по бесконечным равнинам Междуречья. Утром следующего дня в деревне кроме нашей семьи оставались только старики и старухи.

Не зная ничего определенного о причине эвакуации курдов, Давуд тем не менее вынужден был дать свое согласие на переезд к родственникам, Аль-Ман-

---

[2] Язма (*тур.*) — в данном случае — расшитый платок.

[3] Аба (*тур.*) — грубая шерстяная ткань, а также различные виды одежды, изготовленной из нее.

[4] Феллах (*араб.*) — фаллах, земледелец.

[5] Тигран Великий — правитель Армении (95—56 годы до н.э.). Расширив границы Армении, он создал последнюю великую эллинистическую державу, которая простиралась от Каспийского моря до восточных границ Средиземного моря и от Кавказских гор до Красного моря. Исторических сведений о курдах в указанное время не существует, и в Северное Междуречье они пришли только в Средние века.

[6] Доброжелательность езидов Синджара по отношению к депортированным армянам упоминается и другими авторами воспоминаний о событиях 1915—1916 годов.

давутам. Всей семьей, кроме Куббы, оставленной охранять имущество, мы покинули деревню с нашими коровами, нагруженными частью домашней утвари. Мы шли по левому берегу реки, а армия стояла на правом. Подходя к деревне, мы видели многочисленную армию с лошадьми и пушками.

Добравшись в деревню, мы устроились временно у сестры Давуда, к величайшей радости Али, очутившейся под одним кровом с Гаввакой. Кирпичный дом Давуда был в полуразрушенном состоянии, так как много лет был нежилым. Мы с Али немедленно вернулись в Шнгар с двумя лошадьми и пятью верблюдами за Куббой и оставшейся домашней утварью.

Когда мы уходили из деревни во второй раз, мне вспомнилось, как я с родными и согражданами покидал наш город. Деревня, в прошлом полная жизни, совершенно преобразилась, в ней остались только старики и несколько старых собак, тоскливо завывавших. Не имея тогда никакого представления о политике турок в отношении национальных меньшинств, мы с Али не понимали причин этого панического бегства.

После того как наша семья устроилась на новом месте, я тайком отправился к дому шейха Аль-Мандавутов хидр Аль-Исы, где собрались старейшины деревни и представители командования турецкой армии. Переговоры с шейхом велись на турецком языке с помощью переводчика с турецкой стороны. Меня, как маленького, к счастью, не замечали, так что я слушал их разговор целиком, не только в искаженном переводе на арабский, но и на чистом турецком — из уст самого командира. Он говорил приблизительно следующее:

— Именем Пророка уверяю вас, что мы единоверцы. Нашими агентами задержана группа курдов — предателей нашей священной родины. Они пытались связаться с командованием язычников-англичан на Багдадском фронте[7]. Из перехваченных у них депеш следует, что они собираются оказать помощь англичанам завоевать Междуречье взамен на предоставление курдам внутренней независимости в случае успеха в войне.

Ссылаясь на давние добрососедские отношения с курдами и союз о взаимопомощи, заключенный еще их отцами и дедами, шейх настаивал на недопустимости участия племени Аль-Мандавут в военных действиях и уверял командира, что так думают не только присутствующие на переговорах старейшины, но даже самые молодые члены племени.

Командир армии встал в сильном раздражении в знак прекращения переговоров и, уходя, пригрозил, что если на рассвете ему не будет предоставлено пятьдесят арабских конных проводников, то племя Аль-Мандавут тоже может быть истреблено наравне с курдами.

Я был сильно встревожен услышанным, понимая, что курдам грозит опасность, и решил немедленно, не заходя домой, направиться на Синджар, чтобы сообщить первому же встречному курду о положении дел, но, идя к мельнице, встретил по дороге турецкого солдата, который вел лошадь командира к реке, чтобы искупать ее. Он спросил меня, в каком месте лучше мыть лошадь, и я автоматически ответил ему по-турецки. Обрадовавшись, что встретил собеседника, солдат стал задавать мне десятки вопросов, все не хотел расстаться со мной.

Я тоже обрадовался возможности поговорить по-турецки и, забыв о том, куда направлялся, пошел проводить его к берегу реки. Мы несколько часов беседовали с ним на занимавшие нас темы.

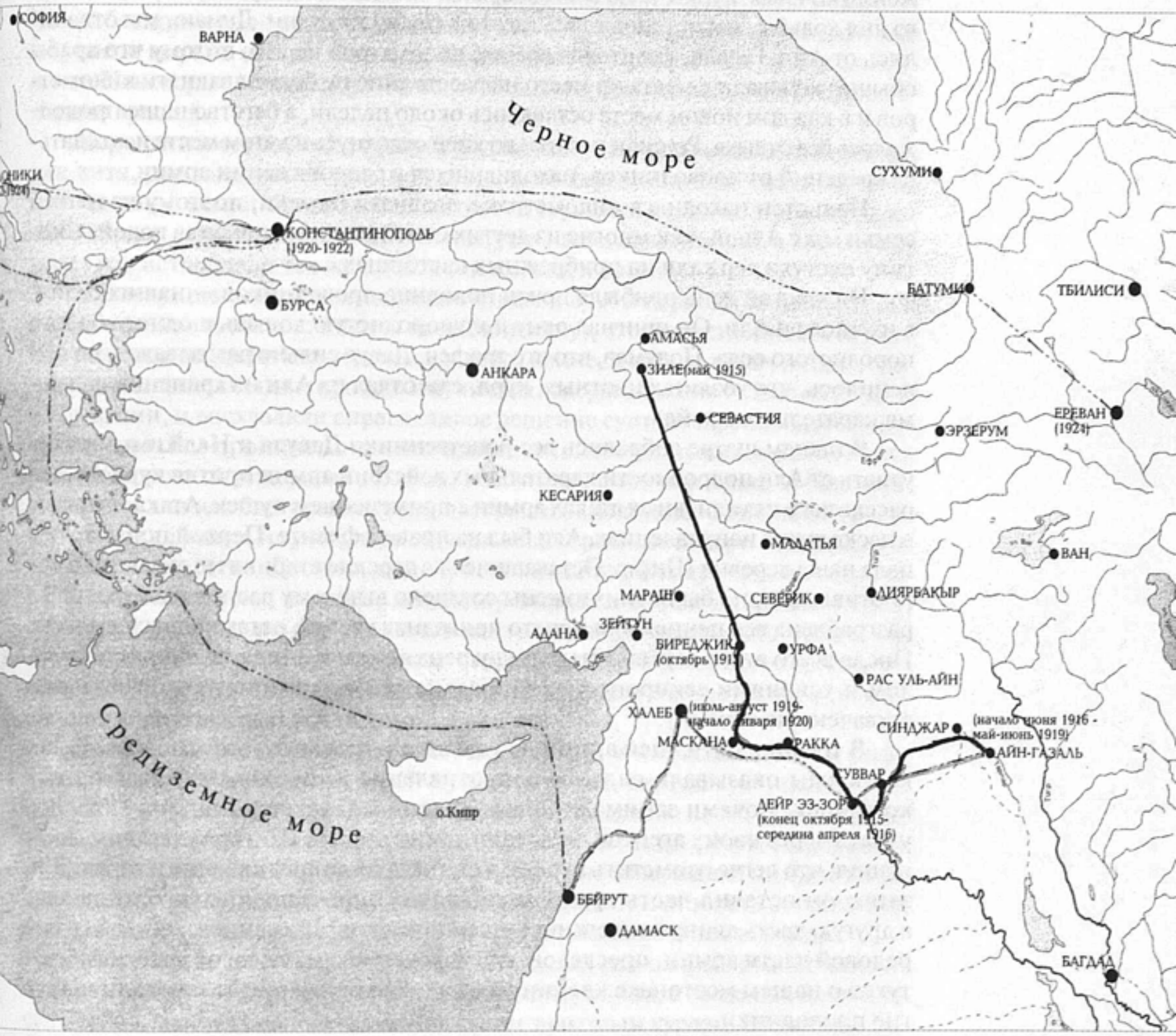
Солдат оказался кызылбашем из сел Кесарии, очень жаловался на тяжелое положение в армии, говорил, что их плохо кормят. Его занимали только мысли о сытом желудке, а я с осторожностью расспрашивал его о том, есть ли в армии солдаты других национальностей, кроме турок. Он откровенно рассказывал мне о своей уже трехлетней солдатской жизни, рассказал также о поэтапном истреблении солдат-армян, о насильственном переселении армян и других событиях, не боялся признаться, что хотел бы попасть к англичанам в плен и что желал поражения туркам.

---

[7] Багдад был взят английской армией генерала Ф.Мода 17 марта 1917 года.

Я боялся признаться, что я армянин, и потому неискренне возражал ему, но он смело и открыто говорил, что не только он один так думает, но и другие солдаты из арабов и кызылбашей.

Только вечером я расстался с незнакомым солдатом, с которым как будто породнился. Домой вернулся в очень дурном настроении. Когда домашние спросили о причине, я рассказал Давуду о разговоре шейха с командиром и о предстоящем истреблении курдов.



Путь, которым прошли герои книги «Вниз по Евфрату на плотах»

Давуд пошел к шейху, чтобы сообщить ему о том, что я рассказал. Вернулся он поздно, уже затемно, и сообщил, что было принято решение предоставить армии пятьдесят проводников, с тем чтобы они, под видом выполнения своих обязательств и, конечно, не беря ничего из имущества курдов, старались втайне помогать курдам избежать больших потерь.

Среди пятидесяти человек, участников похода, был и Али. Я рассказал ему все, что знал, и просил всячески способствовать спасению курдов от истребления. По распоряжению шейха в полночь все племя Аль-Мандавут тайно покинуло деревню, навьючив все свое имущество на животных, оставив в деревне только пятьдесят человек.

Я впервые кочевал с арабами ночью и был поражен скорости и организованности их действий, тем, как немедленно и безупречно выполнялись младшими распоряжения старших. Даже собаки, казалось, были приучены вести себя соответственно ситуации: тихо, без лая, чтобы не выдать кочевье, они сле-

довали за нами с опущенными хвостами вместе с верблюдами, лошадьми, ослами, прочими животными.

Продвигались мы очень медленно, так как шли сквозь густые заросли, доходящие до колен. К счастью, у нас были бурдюки с запасом воды, набранной в реке. После целого дня ходьбы без привалов мы остановились вечером у каменного строения, которое было какой-то арабской святыней.

Ночью на совещании в шатре шейха было определено направление движения кочевья: курды — на восток, арабы — на юг. Очень усталые после целого дня ходьбы, мы остановились где-то в глубинах степи. Думаю, мы отдалились от Айн-Газаля, где стояла армия, километров на сто, потому что арабы обычно кочевали с места на место на расстояние не более двадцати километров и в каждом новом месте оставались около недели, а бегство наше продолжалось без отдыха. Решили несколько дней отдохнуть на этом месте и дождаться сведений от проводников, находившихся в распоряжении армии.

Наш стан находился километрах в двадцати от реки, поэтому из нашей семьи мы с Алией, как многие из других семей, ходили ночью за водой. Скотину пастухи держали на прибрежных пастбищах.

На шестой день прибыла почти половина проводников — наших селян, в их числе и Али. Он пригнал одну полупородистую лошадь и одного белого породистого осла. Подумав, что это трофеи, Давуд сильно разгневался, но выяснилось, что хозяин животных, курд, сам отдал их Али на хранение на время карательного рейда.

В нашем шатре собрались все родственники Давуда и Наджимы, чтобы узнать от Али подробности карательных действий армии против курдов. Али рассказал о пятидневных атаках армии с применением пушек. Атака началась в нескольких направлениях. Али был на правом фланге. Первой под удар попала наша деревня Шнгар. Остававшиеся в деревне старики не оказывали сопротивления, но были уничтожены согласно высшему распоряжению, была разграблена вся ценная или просто пригодная утварь, остававшаяся в домах. После всего этого деревня была разрушена до основания пушечным обстрелом и усилиями секироносцев и предана огню. Армия угнала также всю захваченную скотину.

В течение пяти дней армии не удавалось продвинуться к перевалу, так как курды оказывали сильное сопротивление и, отходя днем под натиском турок, ночами занимали новые позиции. Однако командиру удалось узнать через своих агентов о передвижении курдов Шнгара по степи, и он решил, что легче отомстить курдам в степи за их сопротивление в горах. Для этого он оставил часть армии подавлять сопротивление на Синджаре, а другую часть двинул в степь по следам шнгарских беженцев. Али был в передовой части армии, преследовавшей беженцев, и, узнав от арабских пастухов о нашем местонахождении, сбежал. Его примеру последовали и другие проводники.

Однажды, на третий день нашего кочевья, я проснулся ночью от лая собак. Мне не удалось утихомирить их. Зная способности наших собак, я пошел за ними в темноте и услышал, как кто-то зовет на помощь по-курдски. Я ответил ему по-курдски, выразив свою готовность помочь, а пройдя еще немного, увидел всадника. Это был наш односельчанин из Шнгара. Мы узнали друг друга. Он просил помочь ему пропитанием, рассказал, что бежал с места кочевья, спасая свою породистую лошадь, но был замечен, и группа аскеров[8] преследовала его в течение трех дней. Только благодаря скорости своей лошади он оторвался от них.

Я уговаривал его остаться с нами, но он боялся, что у нас его могут найти. Я принес ему еды, и мы условились встретиться следующей ночью на некотором отдалении от стоянки, после того как я узнаю мнение шейха в отношении его через Давуда.

---

[8] Аскер (*тур.*) — солдат.

Когда утром я рассказал Давуду о ночном происшествии, он одобрил мой поступок и, посоветовавшись с шейхом, сообщил мне вечером, что если наш односельчанин согласен, то шейх готов взять его под свою опеку. Мы встретились с ним ночью, и, так как рана на руке очень беспокоила его, он согласился прийти к нам, и я привел его в наш шатер.

Мои домашние оказали ему теплый прием, а Кубба применила все свое умение, чтобы исцелить рану: помыла ее горячей водой и, наложив на нее золу с солью, перевязала. Он был из известной в деревне семьи. Мы узнали от него о беспримерной резне его односельчан. Будучи застигнуты врасплох, они не успели вырыть окопы. Они сопротивлялись, но применение пушек сломило их. Некоторые спаслись, как и наш гость, бегством, но все кочевье было разорено армией.

Хорошо известный нам своими подвигами, наш односельчанин плакал, как дитя, рассказывая об ужасной резне всей деревни, в том числе его многочисленной семьи. Я поражался хитрости турецких властей: они использовали курдов для истребления армян на путях нашей депортации, а всего лишь через год истребляли тех же курдов так же, как и армян.

Несведущие в политике наивные курды и арабы верили (да и я был мал, чтобы оценивать обстоятельства по достоинству), что ответственность за полное разрушение десятков деревень, уничтожение десятков тысяч людей, грабеж бесчисленных стад и прочего имущества аскерами лежит только на командире армии, и восхваляли справедливое решение султана и руководства правительства. Без промедления наше арабское племя вернулось в Айн-Газаль. Мы не видели повешенных аскеров, потому что с тех пор прошло более недели, зато для нас был организован настоящий спектакль. Оставшиеся в живых курды являлись на учет, перечисляли свои огромные потери — людей, животных, имущество. Десятки людей, исполнявших роль армейских секретарей, записывали все в книги, командир выражал соболезнование в связи с потерей родных, по его указанию каждому давали несколько овец и коз взамен угнанных сотен, а также кое-что из домашней утвари, говорили, что происшедшее было недоразумением, и отправляли несчастных восвояси, обещав вернуть остальное потом.

Стоя целыми днями на месте стоянки армии и наблюдая за всем этим, я сопоставлял пройденный мной путь страданий, пережитую геенну, истребление курдов под пушечным обстрелом всего неделю назад с представлением, разыгрывавшимся передо мной, и мой детский разум разрывался в бесчисленных противоречиях. Не только не была возвращена ни одна из сотен чистокровных лошадей, но даже делались попытки отобрать оставшиеся, ссылаясь на нужды армии, с тем чтобы вернуть их якобы после войны.

Благодаря знанию турецкого языка я слушал разговоры командного состава и вовремя информировал нашего шейха через Али, а сведения, касавшиеся курдов, сообщал непосредственно своим знакомым курдам. Это иногда помогало раскрыть двуличные, омерзительные действия турок, о чем местное население, сохранившее свою первобытную чистоту, не имело никакого представления.

Состояние спасшихся от резни курдов было крайне тяжелым. Положение крестьян Шнгара было еще сносным, потому что они сохранили зарытыми свои запасы хлеба, но остальные деревни, не имевшие никаких запасов, просто бедствовали. Многие деревни были разграблены и разрушены до основания, лишены сельскохозяйственных орудий, в некоторых селах не оставалось даже посуды для приготовления пищи.

В нашей семье знали курдский язык и водили знакомство с курдами, поэтому они часто приходили в наш шатер. Кубба и я просили их рассказать подробности резни, мало отличавшиеся от того, что мог бы рассказать я. Меньше пострадали села, расположенные на северных склонах горы, остальных же постигло истинное бедствие. Во многих семьях в живых осталось не более де-

сяти-двадцати процентов людей, многие потеряли все свое имущество, кроме одежды, в какой были, и нескольких голов домашнего скота.

В 1917 году в результате действий армии в районе Синджара возник полуголод. Бóльшая часть населения питалась растениями, вследствие чего распространились различные болезни. Был нарушен обычный простой жизненный уклад также и в нашем племени. Даже в нашем хозяйстве пришлось нормировать запасы муки в ожидании урожая кукурузы и проса. Приходилось есть один раз в день, а с молочными продуктами вместо хлеба употребляли имевшиеся в запасе несколько мешков сушеных фиников.

При нынешних обстоятельствах посредническая работа Давуда стала невостребованной. Да и реконструкция дома требовала расходов, так что наше хозяйство не отличалось теперь от других арабских хозяйств. Поэтому мы — в том числе Алия и я — под руководством Али наравне с другими занимались возделыванием посевов кукурузы и проса на площади, превышающей два гектара. Едва появились первые всходы наших посевов, как пришло известие о наступлении саранчи. Летя на высоте нескольких метров, с остановками, она подошла в своей многомиллионной массе к границе наших полей. В одно мгновение почернел горизонт. Это может показаться невероятным, но я свидетель тому, как, подлетая к очищенной от растительности зоне с южной стороны, они сбивались с направления полета и тысячами, падая друг на друга, сваливались в вырытые нами траншеи, продолжая еще шевелиться в куче. Борьба с саранчой продолжалась целый день, а вечером, когда траншеи были почти заполнены миллиардами насекомых, селяне высыпали вырытую землю обратно в траншеи, создавая, таким образом, саранчовую могилу длиной в десятки километров.

В летние месяцы каждый день, почти в одно и то же время, в течение получаса из черных туч, движущихся с востока на запад, лил проливной дождь. Окружные степи снова покрылись густой растительностью, а посевы поднимались изо дня в день.

Переезд нашей семьи в Айн-Газаль осчастливил не только Али, но и других членов семьи. Кубба, видя Али в хорошем настроении, радовалась за него десятикратно, и Наджиме было приятно жить в одной деревне со своей родней, с братьями, тетей и, конечно, с дочерьми, не говоря уже о том, что ревновать Давуда было не к кому. Что до Давуда, то он очень изменился: грубил всем направо и налево по любому поводу. Я приписывал это не только тому, что работа торгового посредника не приносила теперь прежних доходов, но и тому, что он лишился связей со вдовами-курдиянками.

Я тоже первое время сожалел, что мы не живем в курдской деревне, так как там меня окружали сверстники, с которыми у меня сложились близкие отношения и среди которых я пользовался авторитетом благодаря своим историям.

Мы находились в Айн-Газале уже более полугода, но мне еще не удалось собрать вокруг себя близких друзей. Со своими сверстниками я общался только во время купания в реке. Думаю, это объясняется тем, что мальчики моего возраста у арабов были больше заняты работой в хозяйстве и у них оставалось меньше времени для игр.

Но и во мне самом стали происходить перемены. Я переходил из детского возраста в юношеский, стал больше тянуться к дружбе с девочками, отчасти следуя примеру Али. Дочь сестры моего отца, Давуда, Халима всячески старалась сблизиться со мной: выполняя свою работу в хозяйстве, она старалась находиться поближе ко мне, даже не стеснялась крепко целовать меня в присутствии моей сестры, Алии, говоря, что я могу быть ее мужем по праву ближайшего родственника. Халима почти не уступала сестре красотой, а в ловкости и резвости мало кто мог соревноваться с ней. Но особой любви к ней я не испытывал по причине, которую, думаю, можно объяснить. В нашем племени нашли приют еще одиннадцать армянских девочек, кроме той, что бы-

ла у нас дома, и той, которую держал мельник. Из них только одна вышла замуж, остальные же были моими сверстницами, и все, будучи наслышаны всяческих похвальных отзывов обо мне, стремились привлечь к себе мое внимание.

Из всех армянских девочек мне особенно нравилась одна моя сверстница, туркоязычная девочка из Айнтапа. Звали ее, как всех армянок, Мариам. Не знаю, было ли это ее настоящим именем, или так ее назвали арабы. За полтора года она полностью ассимилировалась в арабском быту, не только не отставала от сверстниц в выполнении своей доли работы, но была одной из лучших, за что пользовалась всеобщей любовью. В нашем возрасте тогда дружба постепенно переходила во взаимную любовь.

Мы встречались, когда она была свободна от работы, проводили много времени вместе, обсуждали разные вопросы, но в основном говорили о возможном освобождении и возвращении к нашим соотечественникам, хоть и не имели никакого представления о том, существуют ли они еще. Она, как девочка, вверила свою судьбу мне, просила торопиться, боясь быть выданной за араба. Не представляя, что бы я мог сделать для нее, я давал ей обещания, не думая о том, могу ли выполнить их. Мы разговаривали по-турецки, так как она не знала армянского. Благодаря этому я не забывал турецкий язык, в то время как армянский постепенно изглаживался из памяти.

Своеобразная красота Мариам привлекала внимание всех в нашем племени. Особенно восхищали всех ее длинные каштановые волосы. Черноглазая, она не отличалась от арабок, но изящество и гибкость телосложения выдавали ее неарабское происхождение.

Еще одна армянка, с которой я был в дружеских отношениях, была замужем. Я дружил и с ее мужем-арабом. Их дом в деревне стоял недалеко от нашего. Хозяйство ее мужа было ниже среднего достатка, поэтому он работал пастухом. Первая его жена умерла, не родив детей. Не имея чем платить за невесту, он взял в жены армянку из проходившего через Айн-Газаль каравана. Звали ее Мариам.

Муж Мариам был простодушным человеком. Его странный характер снискал ему добродушно-снисходительное отношение соседей, а со мной он водил близкую дружбу, старался видеться вечерами и если я соглашался, то заводил со мной долгие беседы. Разговор шел главным образом о женитьбе, он советовал мне взять в жены арабку, а не армянку, говоря, что может судить об этом по опыту: арабки, полагал он, похожи на спелый арбуз, а армянки — на неспелый. Он был недоволен своей женой, несмотря на ее красоту и стройность, говорил, что она холодна, особенно в постели. Кстати, в половое сношение с женой он вступал только по пятницам, в соответствии с какими-то арабскими обычаями. Мало что понимая в этом, я не только не возражал ему, но, не всегда помня счет дням недели и не желая расстроить его веру в меня, как в образованного человека, я иногда два раза на неделе говорил ему, что наступила пятница, и он, покорный предписаниям религии, шел выполнять свою обязанность.

Еще весной у нас появился юноша пятнадцати-шестнадцати лет. Он был душевно неуравновешен. Юноша не говорил о своем национальном или племенном происхождении, но было видно, что он не араб — по голубым глазам и по тому, что по-арабски говорил с ошибками. Десятки дней он не отходил от нашего становища, жил пропитанием, получаемым взамен на случайные услуги.

Араб, живший в шатре по соседству с нами, сам в сходном душевном состоянии и бездетный в свои сорок лет, взял его к себе пастухом на условиях оплаты одеждой и пропитанием. Позже одежду ему давал Давуд.

Юношу звали Исой. Я часто разговаривал с ним, пытался с осторожностью разузнать о его прошлом, подозревая, что он армянин. Но он не отвечал на такие вопросы, еще сильнее разжигая мое любопытство своим молчанием. В нашем арабском племени жили двенадцать армянских девочек в воз-

расте от восьми до двадцати лет, но я был единственным мальчиком и очень хотел подружиться с Исой, будучи уверен, что он армянин.

Со временем между нами возникло некоторое взаимное доверие. Мы не только встречались каждый день во время доения овец, но иногда я, получив разрешение Давуда, шел вместе с ним пасти стадо на целый день. Я начинал разговор издалека, заводил речь о его прошлом, пытался узнать причину скрытности и молчания Исы. После месяцев моих настойчивых попыток узнать, кто он по национальности, он наконец признался мне по секрету, что армянин. Я пытался убедить его, что в нынешних обстоятельствах нет нужды скрываться, ведь и я, и девочки-армянки не скрываем своей национальности. Но он не слушал меня, вероятно, не будучи в состоянии рассуждать здраво вследствие душевного расстройства. Только со временем, по прошествии полугода, в течение которого он жил в нормальных условиях, а я носил ему из дома сахар и сушеные финики, стало восстанавливаться его нормальное состояние. И тем не менее он просил меня не говорить с ним о нашей национальности, все еще страшно боялся произнести слово «армянин».

Иса старался неукоснительно выполнять все распоряжения своего опекуна-араба, страшился его, как ангела смерти. Правда, жена опекуна, женщина среднего возраста, будучи бездетна, любилаИсу, как родного сына, заботилась о нем, как мать, старалась помочь забыть грубое обращение и угрозы мужа, утешала после побоев, которые ему иногда доставались. Благодаря моему посредничеству Давуд пригрозил опекуну Исы, что передаст наших овец в стадо мужу Мариам, если он не изменит своего отношения к нашему общему пастуху (ведь одежду ему давали мы), и тот, боясь лишиться заработка, стал обращаться со своим пастухом мягче. Жизнь Исы с тех пор стала более сносной, но все равно он оставался молчаливым, ночью рано ложился спать, утром рано гнал скот на пастбище. Тем не менее мы все больше сближались, и почему-то, как будто подталкиваемый какой-то внутренней силой, я таскался за ним, как влюбленный.

Я видел у него на руке какие-то знаки, но не спрашивал его о них. Именно благодаря этим знакам мы освободились вскоре.

После того как я вернулся из Балада с гарантией на безопасное передвижение под покровительством помощника шейха Агси, Давуд отправил меня вместе с Али в одну курдскую деревню на склонах Синджара обменять соль на арбузы. Мы везли соль на нескольких ослах и уже успешно завершали наш обмен, когда на поле появились двое вооруженных до зубов курдов с еще пятью сопровождающими — на мулах.

Не обращая на нас никакого внимания, вооруженные курды стали выбирать себе лучшие арбузы на поле и велели хозяину поля немедленно погрузить остальные на мулов для их шейха Агси — на угощение его гостям, разумеется, безвозмездно. Оставив незавершенным обмен с нами, хозяин поля приступил к выполнению их требования. В это время вооруженные курды подошли к Али. Им приглянулась его винтовка «Маузер» с блестящим деревянным прикладом, и они предложили ему обменять его на их ружье того же типа. Али понимал, что не может противостоять семерым курдам один, но не хотел ударить лицом в грязь передо мной и отказался меняться. Последовала взаимная брань, и у обоих появились кинжалы в руках. С Али, по местному обычаю, дрался один из них, остальные только наблюдали, но положение Али было тяжелым, так как, победив одного, он все равно должен был бы продолжать сражаться с остальными.

В разгаре боя я, присмотревшись получше, узнал в одном из разбойников, одетом, как шейх, своего знакомого армянина. Я бросился вперед, призвал его к миру, напомнив ему о нашей встрече на пути в Балад. Стычка закончилась миром, парень сдержал свое обещание, но кичливо заявил Али, что он обязан мне жизнью. Храбрость Али была известна всем, но один против семи, к тому же на земле, принадлежавшей курдам, он был бессилен. Впоследствии я старался предать забвению этот случай, но все время, что я жил с его семь-

ей, Али вспоминал это происшествие и искал случая вернуть долг даже ценой жизни.

Поздней осенью 1917 года, несмотря на все еще сохранявшуюся вражду между арабами и курдами, Давуд решил воспользоваться тем, что я нахожусь под опекой того разбойника, и отправил меня с группой арабских женщин на Синджар, в село Бегран на северном склоне хребта, где жил кирва нашей семьи, тот самый, на коленях у которого мне сделали обрезание. Женщины везли на ослах соль, чтобы обменять ее на гранаты и инжир, а я кроме двух ослиных вьюков с солью вез также и мануфактуру, полученную Давудом из Мосула.

На рассвете мы, около десяти женщин и я, вышли с нашими ослами в путь, дошли без каких-либо приключений до нашего курдского села Шнгар. В многолюдных и зажиточных в прошлом деревнях осталось очень мало жителей, обнищавших к тому же настолько, что никто не интересовался нашими товарами.

Как единственный мужчина, к тому же находящийся под покровительством дорожных разбойников, я руководил караваном женщин, которые, однако, подшучивали над моим юношеским возрастом, одни стремились привлечь к себе мое внимание, другие говорили, что готовы отдать за меня своих дочерей. Некоторые из них подтрунивали надо мной, выражая сомнение в моем мужском достоинстве, ссылаясь на мое равнодушие к женщинам, даже норовили проверить, в каком я состоянии, пытаясь поднять мою рубашку, а я увиливал, смущаясь и боясь осрамиться. Совершенно не стесняясь моего присутствия, они рассказывали друг другу о своих половых сношениях с мужьями, описывая способы и полученное удовольствие. Тогда эти разговоры оставляли меня равнодушным, несмотря на то что в тех местах мальчики и девочки моего возраста считались созревшими для брака.

Ранней весной 1918 года Давуд собрался в Мосул, чтобы уладить дела с получением товара для обмена с бедуинами. Он обещал взять меня с собой, чтобы познакомить с поставщиками, с тем чтобы передать мне свое дело, но Наджима сказала, что я еще мал, и посоветовала отложить мою поездку на год. Я был, конечно, очень разочарован и много дней после отъезда Давуда думал о том, как посчитаться с Наджимой за то, что она помешала мне поехать в Мосул, но случай не представлялся.

Хуже моего было настроение Али, потому что его двоюродный брат — брат Гавваки, принял окончательное решение жениться на девушке из другого племени, на той самой, брат которой ставил условием отдать за него Гавваку. Гаввака, любившая Али с юности, решительно отказывалась выйти за другого, грозилась покончить с собой, но ее брат настойчиво уговаривал ее согласиться. Узнав об этом, Али был глубоко оскорблен и искал выхода из создавшегося положения.

Кубба и две замужние сестры Али пытались уговорить брата девушки жениться на другой, обещая большое приданое, даже шейх вмешался в дело, но все впустую. Для Али нашли невесту из близкой родни шейха, но он слышать не хотел о женитьбе на другой.

Отец Гавваки умер давно, а ее мать, сестра Давуда, любила Али, как родного сына, особенно после смерти его матери. Не будучи в состоянии решить, чью сторону держать — сына или племянника, видя переживания трех своих родственников, она слегла в тяжелом состоянии. Ее положение становилось все хуже и хуже. Все ждали приезда Давуда, чтобы принять решение.

По возвращении Давуда вся родня собралась на совет. Давуду, как ближайшему родственнику и старшему в семье после Куббы, принадлежало право принять решение. Желая спасти жизнь сестры Давуда, решили согласиться на брак с обменом сестер, не считаясь с дошедшей до безумия любви Али и Гавваки.

Лишившись Гавваки, Али потерял рассудок. В состоянии безумия пропадал целыми днями в степи, избегая даже меня. Известный своей храбростью,

он теперь как будто стыдился показаться на глаза общине. Я очень сочувствовал Али и поделился с Куббой своим несогласием с несправедливыми патриархальными порядками арабов. Кубба же сообщила мне по секрету, что кроме известного мне решения было принято еще одно: женить Али в будущем году на младшей сестре Гавваки, Халиме, которая была уже на выданье и не могла ждать, пока я подрасту.

Эта новость обрадовала меня, потому что я для себя выбрал армянку из Айнтапа — Мариам. Однажды ночью, желая утешить Али, я сообщил о том, какое решение принято относительно его. Он был возмущен этим, сказал, что не женится на моей суженой и что, лишившись Гавваки, дал обет не жениться никогда. Он горячо любил Гавваку, глубоко страдал, весь мир перестал интересовать его.

Учитывая тяжелое состояние матери Гавваки, свадьбу двух сестер с двумя братьями справили без промедления и без особых приготовлений и формальностей. Хотя Гаввака и уступила мольбам брата, но после свадьбы целых семь дней не звучало выстрелов друзей жениха, стороживших возле шатра новобрачных. По арабскому обычаю, друзья жениха дают залпы по сигналу жениха, который таким образом сообщает, что овладел невестой. Жених был в ярости, грозился забрать обратно свою сестру, уже ставшую женой брата Гавваки, но родственники запретили ему сделать это, посоветовав подождать согласия жены и обещав попытаться уговорить ее смириться. Не знаю, как они жили в дальнейшем, но еще через полтора года после их женитьбы у них не было ребенка.

Али тогда не было в деревне. Желая развлечь его, шейх нашей деревни отправился навестить друзей в других арабских племенах и взял его с собой в качестве сопровождающего. Что до больной матери Гавваки, то она постепенно выздоравливала, а после рождения у сына мальчика с утра до вечера уговаривала Али жениться на Халиме, чтобы забыть пережитое горе. Али отказывался, а Халима плакала, потеряв надежду выйти за меня.

Давуд привез довольно много мануфактуры из Мосула. Часть товара мы раздали внутри нашего племени, с тем чтобы получить плату осенью натурой, а остальное повезли на ослах к бедуинам, кочевья которых расположились недалеко от Айн-Газаля.

Я старался скорее закончить свою работу, потому что очень страдал без хлеба и воды. Кроме того, одно событие, не свойственное арабскому быту, напугало меня. Как-то раз я находился в шатре у одного бедуина, ожидая, когда будет растоплено масло, которое я должен был получить за мануфактуру. Пока жена возилась с маслом, я разговаривал с мужем. Они были женаты всего два года, только что отделились от отцовского хозяйства и создавали свое. Внешне они были здоровы и полны сил, а жена была из тех, которых арабы считают красавицами. Увидев, что я делаю записи в книгу, и обнаружив таким образом, что я грамотный, молодой бедуин стал умолять меня исцелить бесплодие его жены. Никакие мои уверения, что моя грамотность в подобных случаях бесполезна, не убеждали его. Он не отставал от меня, предлагал вознаграждение. Жена нарочно медлила с работой, чтобы задержать меня в шатре. Наконец они поговорили между собой, пришли к соглашению, не стесняясь моего присутствия, и муж стал требовать по настоянию жены, чтобы я заменил его на полчаса в выполнении его супружеского долга в отношении его жены. То обстоятельство, что я был чужак, временно находившийся в их племени, гарантировало сохранение тайны рождения желанного ребенка. Я пытался сообразить, как сбежать от них, так как, во-первых, в то время ни о чем подобном еще не думал, во-вторых, боялся, хорошо зная мстительность арабов в подобных обстоятельствах. Между тем он уже угрожал мне холодным оружием, и мне пришлось схитрить: дав свое согласие, я попросил разрешения выйти сперва по нужде. Отойдя на некоторое расстояние, я пустился бежать что есть силы. Больше я в тот шатер не заходил. Позже Давуд сам пошел к ним получать масло, не потребовав от меня объяснений.

Несмотря на попытки Халимы к сближению, я старался избегать встреч с ней, тем более что ее считали невестой Али. А наша дружба с Мариам становилась крепче. Мы проводили вместе несколько часов каждый день и обсуждали наш будущий союз и уход от арабов, хоть и не знали, существуют ли еще на свете армяне. Каждый день я угощал ее сахаром, которого в общине не было ни у кого, кроме шейха и нашей семьи. А вечерами, если не удавалось встретиться с Мариам, я утешался арабскими сказками Куббы.

Взятие Багдада англичанами еще весной 1917 года никак не отразилось на жизни и настроениях как племени Аль-Мандавут, так и курдов Синджара, но когда осенью 1918 года британские войска вошли в Мосул[9], это обстоятельство не только стало известно всем, но привнесло кое-какие перемены в регионе. С первых же дней стали распространяться слухи (вероятно, пущенные турецкой агентурой), будто командный состав английской армии питается мясом грудных детей. Эти слухи вызвали страшную панику, в особенности среди кормящих матерей, а так как арабы почему-то считали, что англичане — дяди армян, то ко мне стали приходить сотни женщин просить моего покровительства для их младенцев.

Об англичанах я знал в то время не больше, чем арабы, и потому, допуская, что они могут быть нашими дядями, давал всем обещание помочь. С каждым днем слухи становились все более причудливыми: уже говорили, будто установлена очередь для поставки младенцев командному составу, что жители округи Телль-Афара, расположенного между Мосулом и Айн-Газалем, будто бы уже начали поставлять сто младенцев в день, а очередь после них переходит к нашему племени. Несмотря на охвативший всех ужас, никто не думал о том, чтобы бежать в горы, потому что слышали, что рассерженные англичане наказывают непослушных, не разбирая, кто прав, кто виноват.

Прошел месяц в паническом ожидании, и наконец в Айн-Газаль прибыл автомобиль. Ни я, ни арабы никогда не видели кареты, движущейся без живой силы. Собравшись вокруг машины, рассматривали ее и с нетерпением ждали распоряжений. По требованию прибывших им представился шейх. Из автомобиля вышел водитель (после я узнал, что он индиец)[10], который умел объясняться по-арабски. Два человека в белой гражданской одежде, сидевшие в машине, вероятно, англичане — не участвовали в разговоре. Водитель попросил помочь им нанять проводника, который бы доставил их к развалинам древнего городища, находившегося на искусственном холме в наших окрестностях.

В сопровождении конного проводника, предоставленного им шейхом, англичане уехали, а мы целый день обменивались разноречивыми суждениями и комментариями. Вечером они вернулись, поблагодарили шейха, дали проводнику десять рупий серебром и уехали, не задерживаясь. Это событие и особенно крупное вознаграждение за услугу поразили всех. Ничего подобного от турок никто не видел. А главное, о поставке младенцев не было и речи.

Через несколько дней на бывший турецкий сторожевой пункт прибыла рота солдат с командиром, который был насрани[11], то есть ассириец, а солдаты были арабами, и среди них был племянник Давуда, тот самый, который бежал в 1916 году, спасаясь от гнева Давуда. По прошествии времени, да и при новых обстоятельствах, когда он находился под покровительством английской власти, они с Давудом помирились, и теперь он частенько заходил к нам в сво-

[9] В сентябре 1918 года генерал У.Маршалл, одновременно с наступлением англичан на Сирийском фронте, перешел в наступление на Мосул и занял его, не встретив сопротивления. 10 октября в Мудросе было подписано перемирие с Турцией, а 30 октября 1918 года турецкие войска И.Хакки-паши капитулировали в Месопотамии перед английскими войсками генерала А.Кобби.

[10] В Месопотамской кампании большую часть Британских сил составляла Британская индийская армия.

[11] Насрани (*араб.* «христианин») — обычно так называют ассирийцев, исповедующих различные христианские вероисповедания.

бодное время и рассказывал об англичанах. Ему, как соплеменнику, верили, но слышали от него вещи, непостижимые для тех, кто не видел ничего, кроме турецких властей. Он не только опроверг слухи о поставке младенцев, но расписывал свою царскую жизнь при англичанах, говорил, что получает, будучи рядовым, зарплату в сорок рупий — сумму, которой в Междуречье хватило бы одной семье на целый год, рассказывал о щедрости и доброжелательности англичан в обращении с народом.

Не прошло и месяца после появления английской роты на сторожевом посту, как стало известно, что открывается для прохода караванов дорога Мосул — Халеб, бездействовавшая, будучи небезопасной, уже лет сорок. И в самом деле, мы теперь часто видели караваны, шедшие то в одном, то в другом направлении.

Курс турецких серебряных монет значительно упал в Мосуле, поэтому половину груза на караванах составляли мешки с меджидие, которые везли в Халеб, чтобы обменять на золото. Однажды два парня из нашего племени, проверяя груз проходившего мимо каравана, обнаружили деньги и, поддавшись соблазну, забрали один мешок. Хозяин не сопротивлялся, но, свернув с пути, заехал в Айн-Газаль и сообщил о происшедшем командиру роты.

Командир заявил, что если мешок с содержимым не будет возвращен владельцу в течение суток, то все наше племя будет разбомблено с неба. По приказу шейха мешок с деньгами был возвращен хозяину. Шейх извинился перед ним от имени общины и устроил в его честь угощение. Дело закончилось миром.

После этого случая отношение к англичанам в области стало крайне благоприятным: не только курды, но и арабы были рады, что на смену туркам пришли англичане.

В конце 1918-го было объявлено, что всех армян вызывают в Балад на допрос. Многие были очень огорчены возможным расставанием. Уже было известно, что все указы англичан исполняются беспрекословно, поэтому Давуд отверг предложение Али отвезти меня к бедуинам, и я, в слезах и в трауре, отправился вместе с ним в Балад под причитания всей семьи, как будто провожавшей меня в последний путь.

В Баладе нас допрашивали представители власти — военные. С нами разговаривали по большей части ассирийцы из Мосула, владевшие арабским и говорившие по-английски с единственным англичанином, руководившим работой. Беседа была краткой: если опрашиваемый говорил, что живет с арабами по доброй воле, то его без долгих разговоров возвращали хозяину, сделав соответствующую запись в книге. Но, когда подошел мой черед, командир айнгазальской роты что-то сказал по-английски, после чего, несмотря на мои уверения, что я добровольно стал арабом, он начал уговаривать меня согласиться поехать учиться, уверяя, что армянам больше не грозит опасность истребления, что нас ожидает свободная жизнь.

Я слушал его и почему-то — то ли из страха, то ли не желая быть неблагодарным в отношении Куббы, Али, Давуда, его четырех дочерей, но только не Наджимы, — твердил что я араб и что не желаю возвращаться. По распоряжению начальника меня отвели в отдельную комнату, чтобы дать мне время подумать о своем решении. В той комнате была и жена нашего соседа, единственная замужняя армянка. Из тринадцати армян, живших в нашем племени, одиннадцать были отпущены без долгих расспросов, а нас двоих хотели заново армянизировать. Казалось, можно было понять, почему выбрали меня: вокруг моего имени ходили преувеличенные слухи, и меня думали отправить на учебу в сиротский дом, возможно, в Багдаде. Но для чего держали эту женщину, я не понял. Муж не особенно пекся о ней, а за меня Давуд просил на коленях.

Мы с Мариам оставались в той комнате несколько часов. Она говорила, что останется, если я решу остаться. А я не мог смириться с мыслью об отъ-

езде, тем более что оставалась моя подруга Мариам из Айнтапа. Будь она со мной, я бы согласился на освобождение вместе с ней.

К вечеру нас снова вызвали на беседу, и, когда мы подтвердили наше решение, нас отпустили, сочтя обоих добровольно арабизированными. Счастью Давуда не было предела, он спешил скорее сообщить радостную весть домашним, погонял лошадей. Когда мы поздним вечером прибыли в Айн-Газаль, то еще на подступах к селению увидели Али, девочек и Наджиму, встречавших нас. Увидев меня, Наджима стала горланить, приложив руку к горлу, как делают арабки, выражая особо сильные чувства. Я был удивлен ее отношением и, забыв на время свою неприязнь к ней, плакал, придя домой, в объятиях Кубы и девочек — не могу сказать, от радости ли, или сожалея, что вернулся.

После этого случая в семье стали обращаться со мной с еще большей заботой. Даже Наджима изменилась. Я же стал более капризным, вел себя, как настоящий баловень семьи, распоряжался своим временем, как хотел, уходил из дому, не спрашивая разрешения.

Наш пастух Иса тоже заметно изменился. Увидев, что нами интересуются, стал менее молчаливым, сам проявлял желание побыть со мной вместе как можно дольше. Много дней я ходил вместе с ним на выпас скота, и целыми днями он рассказывал мне о пережитом и увиденном в течение года после выхода из Дейр эз-Зора — все то, чего он прежде не хотел или не мог рассказать. Слушая его рассказ о том, как более десяти караванов, вышедших из Дейр эз-Зора, были уничтожены на берегу Хабура чеченцами[12], я тоже вместе с ним целыми днями раздумывал своим маленьким умом о происшедшем, сравнивал две религии, искал причины геноцида, но не находил объяснения.

Ранней весной 1919 года в Айн-Газаль прибыли караваны армян, шедшие из Мосула в Халеб. Они остановились на однодневный отдых. Давуд предупредил меня, чтобы я не встречался с ними, но меня тянуло туда, и вечером, когда уже почти стемнело, я пошел на стоянку своих соотечественников, посмотреть на них, узнать новости. Я не опасался быть опознанным как армянин, так как внешне ничем не отличался от арабов — одет и причесан был, как они. Долго я ходил среди них, прислушивался к их разговорам. Родной армянской речи почти не понимал, прислушивался к разговорам туркоязычных.

Вдруг кто-то положил руку мне на плечо и назвал мое настоящее имя. Удивленный, я пытался вспомнить, узнать его. Не заставляя меня долго думать, он назвался. Это был мальчик из нашей группы в Дейр эз-Зоре, Арутюн из Евдокии, вместе с которым мы прошли через все испытания в течение многих месяцев борьбы за выживание. Потрясенные встречей, мы отошли от стоянки каравана и долго рассказывали друг другу каждый о своей жизни за прошедшие более чем три года. Я не мог говорить по-армянски, а он не владел арабским. Мы говорили по-турецки. Первым делом я спросил о сестре. Он ничего о ней не знал, потому что ушел с предыдущим караваном. Его же интересовали караваны, последовавшие за нашим. Я сообщил ему то, что знал от Исы, то есть что после четвертого каравана через Айн-Газаль в направлении Мосула не проходил ни один караван, так как более десяти караванов были истреблены по распоряжению властей в пещерах близ реки Хабур путем удушения дымом.

Узнав о моей довольно благополучной жизни, Арутюн все же советовал мне присоединиться к их каравану на следующий же день, чтобы поехать в родной город и вернуть себе имущество родителей. Он говорил, что, потерпев поражение в войне, турки якобы стали, как мокрые кошки, уже не могут причинить зло армянам и что есть якобы некоторая надежда на освобождение нашей родины.

---

[12] Речь идет о смешанной группе северокавказских национальностей, которую в Турции чаще называли «черкесами». Это были адыги, кабардинцы, убыхи, ингуши, чеченцы, осетины, лезгины и другие. Их предки переселились из царской России в Турцию и осели там во второй половине XIX века.

Хотя эти сведения казались мне вымыслом, в глубине души я, конечно, хотел присоединиться к их каравану и вернуться. Но понимал, что с моей стороны было бы неблагодарностью уйти, особенно сейчас, после того как ликовали домашние по моему возвращению из Балада. Мне было стыдно поступить так по отношению к семье, окружившей меня такой заботой. Рассказав о своих переживаниях Арутюну, я обещал вернуться со следующим караваном, после того как подготовлю своих покровителей и сумею взять с собой тринадцать армянок, живших в нашем племени.

Поздней ночью мы расстались, как родные, со слезами на глазах. Он обещал ждать меня в Халебе, чтобы оттуда вернуться в родные места вместе, ведь Зиле и Евдокия расположены недалеко — на расстоянии одного дня езды на карете.

Ночью мне не удалось уснуть. Встал с рассветом, чтобы посмотреть, как отправляется караван с армянами. Я был в смятении, новые переживания мучили меня, снова встал передо мной вопрос о моей национальной принадлежности, появилась надежда найти родственников, снова пробудилось желание отыскать сестру, и еще сотни мыслей и надежд терзали мне душу, не давали покоя.

Первой мое состояние заметила Наджима и сообщила Давуду. Ночью я слышал их долгое совещание относительно меня. Наджима связывала мое беспокойство со встречей с соотечественниками и желанием уйти с ними и не ошибалась. Она советовала немедленно женить меня на Халиме, чтобы предотвартить мой возможный побег, тем более что Али отказывался от нее. Давуд же предлагал отправить меня вместе с Али на время к бедуинам, в глубь Междуречья, полагая, что я еще мал для женитьбы. Но Наджима настаивала на своем, уверяя, что сумеет удержать меня в семье.

На следующий день, задержав меня дома, Наджима в присутствии мужа уговаривала меня жениться. От нее не ускользнула моя дружба с девочкой из Айнтапа, но она перечисляла целый ряд преимуществ арабских женщин, расхваливала красоту Халимы, говорила о ее весьма благосклонном ко мне отношении и всячески добивалась моего согласия на свадьбу в ближайшие дни.

Я старался скрыть от них мои истинные переживания, лгал, говоря, что мое дурное настроение — следствие болезни, а что до брака, то об этом, сказал я, не может быть и речи, и дело не в Халиме и не в Мариам, а в том, что я не могу жениться раньше старшего брата, да и сам еще не дорос до брачного возраста.

Прибыл второй караван с армянами из Мосула, но я почему-то не исполнил своего намерения присоединиться к нему вместе с Мариам и снова отложил до следующего каравана, чтобы лучше обдумать свое решение. Ведь я прожил более трех лет в изоляции, забыл родной язык, полагал, что все мои соотечественники истреблены.

Вот в таких противоречивых раздумьях я дожидался прибытия третьего каравана.

В один из дней я был по обыкновению на пастбище вместе с сестрами в полдень, во время доения овец. Пришел поесть пенок, которые образуются в чане во время дойки и которые очень любил. Там был Иса, который выглядел крайне озабоченным. Пока мы занимались обычными делами на берегу реки, к нам подошли четыре человека в необычной для наших мест одежде. Один из них с трудом изъяснялся по-арабски с помощью нескольких известных ему слов. Он подошел к Исе и спросил, кто его опекун. Мы указали на добрую приемную мать Исы, занятую доением. Они подошли к ней, и один из них, показав синюю татуировку на своей руке и такую же на руке у Исы, сказал, что последний — его младший брат, которого он узнал, встретив на дороге несколько часов назад. Добрая женщина со слезами радости приняла весть о встрече братьев после стольких лет разлуки. Несмотря на то что Иса был большим подспорьем им в хозяйстве, она не препятствовала воссоеди-

нению братьев. Старший брат дал женщине одну турецкую золотую монету за ее заботу об Исе и ушел вместе с ним в сторону мельницы, где находилась стоянка караванов.

Наблюдая за происходящим, я старался знаками дать понять Исе, чтобы он поговорил с ними и обо мне, но он, потрясенный новым поворотом в своей судьбе, ничего не замечал. Когда мы вернулись домой с дойки, новость была известна уже многим, в том числе и Куббе, которая была в ужасном настроении. Не послушавшись ее просьбы не отходить от нее, я вышел из дому, сказав, что иду купаться — стоял июнь, и было жарко. На самом деле вышел из деревни и шел по берегу реки. При выходе из деревни я увидел шедших впереди меня трех человек, похожих на тех, кто приходил за Исой. Они сделали покупки в деревне и теперь возвращались на стоянку. Пока я следил за ними на расстоянии, появилась моя старшая замужняя приемная сестра. Она посоветовала мне пойти домой, но я сказал, что иду на стоянку по делам. Еще не дойдя до стоянки, я настиг новоприбывших и, заговорив с ними по-турецки, сказал, что я армянин. Они были удивлены, ввиду моей внешности, но отвели меня к хозяину каравана.

Это был среднего роста довольно полный человек лет пятидесяти, выходец из Амасии, находящейся на расстоянии двух дней езды на карете от нашего города. Бодрый, энергичный, умный, он выслушал меня и, предвидя возможное сопротивление со стороны моей арабской родни, посоветовал мне сказаться его племянником и велел мне говорить всем в деревне, что нашелся мой дядя.

В караване было более двадцати карет, все армяне. Они ехали из Халеба в Мосул с нагруженным на кареты грузом ковров. Все, кроме извозчиков, были вооружены на случай возможных дорожных происшествий, но была при них и специальная группа сопровождающих молодых людей для защиты каравана.

На стоянке не было отдельной постройки. Люди группами разместились в палатках, а у хозяина была своя отдельная палатка, где он и держал меня как своего племянника. Не прошло и двух часов, как в деревне уже знали о том, что я был на стоянке. По прибытии в деревню опекун Исы узнал от жены об уходе своего подопечного. Взяв с собой золотую монету, полученную его женой, он пришел на стоянку вместе с группой таких же скандалистов, как и он. Вместе с ним на стоянку пришла и моя родня.

Давуд и Али вошли в палатку начальника чрезвычайно взволнованные, требовали объяснений. Я сказал, как мы и условились, что нашел своего дядю и возвращаюсь домой вместе с ним. Они не верили мне, несмотря на то, что мы с мнимым дядей были даже немного похожи, говорили, что всего месяца два назад я объявил официальным властям, что я араб и, следовательно, в любом случае не имею права уезжать. Если в палатке хозяина каравана шел горячий, но мирный спор, в котором я служил переводчиком, то в соседней палатке группа арабов с обнаженными кинжалами требовала вернуть Ису. На стоянку приходило все больше арабов из деревни, появились даже мои сестры, громко причитая, как на похоронах. Видя все это, этих разгоряченных людей, я сожалел о содеянном, но вернуться после этого было бы еще одной подлостью.

Наконец на стоянку прибыл шейх. Выслушав аргументы сторон, он сказал, что не позволит увезти нас без соответствующего распоряжения представителей власти. Глава местного управления, узнав о споре, отправил на стоянку нескольких конных жандармов из арабов. Среди них был наш родственник, который пристыдил меня за неблагодарность и сильно ударил по лицу. Меня вместе с представителями обеих сторон повели на сторожевой пункт.

Начальник-ассириец знал, что английские власти в Мосуле будут недовольны, если нас не вернут нашим родственникам, которых мы потеряли во время Катастрофы. Но он видел также, как распалены арабы. Поэтому, вы-

слушав еще и аргументы главы каравана, он принял дипломатичное решение, объявив:

— Мальчики останутся в своих домах под мою личную ответственность. Так как в присутствии представителей власти в Баладе они признали себя арабами и отказались вернуться к своим соотечественникам, они должны остаться. Появление родственников меняет положение дел, но решение может быть принято только по письменному распоряжению главы английского гарнизона в Мосуле. Если по возвращении из Мосула вы предъявите мне такое распоряжение, то получите от меня мальчиков и увезете их к себе в Халеб.

Как шейх, так и мой мнимый дядя сочли это решение справедливым и вернули нас нашим хозяевам, которые, правда, не вполне верно поняв исход спора, с радостными возгласами вернулись с нами в деревню. Дома, увидев состояние Куббы, я готов был провалиться сквозь землю. Она горевала, как родная мать. Еще раньше, услышав мое заявление на стоянке каравана о том, что я ухожу с дядей, Али пытался покончить с собой. А ведь, оставаясь в доме в качестве приемного сына, я наследовал имущество его родного отца. Он готов был уступить мне все, лишь бы я остался и был ему братом.

Вечером в присутствии всех членов семьи и других родственников я снова подтвердил свое заявление, что нашел дядю, кроме того, сказал, что Наджима ко мне недоброжелательна, а также что не хочу лишить Али наследства, став членом семьи по случайному стечению обстоятельств.

Караван с армянами не появлялся месяца два. Арабы почти забыли о случившемся, но мы с Исой глубоко переживали. Вернувшись домой со сторожевого пункта, он был избит своим опекуном так, что несколько недель не мог двигаться. Настолько был напуган, что вовсе отказывался уйти с братом. Я проводил с ним дни на пастбище, уговаривал, убеждал, пытался приободрить, но он снова начинал рассказывать все виденное, заново вспоминая пережитый кошмар, истребление армян, выведенных из Дейр эз-Зора, удушение людей в пещерах, вспарывание животов в поисках спрятанных денег, убийства детей под вопли матерей...

Меня раздирали противоречивые чувства. Я винил себя в неблагодарности, стыдился смотреть в глаза так любившим меня домашним и считал дни и часы в ожидании возвращения каравана, будучи уверен, что из Мосула придет положительное распоряжение. Вечерами, встречаясь с Мариам, старался подбадривать ее, обещал, что и ее возьмем с собой. Между тем бедная девочка была в отчаянии, так как члены ее семьи, заметив нашу дружбу, решили срочно выдать ее замуж, причем не за молодого человека, а за вдовца около пятидесяти лет — многодетного отца, несмотря на то, что Мариам было не больше пятнадцати-шестнадцати лет. Следуя моим советам, она все откладывала свадьбу, придумывая разные отговорки, в ожидании каравана, который все не прибывал.

Один случай отвлек меня немного от моих переживаний в тот период. К нам пришел тот бедуин, у которого я жил около месяца. Он привел к нам свою бесподобную чистокровную кобылицу, у которой, вследствие небольшой раны, на животе появилась опухоль размером с яблоко. Ветеринар бы, может быть, вылечил ее за несколько дней, но арабы понятия не имели о медицине. Племя, к которому принадлежал наш знакомый, собралось перекочевать далеко, в сторону Багдада, и он хотел оставить у нас свою кобылицу, так как она несла трехмесячный плод. В горьких слезах он просил нас заняться лечением кобылицы, обещав отдать первого жеребенка нам.

Уход за кобылицей был поручен мне, и мне же был предназначен ожидаемый жеребенок. После двух недель неустанных забот и стараний, мне удалось немного приручить лошадь. Несколько раз в день я выводил ее на реку поить и купать, и встречные селяне цепенели в восхищении. Она обладала поразительным чутьем: на звук дальнего выстрела вставала на месте, навострив уши, в позе готового к бою героя, торжествуя грядущую победу.

Я просто влюбился в лошадь, не помнил о еде, о каких-либо удовольствиях, почти перестал думать об уходе от арабов — так хотел увидеть новорожденного жеребенка. Но положение лошади все ухудшалось, опухоль все увеличивалась. Нам не удавалось усмирить ее стремление выйти на пастбище с другими породистыми лошадьми в деревне, потому что те паслись без всякого надзора, только со связанными в цепи передними ногами. Когда же их уводили на выездку или в дальние походы, она приходила в ярость, оставаясь одна. Приходилось связывать ей все четыре ноги по диагонали, чтобы она оставалась неподвижной.

Однажды вспыхнуло вооруженное столкновение между пастухами нашего племени и пастухами соседних деревень. Послышались звуки пальбы, и люди, кто пешком, а кто на лошадях, спешили на помощь. Али присоединился к односельчанам на нашей красной полукровке. Мы с Давудом, вместе с подоспевшими на помощь несколькими пожилыми людьми, перевязали глаза лошади бедуина и долго бились, стараясь удержать ее на месте. Она была в ярости, опухоль на животе раздулась с арбуз. Ко всему добавилась еще и невежественность местных людей: как будто мало было бедняжке ее страданий, кто-то из стариков, якобы знавших дело, посоветовал прижечь опухоль каленым железом. От боли или от обиды сказочная красавица проливала обильные слезы, как человек. Я плакал вместе с ней.

Али вернулся с места распри очень поздно, когда уже совсем стемнело. Тогда я и попробовал накормить лошадь и напоить на месте, но она отказалась — как будто назло. А утром мы не нашли ее на месте. Она разорвала связывавшие ее цепи и сбежала. Мы с Али нашли ее лежащей на земле недалеко от деревни с вывалившимися кишками, в агонии. Не в состоянии ни помочь ей, ни бросить ее, мы с Али оставались при ней несколько часов, не желая мириться с невосполнимой утратой, оплакивали ее, как родную. Я тяжело переживал утрату кобылицы, плакал много дней, не ел и не выходил из дому.

Как-то вечером в те дни к нам пришла пожилая гадалка из другого племени. Она гадала Наджиме у нас во дворе. Сидя неподалеку, я слушал их разговор. Она гадала, разбрасывая пятьдесят-шестьдесят разноцветных бусинок и осколков керамики из заброшенного городища. Наджима пыталась узнать у нее какие-нибудь способы родить мальчика и сохранить ему жизнь, но гадалка предпочитала говорить обо мне, оставляя без внимания ее расспросы:

— Не верю, что он ваш родной сын. Он пришел к вам издалека и третье мое гадание показывает, что его ожидает новое дальнее путешествие. Единственная его живая родственница находится близ Телль-Афара, дни и ночи напролет горюет о нем и, чувствуя близость окончательной потери брата, еще горше его оплакивает.

Наджима запретила ей говорить об этом, но подошедшая к ним Кубба просила снова бросить бусы, чтобы точнее узнать о местонахождении моей сестры. Старая гадалка прислушалась к просьбе своей сверстницы, в четвертый раз рассыпала бусы и подтвердила предыдущее гадание, добавив, что нет смысла задерживать меня, потому что еще до новолуния я расстанусь с ними. Что же до сестры, то поздно искать ее, сказала она.

Это гадание вызвало в доме переполох. Все верили предсказаниям гадалки, Кубба плакала о близкой разлуке.

По удивительному совпадению на третий день после этого вернулся караван. В самый день их прибытия мы еще не знали содержания привезенного ими распоряжения, но рано утром следующего дня к нам пришла группа конных жандармов и потребовала передать им меня и Ису.

Траур в нашем доме, начавшийся уже со дня гадания, еще более усугубился. Кубба лежала без сознания, а девочки царапали себе лица в кровь и горько плакали, распустив волосы[13]. Хозяин Исы спрятал его в яме для пшеницы,

[13] Распущенные волосы — знак траура.

покрыл сеном и уверял жандармов, что он сбежал из дому. Только под ударами плети он вывел Ису из ямы, и жандармы отвели нас на сторожевой пункт, где нас ожидали брат Исы и мой мнимый дядя с еще тремя полувоенного вида незнакомцами. Там же был и шейх нашего племени.

Глава местной власти, взявший на себя ответственность за нас во время нашей предыдущей встречи, сообщил присутствовавшим, что в соответствии с пришедшим из Мосула распоряжением от главы армейского руководства (кажется, генерала Томсона) мальчики должны быть немедленно возвращены своим родным. После этого он передал нас армянам и пожелал благополучного пути.

Тот день мы провели на стоянке у армянских извозчиков в очень дурном настроении. Нами очень интересовались трое незнакомцев в полувоенном одеянии. Это были демобилизованные солдаты, возвращавшиеся на родину в Киликию через Персию и Ирак. Нас не очень интересовали их непонятные и туманные рассказы о событиях в Армении, потому что мы не имели об Армении никакого представления. Но, впервые видя армянских солдат, мы радовались, что у нас, армян, уже есть защитники.

Познакомившись с ними поближе, я попытался первым делом исполнить обещание, данное Мариам, описал им, где находится в деревне их дом, назвал имя хозяина и попросил их помочь мне освободить девочку-армянку, сообщив также о других девочках. Они сказали, что без специального разрешения невозможно увезти такое количество детей, но, уступив моим настойчивым мольбам, пошли втроем за Мариам в Айн-Газаль, километрах в двух от стоянки. Вернувшись вечером, они сообщили, что накануне Мариам была выдана за того вдовца, и утром ее муж, получив известие о том, что мы собираемся уезжать, взял жену и уехал из деревни в неизвестном направлении, вероятно, к нашим пастухам, на дальние пастбища.

Меня мучила разлука с Мариам после двухлетней дружбы с ней. Не меньшую боль причиняла мне разлука с семьей, с которой я прожил под одним кровом несколько лет и был связан с ними, особенно с Куббой, родственными чувствами. Ведь я все еще находился так близко к ним, а будущее мое было в тумане безвестности.

Я сидел в углу палатки и с нетерпением ждал наступления темноты, когда мы должны были отправиться в путь.

Наконец стемнело, и наш караван вышел из Айн-Газаля, направляясь в Дейр эз-Зор. К счастью, в карете под полукруглым покрывалом со мной разместился унтер-офицер ирландец, который был в отпуске и направлялся в Иерусалим. Я боялся нападения арабов на наш караван и рассчитывал на защиту ирландца. Он немного умел объясняться по-турецки, успокаивал меня, рассказывая о могуществе английских властей, и уверял, что они способны предотвратить нападение. Несмотря на его увещевания, меня трясло от страха все время, пока мы находились еще недалеко от нашего поселка.

Наш караван, состоявший из карет, запряженных лошадьми, следовал по пути всю ночь. Только однажды мы сделали короткую остановку, чтобы накормить лошадей. Разговор с унтер-офицером ирландцем, с трудом объяснявшемся с помощью нескольких десятков известных ему турецких слов, отвлекал меня от страха и напряжения, но когда он уснул в заранее подготовленной дорожной постели, меня одолел ужас: любой шорох казался мне предвестием надвигающегося нападения арабов Айн-Газаля на наш караван с целью вернуь нас с Исой.

Всю ночь я провел в переживаниях, предпочитал лучше умереть, чем вернуться в арабскую семью, — мучительно стыдился своей неблагодарности. Я так и не уснул в ту ночь. Мое душевное спокойствие отчасти восстановилось только на рассвете, когда наш караван остановился для отдыха и кормления лошадей и мой мнимый дядя сообщил мне, что мы находимся на расстоянии более пятидесяти километров от Аль-Мандавутов.

Извозчики, хорошо знавшие все трудности пути, запаслись едой, кормом для лошадей и водой в бурдюках в расчете на большие безлюдные и безводные расстояния. Когда солнце встало довольно высоко на горизонте и духота пустыни стала невыносимой, особенно для лошадей, мы остановились по распоряжению хозяина каравана на пустынном месте, покрытом колючими кустарниками. Чтобы защитить лошадей от солнца, мы перетянули навесы между каретами. Верхом на красной полукровке мой мнимый дядя давал, как главный, указания, которые выполнялись неукоснительно.

Уединившись в тени одной из карет, мы с Исой планировали наши будущие шаги, не имея никакого представления о том, что нас ожидало в Халебе. Кроме того, я был крайне взбудоражен тем, что мне предстояло снова увидеть пройденный в 1916 году путь, вспомнить леденящие душу картины, но пока я не видел на нашем пути ничего, что бы напоминало мне о пережитом. Мы проезжали, хотя и вдоль протяженности Синджара, как и тогда, но, по-видимому, севернее, ближе к горе. Мы ехали сейчас по местам, где вполне еще можно было разглядеть старую караванную дорогу, покрывшуюся песком, будучи заброшенной в течение многих лет, в то время как караваны депортируемых шли по пустыне, которой до них не касалась нога человека или зверя.

Следующие дни были в основном похожи друг на друга: мы продолжали ездить по ночам, отдыхая днем возле небольших соленых озер. Должно быть, мы двигались довольно быстро, так как, кажется, уже на четвертый день остановились у берега реки Хабур, в городке Сувар, а ведь когда-то с караваном депортируемых мы прошли от Сувара до Айн-Газаля почти за месяц.

В пути мы сблизились с некоторыми нашими попутчиками, с теми, которые не были заняты работой, то есть с тремя армянскими солдатами, а я еще и с унтер-офицером ирландцем, так как находился с ним в одной карете и к тому же выступал его переводчиком, когда он общался с арабами. Наши новые знакомые интересовались нашей жизнью у арабов, а мы по возможности осведомлялись о совершенно неизвестных нам событиях, происшедших в период от 1915 по 1919 год. Хорошо помню, что ни унтер-офицер, ни армянские солдаты совершенно не говорили о России и происшедших там значительных событиях, об Октябрьской революции. Солдаты-армяне сообщали нам смутные сведения об относительной независимости Армении. Многие наши вопросы о жизни народа, о руководителях армян они оставляли без ответа. В основном говорили о подвигах Андраника.

Что касается ирландца, то он был — или прикидывался — исключительным гуманистом: все время, хоть и объясняясь с трудом, говорил о международных делах, говорил, что европейские государства, в том числе и английское правительство, ответственны в том, что произошло с армянами. Он говорил о равенстве всех людей и многих других моральных проблемах.

После одного дня отдыха в Суваре, где погода была заметно мягче, еще целый день нас с каретами, лошадьми и грузом перевозили на плотах через Хабур. Путь от Сувара до Дейр эз-Зора проходил в более благоприятных условиях, часто встречались арабские поселения и кочевья. Покупать у них молочные продукты поручали нам с Исой.

Меня очень удивляла щедрость унтер-офицера. Правда, у него была небольшая сумка, полная серебряных рупий, но он говорил, что это его сбережения от зарплаты, на которые он собирался съездить в Иерусалим и в Египет, посмотреть пирамиды. Посылая меня за покупками к арабам, он велел говорить торговцам, что покупку совершает он, и давать им вдвое больше запрошенной суммы. Мне это не нравилось, потому что арабы этих мест своим полуразбойничьим нравом резко отличались от арабов и бедуинов наших краев. Меня возмущало их поведение, тем более что они принимали меня за ребенка, ввиду моего малого роста, и пытались обмануть в расчетах. Однажды я так рассердился, что отказался платить за купленные молоко и простоквашу, сказав, что это — для английского офицера. Видя офицера, стоявшего

неподалеку, они не стали возражать, но тот, смекнув суть дела, рассердился, влепил мне крепкую оплеуху и приказал отдать торговцу двойную сумму за полученные молочные продукты.

Дорога от Сувара до Дейр эз-Зора заняла, если не ошибаюсь, три дня. Наш караван остановился недалеко от места, где раньше был концентрационный лагерь, близ моста. Перед нами через сторожевой пункт проходил верблюжий караван, и нам пришлось ждать, пока чиновники не проверят содержание груза, протыкая вьюки специальными железными прутьями.

Воспользовавшись остановкой, я ходил по знакомым местам, пытаясь восстановить в памяти развернувшуюся там некогда геенну. Ничего, кроме здания сторожевого поста, не осталось. Мощные ветры пустыни покрыли все следы толстым слоем песка, даже на расстоянии нескольких километров не было видно линий бугров, образовавшихся при рытье огромных могильных рвов. Пространство, бывшее лагерем смерти всего три года назад, ровное и однообразное, ничем не отличалось от всей остальной бескрайней пустыни.

Желая окончательно избавиться от страха и сомнений, все еще преследовавших меня, я попросил унтер-офицера пойти вместе в английский гарнизон. Порасспросив арабов, мы выяснили, что в городе нет не только английского гарнизона, но и ни одного англичанина. Руководство городскими делами англичане осуществляли через местных арабских чиновников. Единственный начальник-англичанин прибывал ежедневно на самолете, давал свои распоряжения и возвращался. Я ходил по улицам города, по рынку и поражался переменам. Город был тот же, но появились порядок и чистота, на улицах стояли специальные урны для мусора, даже испражнения животных убирались хозяевами и складывались в мусорные урны под страхом штрафа. Что касается купленных на рынке птиц, то домой их носили, держа головами кверху. Никаких следов присутствия многих тысяч армянских беженцев уже не оставалось. Народ в городе выглядел более жизнерадостным. И все это при отсутствии в городе представителей английских властей — достаточно было только, чтобы не стало турецких.

По просьбе унтер-офицера я купил на рынке два арбуза, каждый не меньше двадцати килограммов. К нам на постоялый двор их доставил носильщик. Второй арбуз, к моему удивлению, был куплен для меня. На мой вопрос, зачем было покупать целый арбуз, если мне хватило бы куска от его арбуза, унтер-офицер ответил, что принцип равенства не должен быть нарушен. Через несколько часов он вызвал меня и велел отнести на свалку остаток от его арбуза, съеденного едва ли на пять процентов, и хорошенько помять его ногами, чтобы никто другой не съел оставленное им.

Обсуждая странности унтер-офицера, мы с Исой, вместе с тремя солдатами и несколькими извозчиками расправились с моим арбузом.

Наш караван задержался в Дейр эз-Зоре три дня. На второй день мой мнимый дядя повел нас с Исой к человеку по имени Рубен Герян. Это был очень благовоспитанный человек, седой в свои едва ли пятьдесят лет. Он приехал из Америки и занимался благотворительностью и поиском армянских детей, находившихся у арабов. Вкратце рассказал нам о детях, которых находил и выкупал у арабов за одну золотую турецкую монету, спросил у нас сведения об оставшихся у Аль-Мандавутов одиннадцати армянках. Он интересовался каждым армянским ребенком. Я его очень заинтересовал своим благополучным видом, хорошей одеждой, какую носят дети шейхов, длинными волосами, и еще ему было приятно узнать, что я родом из города Зиле, так как сам он был родом из близлежащей Евдокии. Они долго говорили обо мне с моим мнимым дядей, но я еще не вполне понимал армянскую речь. Он очень просил нас сохранить мои волосы до его возвращения в Халеб, чтобы сфотографировать меня и отправить фотографию американским армянам. Герян записал нас в специальную книгу, в которую он заносил имена, фамилии, приблизительный возраст и место рождения найденных им детей.

После того как мы приехали в Халеб и устроили кареты и груз в постоялом дворе, брат Исы повел его в сиротский приют преподобного Аарона, а мой мнимый дядя взял меня к себе домой. Идя вместе с ним по улицам Халеба, я изумлялся большому городу, множеству народа — в то время я еще не видел таких больших городов. Дома нас встретила молодая женщина. Умывшись с помощью служанки, мы сели обедать. За обедом супруги долго говорили по-армянски, но я не понимал, о чем. После обеда мой благодетель сказал, что хотел бы, при моем согласии, усыновить меня. Своих детей от первого брака он потерял, а от второй жены пока детей не имел. Он обещал отдать меня в единственную армянскую школу, которая, кажется, называлась «Айказян».

Сам не знаю почему, я попросил три дня для принятия решения, рассчитывая на то, что смогу за это время свободно осмотреть город и навестить Ису в приюте. «Дядя» похвалил меня за здравомыслие, сказав, что, конечно, лучше основательно подумать.

Свои три дня я использовал для ознакомления с городом, побывал и в приюте преподобного Аарона. Бродя по городу, я встречал на рынке арабов, пришедших из отдаленных районов. Они принимали меня за сына шейха и оказывали соответствующие почести. Я не говорил им, что я армянин, а представлялся под своим арабским именем — Салихом ибн Давудом ибн Куббой. Они приглашали меня в столовую, подавали мороженое, которое я прежде никогда не ел, угощали почти килограммовыми гранатами. Меня удивляло их простодушие, но три дня подряд я услаждался их почтительным обхождением.

Я нашел Ису в приюте преподобного Аарона, мы вместе осмотрели здание приюта, находившееся возле крытого рынка в постоялом дворе Хан Сабуна[14]. Там было много сирот нашего возраста, говоривших по-арабски, по-курдски, по-турецки. Только немногие говорили по-армянски. Я узнал от Исы об условиях жизни в приюте, о том, что кормят их три раза в день, о руководителях приюта и их конторе, которая находилась довольно далеко от здания приюта. В доме «дяди» мне предлагали все условия: разнообразную пищу (на завтрак, обед и ужин подавали различные яства, фрукты и напитки, каких я не видел даже дома, у родителей), удобную кровать с мягкой постелью. Но я решил отказаться от усыновления и присоединиться к Исе в приюте.

Всю жизнь потом я сожалел, что упустил возможность сфотографироваться в арабском одеянии, с шестью длинными косами, ведь, бродя по улицам, я часто встречал фотографов, и деньги у меня были: расставаясь, Давуд оставил мне около двадцати рупий, бывших у меня в кошельке. Но я предпочел удовлетворить свое любопытство и пойти в кино, которого никогда не видел, вместо того чтобы сфотографироваться — что такое фотография, я знал еще дома.

Вечером третьего дня моей жизни в доме моего «дяди» я ничего не сказал о своем решении. Только утром, когда после завтрака молодая жена хозяина предложила мне переодеться, показав купленную для меня школьную одежду, я извинился, поблагодарил супругов за мое освобождение, за гостеприимство и заботу и сообщил о своем решении идти в приют, чтобы быть вместе с другом, Исой.

Расставшись с ними, я пошел прямо в здание, где располагалась контора руководства приютом. Там я зашел в кабинет преподобного Аарона. Это был невысокий, очень толстый человек. С трудом объяснив ему по-турецки, что хочу поступить в приют, я получил от него записку о моем зачислении. В предбаннике кабинета я показал записку работнице, и меня повели в ближайшее здание, где я оказался в окружении девочек. Я ничего не по-

[14] Хан Сабун (Сабун — *араб.* «мыло») — постоялый двор на месте, где прежде находились мыловаренные лавки. Существует и ныне.

нимал и был крайне удивлен, когда меня вместе с несколькими девочками повели в банную комнату. Девочки, раздевшись, купались, а я плакал, съежившись в углу от стыда. Они пытались раздеть меня, а я кричал, что не могу остаться с ними, хочу к мальчикам. Девочки твердили, что не пристало мне купаться с мальчиками. Наконец мне удалось объяснить им, что я мальчик, они позвали аббатису, которая, проверив правдивость моего заявления, снова и снова читала записку и смеялась над преподобным, принявшим меня за девочку из-за моих длинных кос. Разобравшись с недоразумением, меня отправили в приют для мальчиков возле Хан Сабуна. Прямо в прихожей я встретил своего земляка и одноклассника Саргиса Титкаряна. Мы узнали друг друга, поведали друг другу каждый о себе. Он был старше меня. Будучи воспитанником приюта, он ходил на кожевенный завод учеником, чтобы научиться ремеслу. С его помощью я устроился в приюте. Живя в приюте, мы с ним встречались по воскресеньям после полудня и ходили вместе гулять по городу.

Саргис Титкарян жил в Зиле на нашей улице, недалеко от нас. Он тоже шел с караваном. Лишившись, как и я, родителей, он нашел приют в доме одного турка и таким образом выжил, а после попал в Халеб. В жизни случаются самые удивительные совпадения. Не только первая встреча двух земляков в Халебе была неправдоподобной, но позже, после того как мы потеряли друг друга, я встретил его в 1946 году в Батуми[15]. Он был в группе вновь прибывших репатриантов. Если при первой встрече в халебском приюте он первый узнал меня, то сейчас, наоборот, он подошел ко мне и спрашивал обо мне, рассчитывая найти меня в Ереване. В настоящее время он живет с семьей в Нор Арeше[16] и является единственным человеком на свете, знающим с детства меня и моих родителей. Он работал в одном из цехов Ереванского кожевенного завода. Сейчас — на пенсии.

Иса был со мной в приюте преподобного Аарона всего несколько дней. Найдя своих земляков из округа Бруссы, он отправился с ними в родной город, надеясь вернуть себе имущество семьи. После его отъезда я чувствовал себя одиноким и растерянным.

Некоторые женщины из обслуживающего персонала приюта очень хотели заполучить мои волосы. Я решительно не хотел стричься и отказывался менять свою одежду на приютскую — грозился сбежать из приюта. Меня защищал общий руководитель приюта и помощник преподобного Аарона господин Карапет из Эдессы. Однажды, гуляя по городу в воскресенье, я почувствовал, что за мной следом идут две женщины в шелковых покрывалах. Настигнув меня в немноголюдном месте, они заговорили со мной, стали щупать мои волосы, проверяя длину, и уговаривали меня продать их, предлагая по одной золотой за каждую косу. Я отказал им, но на следующий день, когда приютский врач осматривал меня, вошла аббатиса и сообщила врачу о том, что я отказываюсь стричься, нарушая приютские правила гигиены. Врач попросил ножницы, я стал кричать, готовился к сопротивлению, но упал без сознания, получив крепкую пощечину. Когда же я пришел в себя, то не было ни аббатисы, ни моих волос. Узнав об этом, господин Карапет был крайне возмущен, но было поздно. Меня, правда, пытались утешить, поведя на склад и предложив выбрать себе любую одежду и обувь. После этого случая господин Карапет взял меня под свою опеку: я участвовал в приеме новых сирот в качестве переводчика, так как говорил по-арабски, по-курдски и по-турецки, а сохранившийся в моей памяти запас в тридцать три армянских слова быстро увеличивался, и родной язык быстро восстанавливался в моем сознании.

[15] В 1946 году была объявлена репатриация в Советскую Армению. Большое число репатриантов прибывало в СССР морским путем — до Батуми, откуда прибывшие отправлялись в Армению. Многие ранее репатриировавшиеся армяне из выживших в Катастрофе ездили в Батуми встречать корабли со вновь прибывающими в надежде найти среди них родственников или земляков.
[16] Нор Ареш — район в Ереване.

Шел август месяц, уроков не было. С нами ежедневно занимались физкультурой и военным делом, используя на занятиях деревянные бутафорские ружья. Остальное время мы проводили в играх, а по вечерам собирались вместе и рассказывали сказки или же каждый рассказывал о том, что видел и пережил во время Катастрофы 1915—1916 годов.

Я был одним из лучших рассказчиков. Рассказывая десятки сказок, слышанных от арабов и от кызылбашей, я завоевал симпатию товарищей, которые окружали меня вечерами и по многу часов слушали мои занимательные сказки на арабском, турецком и курдском языках.

Насколько их интересовали мои сказки, настолько же я хотел послушать их реальные, еще свежие у всех в памяти истории о том, что произошло с каждым из них. Я ставил им условием — рассказать по очереди свои истории, каждая из которых превосходила другую леденящими душу подробностями, давала представление о масштабе злодеяния, об изощренности методов.

Еще в Айн-Газале я слышал от Исы, что более десяти караванов, вышедших из Дейр эз-Зора после нас, были полностью уничтожены руками чеченцев, специально мобилизованных для этого. Недалеко от реки Хабур, между аль-Хиабином и Суваром, весь состав нескольких караванов, не различая пола и возраста, был истреблен. Людей раздели догола, ища последние спрятанные ценности, изнасиловали девушек на глазах у матерей и пожилых отцов, обещав не убивать их, а после изрубили всех кинжалами и бросили трупы в пещеры. В отношении следующих караванов метод истребления был несколько изменен: сначала отобрали из караванов людей, выглядевших лучше остальных, полагая, что у них еще есть спрятанные деньги, и требовали с них выкуп за сохранение жизни. Кто не мог платить, были обезглавлены, как скотина, и брошены в пещеры. Собрав таким образом последние деньги и ценности, согнали всех — откупившихся вместе с остальными — в пещеры и удушили дымом сожженных сухих колючих кустарников, собранных руками самих жертв.

Эти пещеры, когда-то служившие древним обитателям этих мест — халдеям и вавилонянам — укрытием от противника, стали могилой для армян из более десяти караванов, числом более пятидесяти тысяч человек. Работу палачей, от которой местные арабы отказались, выполнили чеченцы из Рас уль-Айна на условиях присвоения имущества жертв в качестве оплаты их труда.

Рассказы сирот, чудом спасшихся от подобных кровавых боен, мало отличались друг от друга: они оставались несколько дней под трупами, потом, придя в себя после отравления угаром, тайком выползли наружу, и только те из них, кто умел плавать, спаслись, переплыв реку Хабур, и выжили, устроившись батраками у арабов.

Акоп Джосогян, наш товарищ по комнате, рассказывал о судьбе тех из депортированных, которым удалось сбежать из лагеря при Дейр эз-Зоре и устроиться в ближайших селениях. После завершения отсылки караванов из Дейр эз-Зора в пустыню, продолжавшейся до мая-июня 1916 года, уже с июля начали собирать тех, кто нашел приют за пределами лагеря. Акоп вместе с матерью и сестрой был в одной из первых групп, в количестве более трехсот человек. Окруженных жандармами и специально выпущенными из тюрем разбойниками, их вывели ночью, объявив, что ведут в лагерь. Однако, выведя всех на паромную часть большого моста через левую протоку Евфрата, жандармы закрыли выход с моста с обоих концов и предоставили разбойникам довершить их работу. Все, один за другим, были раздеты догола, сопротивлявшихся закалывали кинжалами, не сопротивлявшимся оказывали милость, бросая в реку в рубашке. Не жалели даже грудных детей. Река в том месте очень глубокая. Благодаря крепкому телосложению и умению плавать Акоп спасся, выйдя вплавь на правый берег.

Акоп, выплывший из воды в одной рубашке, и трое других мальчиков из других групп, спасшихся таким же образом и потрясенных пережитым, как-то поддерживали свое существование на покрытом пальмовой рощей островке между двумя протоками Евфрата. Полуодичавшие, они скрывались днем в глубине рощи, питаясь растениями, а ночами, движимые любопытством, тайком подбирались к мосту и наблюдали из укрытия за тем, как десятки тысяч армян гибли в Евфрате, слышали плач, вопли предсмертного ужаса тысяч матерей, детей, стариков, закалываемых кинжалами и сбрасываемых с высоты моста в реку, всплеск воды, принимавшей их тела одно за другим.

Более пяти тысяч армян, сбежавших из дейрэззорского лагеря с помощью взяток и других ухищрений и нашедших приют в ближайших арабских поселениях, нашли свою смерть на дне Евфрата. Спаслись только единицы, такие как Акоп.

Став воспитанниками приюта преподобного Аарона в 1919 году, они рассказывали каждый свою историю.

Прискорбно, но утраченного не вернуть: Акоп очень хотел записать все как очевидец, начиная с обороны Эдессы. Конечно, это было бы полноценным описанием событий, ведь у него было филологическое образование. Мы были с ним вместе с 1919-го по 1941-й. Вместе учились в сиротском доме Нарлы-Габу в Константинополе, потом в центральной школе, вместе же и репатриировались на Родину. Сначала он преподавал в школе села Канкан, потом появилась возможность учиться в Государственном университете, который окончил в 1936 году, а затем был назначен учителем литературы в десятилетке Эчмиадзина. Одновременно он занимался научной работой в Матенадаране[17]. Залечив раны и создав приличные материальные условия, он женился очень удачно, но в начале июня 1941 года стал жертвой культа личности из-за совершенно невинного высказывания. Я был на суде свидетелем. Он сказал в присутствии нескольких преподавателей, что «вряд ли немцам удастся победить в войне англичан». Несмотря на то, что через месяц после этого англичане стали нашими союзниками, его пятилетний срок остался в силе. Он скончался на пути домой с Дальнего Севера, оставив жену безутешной вдовой с тремя осиротевшими дочерьми.

Гукас Акопян из Измита не только был нашим товарищем по комнате в приюте, но с ним я учился вместе в начальных классах до 1922 года. Он был из тех детей, которых держали в приюте в Дейр эз-Зоре, в том самом, откуда я бежал, а потом вытащил оттуда и сестру. В 1916 году всех детей отвели в сопровождении жандармов на тот же мост. Разница только в том, что в этом случае в злодеянии не участвовали группы бандитов, так как у сирот не могло быть ничего, кроме рвани на них. В ночной темноте палачи сбросили всех в реку. Гукас, выросший у моря, хорошо плавал и выбрался на берег. Потом присоединился в роще на островке между протоками Евфрата к Акопу, и позже они устроились батраками-пастухами в племени Джбур.

Акоп из Зейтуна и Саргис из Адыямана были постарше нас. Они находились в лагере Гехин у Дейр эз-Зора, вышли оттуда с первым и третьим караванами. Они тоже выжили, работая у арабов батраками.

Самым младшим в нашей комнате был Фанос Ягджян, подвижный и энергичный, он ввязывался в драку даже со старшими. Мне было поручено заботиться о нем, так как он говорил только по-арабски. Однажды он исчез из приюта. Когда через два дня его с группой других сбежавших мальчиков нашли в окрестностях Халеба и привели в приют, то выяснилось, что группой руководил Фанос, который был моложе всех. Я был переводчиком.

---

[17] В годы, о которых идет речь, хранилище рукописей находилось в Эчмиадзине — резиденции католикоса всех армян. Впоследствии собрание рукописей было передано в государственную собственность и легло в основу всемирно известного собрания армянских рукописей, хранящихся в Государственном институте древних рукописей Матенадаране.

Оказалось, причиной был страх, внушенный детям приюта турецкими агентами, что в Халебе много евреев, что пекут они пасхальные печенья из крови христианских детей, которую вытягивают из них, протыкая иглами и держа в печи, пока из ребенка не вытечет вся кровь. Если каждой еврейской семье нужен один ребенок, то не хватит не только всех детей приюта, но всех христианских детей города. Они не хотели снова становиться армянами. Разве не лучше было остаться арабами? Просили вернуть их арабские рубашки, не хотели умереть такой смертью...

Никакие увещевания господина Карапета не помогали. Он ничего не хотел слышать и все грозился сбежать. По распоряжению господина Карапета его окружили особой заботой, а мне было велено не отходить от него ни на шаг. В последующие годы Фанос очень изменился. Вернулся вместе со мной на Родину и — так как очень любил военную форму — пошел учиться в Военную академию в Ленинграде, стал радиоинженером и занимался научной работой по специальности.

Турецкие тайные агенты не довольствовались тем, что пытались забивать головы тысячам сирот подобными измышлениями. За несколько месяцев до того, как я оказался в Халебе и в приюте, они собрали нетрудовые слои арабов возле крепости на рынке якобы для того, чтобы обсудить вопрос о том, какой протекторат предпочтительнее в Сирии — английский или французский. И тут же — по особому указанию — натравили толпу на убийства и ограбление армян. Погромы продолжались четыре часа, число жертв насчитывалось тысячами, а командование английского гарнизона, зная о погромах, не спешило на помощь, сначала ссылаясь на неоконченный завтрак, потом еще некоторое время солдат не отправляли на помощь, так как командиры, по свидетельству очевидца, несколько раз заставляли их садиться на коней, сходить и снова садится, придираясь к их якобы неправильной выправке. Наконец солдаты-индийцы, внемля мольбам армян, поспешили в город без командира, и только с их помощью прекратились погромы. Английское командование повесило несколько преступников, сочтя это равноценной компенсацией за кровь тысяч армян, кое-кого сослали на Мальту[18] и объявили происшедшее недоразумением.

Многие мальчики из нашего приюта не только видели все своими глазами, но благодаря господам Карапету и Андранику (из Себастии) более двух часов защищали приют с помощью своих деревянных ружей. Приняв бутафорское оружие за настоящее, толпа не посмела ворваться в приют и уничтожить тысячи сирот. Это событие произвело на детей сильное впечатление, они вспоминали о нем, рассказывали подробности, заново переживая ужас.

Большинство из нас находились в замешательстве. Если младшие по наивности боялись мнимой опасности стать жертвами евреев, то старших не покидало чувство реальной опасности, исходившей от турок, и многие из нас строили планы бежать обратно в арабские племена. Будь у нас уверенность в стабильности положения, многие бы записали подробности истребления полутора миллионов армян, рассказанные тысячами сирот, спасшихся чудом. Ведь среди нас было немало грамотных юношей.

К счастью, руководители нашего приюта, в первую очередь преподобный Аарон, вовремя заметили наши переживания. Только по прошествии времени я по достоинству оценил величие этого человека: почти в одиночку он успевал бывать повсюду и не только обеспечивать пропитанием около пяти тысяч сирот: он устраивал старших воспитанников на работу, другим создавал условия для учебы, думал о каждом ребенке... Для того чтобы предотвратить наш возможный побег из Халеба, он прибег к дипломатической уловке: устроив в связи с каким-то арабским праздником прием в здании приюта, он пригласил видных людей города, включая

[18] Мальта была английской колонией с 1800 по 1964 год.

религиозного главу. Когда около двухсот детей спели в их честь арабский гимн, преподобный попросил наместников халифа выступить перед нами и рассказал о наших переживаниях.

В присутствии более пятидесяти авторитетных арабов наместник халифа клятвенно уверил нас, почти тысячу сирот, втиснувшихся в зал, что погромы не могут повториться, потому что они были организованы турецкими тайными агентами, а арабы, которых в прошлом преследовали турки, симпатизируют армянам и обещают помогать армянским беженцам и сиротам по мере сил.

Стоя в первых рядах, я видел арабских вельмож и слушал без перевода эти слова на арабском языке. Это мероприятие оказалось переломным в жизни сирот: наконец мы стали думать о своем будущем. Забыв о своих планах побега к арабам, юноши группами отправлялись в Киликию, в родные места, другие — в Константинополь, где собралось некоторое число выживших после Катастрофы армян.

С некоторым опозданием начала действовать четырехлетняя приютская школа, но число учащихся не превышало трехсот человек из младших детей. Дети пятнадцати лет и старше ходили обучаться ремеслам.

Я уже восстановил свой армянский и сидел в четвертом классе, а Фанос, знавший пока только несколько армянских слов, учился в первом.

В соответствии со своим обещанием в декабре 1919 года к нам в приют прибыл Рубен Герян. Поговорив с нами и получив наше согласие, он составил список из десяти человек, не имевших никаких родственников и готовых ехать в Константинополь. После встречи нового 1920 года, организованной благотворительной организацией, мы были отправлены поездом в начале января в Бейрут, с тем чтобы оттуда добраться до Константинополя морем... Когда приют в Константинополе закрылся, его перевели в Грецию, где я пробыл два года.

В 1924 году я репатриировался вместе с группой товарищей на родину.

Здесь завершаю первую часть моих воспоминаний с надеждой когда-нибудь перейти с Божьей помощью ко второй.

Ереван, 1965

Публикация Рубена Дишдишяна

Перевод с армянского — «Искусство кино», 2008, № 4, 5, 6 — Аршалуйс Папазян

S U M M A R Y

Daniil Dondurei — Leonid Radzikhovsky — Alexandre Rodnyansky
Innovations. TV. Ideology
Round table talk at IK.

Nina Tsyrkun
Happening
Review of M.Night Shyamalan's HAPPENING (USA).

Lydia Kuzmina
Accidental circumstances
Review of Martin McDonagh's IN BRUGES (Gr. Britain — Belgium).

David Gart
Water-melon chewing gum and humble magendavid
Review of WALK ON WATER by Eytan Fox and SODOT, HA- by Avi Nesher (Israel).

Dmitry Desyaterik
Out control
Review of Anton Corbajn's CONTROL (Gr. Britain — USA — Australia — Japan).

Larisa Malyukova — Kirill Razlogov
Festina lente
St Anna award-2008.

Oleg Zintsov
Supermarket at night

Semyon Ekshtut
«What cavalry is better — red or blue?»

Personal rubrics.

Anjelika Artyukh — Dmitry Komm
It's already a-fire
Contemporary office culture.

Natalia Krivulya
3D — and behold
Full-length animation in USA and Europe.

Tom Hanks:
«Don't blame Charles Wilson!»
Conversed by Julliette Michaud.

Sergei Solovyev
Solomon
Remembrance of Solomon Shuster.

Semyon Shkolnikov
A hard way of a war cinematographer
War memoirs. Boris Manevich: «Patrol boats of the North attack». Ivan Panov: «A banner over Reichstag».

Olga Shevchenko
Water-meadow
Script.

Ovakim Dishdishian
Rafting down the Euthratus
The last installment.

08-42159

30 ОКТ 2008

Журнал издается при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1931 года

Учредители: Союз кинематографистов России, Министерство культуры РФ, редакция журнала «Искусство кино»

Главный редактор Даниил Дондурей
Исполнительный директор Елена Карташова
Заместитель главного редактора Нина Зархи
Ответственный секретарь Лариса Калгатина
Редактор спецпроектов Лев Карахан
Редакция: Леонид Гурьян, Евгений Гусятинский, Анастасия Дементьева, Татьяна Иенсен, Людмила Мишунина, Елена Плоткина, Елена Стишова, Нина Цыркун, Галина Элькина
Макет: Дмитрий Демский
Обложка: Евгений Добровинский
Дизайн и компьютерная верстка: Людмила Мишунина

•

Адрес редакции: 125319, Москва, А-319, ул. Усиевича, 9
Телефоны: (495) 151-5651, 151-3779. **Факс** (495) 151-0272
www.kinoart.ru

e-mail: filmart@yandex.ru, filmfilm@mtu-net.ru

Сдано в набор 17.07.08. Подп. к печати 30.07.08
Формат бумаги 70 x 100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная
Печ. л. 11,75. Уч.-изд. л. 14,96
Заказ 0642. ООО «Принт Экспресс», Москва, Денисовский пер., 30

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ № 01632 от 7.10.92

Фото и адреса актеров редакция не высылает
Рукописи не рецензируются и не возвращаются

•

«Искусство кино» распространяется во всех странах СНГ. Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи по каталогам агентства «Роспечать»: СНГ — с. 138, РФ — с. 237, Москва — с. 256. **Индекс** 70402.
В Москве на «Искусство кино» можно подписаться с получением вышедших номеров в редакции по адресу: ул. Усиевича, 9 (м. «Аэропорт»), телефон для справок: 151-3779.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДПИСЧИКОВ!
You can subscribe to our magazine through:
«Periodika»
Guilyarovsky st. 39
129110, Moscow, Russia
Tel. (495) 681-9137
Other: «East view publications, inc.»
3020 Harbor Lane North Minneapolis, MN 55447 USA
Tel. (612) 550-0961. Fax (612) 559-2931
Toll–free in the USA: 1-800-477-1005
Our address:
Usievich st. 9, 125319 Moscow, Russia
Tel. (495) 151-5651, 151-3779
Fax (495) 151-0272
www.kinoart.ru
e-mail: filmart@yandex.ru, filmfilm@mtu-net.ru

Журнал издается при поддержке:

компании «СТС Медиа» (телеканал «Домашний»)

телеканала ТНТ

Группы компаний GP

Интернет-версия «Искусства кино» осуществляется при поддержке Татьяны Друбич

ISSN 0130-6405

© Журнал «Искусство кино», 2008

Реклама
Лицензия на осуществление телевизионного вещания Серия ТВ №7632 от 16.09.2003, выдана Минпечати РФ

Индекс 70402

ИСКУССТВО КИНО

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Материалы З.АБДУЛЛАЕВОЙ, Е.ГУСЯТИНСКОГО, А.ДОЛИНА, Д.ДОНДУРЕЯ, О.ЗИНЦОВА, Д.КОММА, Л.МАЛЮКОВОЙ, А.ПЛАХОВА, Е.ПЛАХОВОЙ, К.РАЗЛОГОВА, А.ТУЧИНСКОЙ, А.ФОМЕНКО, Н.ЦЫРКУН

В РУБРИКЕ **«ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ»**

Фестиваль, который не зависит от фильмов
Новый «автор»: реальность без посредников
Актуальное кино — не снимать!

В РУБРИКЕ **«РЕПЕРТУАР»**

КАННН-2008
КИНОТАВР-2008
МОСКВА-2008

В РУБРИКЕ **«КОММЕНТАРИИ»**

ФУАД АБДУЛЛАЕВ
СЕМЕН ЭКШТУТ
ДМИТРИЙ ЮРЬЕВ
АЛЕКСАНДР ХРАМЧИХИН
ИГОРЬ СУКМАНОВ

В РУБРИКЕ **«ИМЕНА»**

ДАСТИН ХОФФМАН
АЛЕКСАНДР РОДНЯНСКИЙ
АНДРЕЙ ЧУРСИН

В РУБРИКЕ **«РАЗБОРЫ»**

Искусство и перестройка
«Особый взгляд» члена жюри
Американский мюзикл: эволюция жанра
Стереофотография: шаги к кино
Сценарий: о чем кино?

В РУБРИКЕ **«ОПЫТ»**

КАТРИН ДЕНЁВ
ЛЮК ДАРДЕННН

В РУБРИКЕ **«MEDIA»**

Мифология телесериала
Теленовости: в технике «большого рассказа»

В РУБРИКЕ **«ПУБЛИКАЦИИ»**

Дневники Ролана Быкова
Заявка Геннадия Шпаликова

В РУБРИКЕ **«ЧТЕНИЕ»**

Анастасия Пальчикова. ОДИН НА ОДИН
Юрий Арабов. ЧУДО